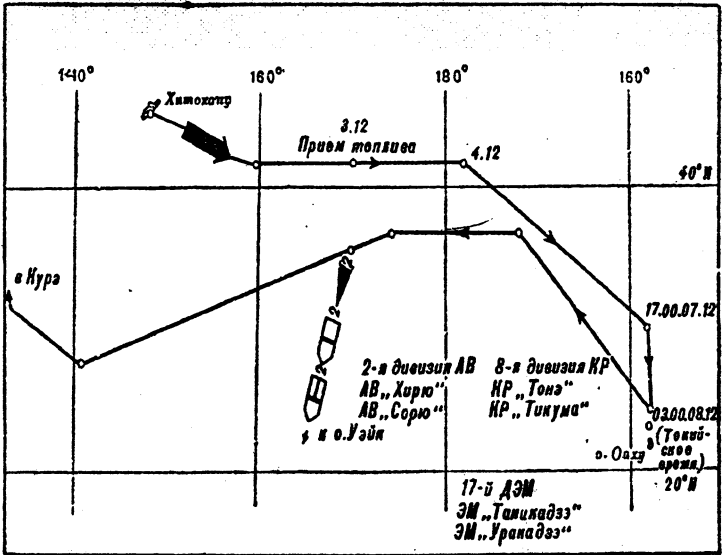

Уолтер Лорд

ФЕЛС
НОЗОРА

Путевая карта оперативного соединения адмирала Нагумо

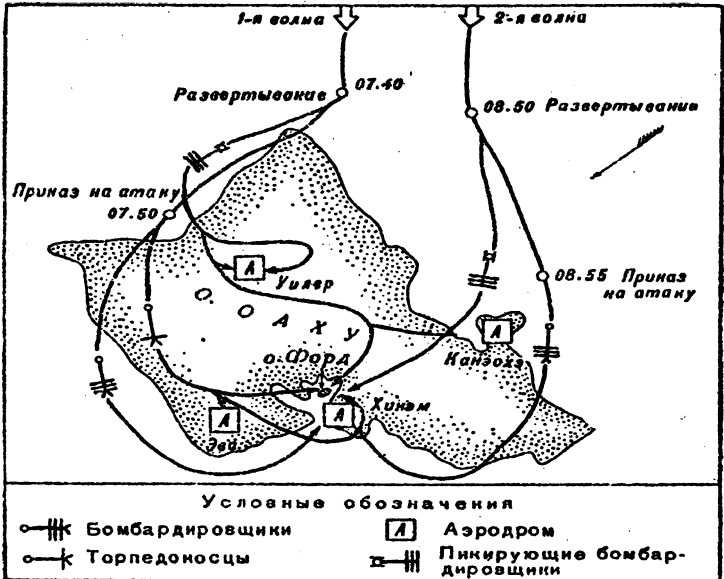

Схема подходов самолетов к острову Оаху (база Перл-Харбор)

ВСТУПЛЕНИЕ

Это страшное событие произошло 7 декабря 1941 года.

Некоторые американцы узнали о нем, слушая репортаж о футбольном матче «гигантов» со стадиона Поло в Нью-Йорке. В 14 часов 26 минут репортаж был неожиданно прерван экстренным сообщением:

Япония напала на Перл-Харбор!

Присутствовавшие на концерте в Нью-Йоркской филармонии узнали об этом спустя полчаса. Симфонический оркестр Артура Родзинского исполнял первую симфонию Шостаковича. Трансляция концерта была внезапно прервана и Си-Би-Эс повторила сообщение о внезапном нападении на военно-морскую базу Соединенных Штатов.

Сами музыканты узнали об этом еще позже, когда ведущий трансляцию диктор Уоррен Суиньи сообщил им эту ошеломляющую новость и снова вызвал оркестр на сцену для исполнения «Звездного (Звездно-полосатого) Флага». Мелодия американского гимна один раз уже звучала в начале концерта, но сейчас при-

сутствующие в зале хором пели и слова.

Другие узнали об этом различными путями, но как бы это ни произошло, 7 декабря стало для них днем, который никто никогда не забудет. Без сомнения, каждый американец, живший в то время, может рассказать, когда и при каких обстоятельствах он впервые услышал об этом событии. Каждый заботливо сохранил в памяти этот момент как некий душевный сувенир, инстинктивно понимая, как много в его судьбе и в жизни его страны должно измениться из-за трагедии, разыгравшейся на Гавайских островах.

В нашем повествовании дана история этого незабываемого дня.

Глава 1

«НЕ ПРАВДА ЛИ, ПРЕКРАСНЫЙ ВИД?»

*М*оника Контер — юная армейская медсестра и младший лейтенант Барни Беннинг — артиллерийский офицер береговой батареи, стоя на террасе офицерского клуба Перл-Харбора, наблюдали, как снующие по гавани катера развозили моряков с берега на стоящие на якорях боевые корабли.

Моника и Барни были помолвлены, окружающая обстановка, казалось, полностью соответствовала их превосходному настроению.

Вся прозаическая действительность — огромные эллинги, доки, башенные краны и все прочее оборудование гигантской военно-морской базы постепенно скрывалось в надвигающемся мраке ночи, дневная жара спадала и оставалось только то, что доставляло удовольствие: лунный свет... танцевальная музыка, лившаяся из дверей клуба... огни прожекторов кораблей Тихоокеанского флота, яркими линиями перекрестившие гавань во всех направлениях. Сегодня этих огней было больше, чем когда-либо.

В конце нынешней недели, впервые после

праздников 4 июля в гавани собрались все могучие линейные корабли Тихоокеанского флота Америки.

Вообще-то они должны были находиться в море. Шесть линкоров предполагалось послать на учения в составе эскадры адмирала Пая, а три должны были сопровождать авианосное соединение адмирала Хелси. Но выход эскадры Пая почему-то был отложен, а Хелси ушел в море со специальным заданием, что вынудило его оставить линкоры сопровождения на базе.

Незадолго до этого было получено секретное предупреждение из Вашингтона о возможности начала военных действий. В предупреждении говорилось, что ожидается удар Японии «по Филиппинам, Таиланду, полуострову Кра и, возможно, по Борнео». Поэтому соединение Хелси, построенное вокруг авианосца «Энтерпрайз», получило приказ срочно перебросить эскадрилью истребителей морской пехоты для усиления гарнизона атолла Уэйк. Линейные корабли понизили бы эскадренную скорость соединения с 30 до 17 узлов, и Хелси оставил их в гавани. Второй авианосец — «Лексингтон» — перебрасывал самолеты на атолл Мидуэй, а линкоры, считавшиеся слишком уязвимыми, чтобы выходить в открытое море без воздушного прикрытия, стояли в Перл-Харборе на безопасных якорных стоянках внутреннего рейда.

Из-за присутствия в гавани крупных боевых кораблей в офицерском клубе было гораздо веселее, чем обычно. Когда Моника Контер и лейтенант Беннинг вернулись в зал и присоединились

к группе своих друзей за столом, кто-то предложил позвонить лейтенанту Биллу Селивестру — их другу, находившемуся в восьми милях от клуба — в Гонолулу. Моника позвонила ему и шутливо отругала за то, что Билл скрывается от друзей. Это был обычный телефонный разговор в числе тысячи подобных, которыми молодые люди обмениваются по вечерам, а запомнился он только потому, что нынешняя ночь стала последней в жизни лейтенанта Селивестра.

В зале не смолкали шум и веселый смех офицеров, их жен, подруг и друзей. Настроение поддерживали вкусные блюда голландской кухни.

Было очень весело, но совсем не шикарно. Бар всегда закрывался в полночь.

Репертуар оркестра несколько устарел — любимая у посетителей мелодия «Нежная Лейлани» была вещью четырехлетней давности.

Интерьер зала был заурядный — хром, фанера и искусственная кожа, — типичный для всех офицерских клубов, где бы они ни находились.

Привлекала сюда дешевизна — доллар за обед из трех блюд — и, что самое главное, непринужденная дружеская атмосфера.

6 декабря 1941 года казалось, что все на флоте знают друг друга.

В двенадцати милях от Перл-Харбора бригадный генерал Дарвард Вильсон — командир 24-й пехотной дивизии — наслаждался точно таким же вечером в офицерском клубе Шофильдских казарм. Здесь также ощущалось, что сегодня, на еженедельных субботних танцах, было веселее, чем обычно. Отчасти это казалось пото-

му, что большинство подразделений 24-й и 25-й пехотных дивизий только что вернулись с долгих и тяжелых полевых учений. Отчасти же еще и потому, что в этот вечер выступала Энн Эцлер — «самая талантливая девушка, которую я когда-либо видел», как галантно отозвался о ней генерал Вильсон. Энн пела и танцевала не очень, конечно, профессионально, но все ее выступление доставляло искреннее удовольствие каждому из присутствующих, включая и генерал-лейтенанта Уолтера Шорта — командующего Гавайским военным округом.

Однако, сегодня генерал Шорт опоздал на свой любимый концерт. Его перехватил телефонный звонок как раз в тот момент, когда он вместе с начальником разведки округа подполковником Кенделлом Филдером уже собирался выехать на концерт из своей квартиры на форту Шафтер, где располагался штаб округа. На проводе был начальник контрразведки округа подполковник Джордж Бикнелл. Бикнелл попросил Шорта подождать его: он должен был сообщить нечто интересное и важное. Командующий сказал: «Хорошо, но побыстрее».

В шесть тридцать запыхавшийся Бикнелл прибыл на форт. Пока раздраженные и злые жены Шорта и Филдера ждали своих мужей в автомобиле, трое офицеров собрались в кабинете командующего. Подполковник Бикнелл ознакомил Шорта и Филдера с записью телефонного разговора, перехваченного за день до этого местным отделением ФБР. Речь шла о телефонном звонке из Токио от кого-то из газеты «Иомиури

Синбун» к доктору Мотоказе Мори — зубному врачу и мужу корреспондентки одной из газет Гонолулу. Токио запросил сведения об обстановке: о самолетах, прожекторах, количестве моряков в городе, о погоде... и о цветах.

«Нынешнее время, — ответил доктор Мори, — самое неудачное из всего года для цветов. Тем не менее, гибискус и пойнзеция цветут именно теперь».

Трое офицеров были сбиты с толку. Кому это понадобилось заказывать дорогой транстихоокеанский телефонный разговор только для того, чтобы поговорить о цветах? Но, если это был код, то почему в разговоре так открыто говорилось о таких предметах, как самолеты и прожекторы? И вообще, почему шпион пользовался телефоном? Что это все значит? Есть ли какая-нибудь связь между этим разговором и секретной телеграммой, недавно полученной из Вашингтона, предупреждающей, что «вооруженный конфликт может вспыхнуть в любой момент».

Пятнадцать минут... полчаса... почти час. Офицеры ломали голову и не могли прийти к какому-либо определенному выводу. В итоге генерал Шорт высказал мнение, что подполковник Бикнелл является «слишком дотошным контрразведчиком». В любом случае они ничего не решат сегодня вечером. Все это необходимо обдумать более тщательно и снова обсудить завтра утром.

Было уже почти половина восьмого, когда генерал Шорт и подполковник Филдер присоединились к кипящим от возмущения женам и выехали в Шофильд, находившийся в пятнадцати

милях от форта Шафтер. От концерта офицеры не получили желаемого удовольствия. Они даже не заметили декоративных колонн, выполненных из лавы и перевитых гирляндами цветов и папоротников. Настолько их мысли были заняты другим.

Генерал Шорт выпил пару коктейлей — он никогда не пил ничего крепкого после обеда — и, сидя в зале, не мог отделаться от чувства тревоги. Это чувство было вызвано не только странным телефонным разговором доктора Мори. Генерал думал о боевой подготовке вверенных ему частей, о вооружении и снаряжении, которого катастрофически не хватало. Его тревожила также возможность японских диверсий. Недавно генералу было направлено секретное предупреждение о весьма реальной опасности: возможного восстания на Гавайях лиц японского происхождения. А таких было 157 905 человек и все они остро реагировали на любые действия Токио.

Шорт немедленно предупредил подчиненных ему командиров о возможности диверсий.

Были приняты все необходимые меры. В частности, на аэродромах самолеты были поставлены вплотную друг к другу на открытых стоянках — так их было легче охранять. О принятых мерах генерал доложил в Военное министерство в Вашингтоне, но страх перед японской «пятой колонной» сохранился. Диверсии — это был способ, которым страны Оси всегда наносили первый удар.

В половине десятого Шорт и Филдер покинули офицерский клуб и поехали обратно на форт

Шафтер. Когда они проезжали по горной дороге, весь ночной Перл-Харбор внезапно открылся перед ними во всем великолепии. Корабли Тихоокеанского флота, сияя огнями, время от времени прощупывали ночное небо прожекторами. На какой-то момент отступили все заботы дня и осталось только наслаждение прекрасной безветренной ночью.

«Не правда ли, прекрасный вид? — заметил генерал Шорт и задумчиво добавил, — и какая превосходная цель».

В отличие от Шорта, командующий Тихоокеанским флотом адмирал Хасбанд Киммел провел гораздо менее наполненный событиями вечер в Гонолулу. Он спокойно поужинал в отеле «Халекулани», возвышающемся над пляжем Уайкики непонятным сплавом красоты и уродства.

Несколько высших офицеров флота жили в этом отеле вместе со своими женами, и сегодня адмирал Лири с супругой давали небольшой ужин, пригласив на него и командующего. Ужин проходил скучно. Настолько скучно, что две присутствующие на нем женщины в конце концов не выдержали и поднялись к себе, чтобы провести вечер более оживленно.

Адмирал Киммел ни в коей мере не мог считаться душою общества, особенно на званых обедах или ужинах. Суровый, резкий, прямолинейный — он целиком принадлежал службе. Его отдых в основном заключался в прогулках на свежем воздухе с офицерами своего штаба. Он не любил коктейли и прочие обычные увеселения. Моряк до мозга костей, он даже не принял но-

вую форму цвета хаки, введенную недавно на флоте, заметив, что она «унижает достоинство моряков».

Адмирал был сложным в общении человеком, а занимаемая должность сделала его характер еще более тяжелым.

При назначении на пост командующего, Киммел обошел тридцать двух адмиралов, имеющих на это большее право по старшинству. Он был безукоризненно вежлив с подчиненными, но в отношениях между ним и офицерами штаба всегда чувствовалась какая-то натянутость. Правда, такая должность, как командующий флотом, могла убить в любом человеке все, что не имеет отношения к службе.

Дел было невпроворот.

На флот поступали новые корабли, проходила модернизация старых; постоянно приходилось переучивать личный состав и обучать прибывающих новобранцев, разрабатывать различные планы возможных операций против Японии в случае военного конфликта.

Сегодня после обеда адмирал Киммел провел со своими штабными офицерами совещание по анализу обстановки. Японцы опять сменили свои шифры — уже второй раз за последний месяц. Куда-то исчезли все их авианосцы. Конечно, с другой стороны, японцы, вполне естественно, должны принять какие-то меры предосторожности в столь напряженный момент их отношений со Штатами, и исчезновение авианосцев могло равным счетом ничего не значить — разведка флота теряла их уже, по меньшей мере, двенад-

цать раз за последние шесть месяцев. Оценка обстановки, произведенная как в Вашингтоне, так и в штабе Тихоокеанского флота, говорила, что, если и произойдет какая-нибудь неожиданность, то скорее всего где-нибудь в юго-восточной Азии.

Об угрозе Гавайским островам никто серьезно не думал. Чтобы у самого Киммела не болела голова по поводу обороны базы, эта задача была поставлена перед Армией и так называемым 14-м военно-морским округом, номинально подчиненным штабу флота, но, в действительности, совершенно самостоятельной организацией, которой командовал контр-адмирал Клэйд Блоч.

Теоретически оборона базы была продумана досконально. Неделю назад, когда адмирал Киммел спросил начальника оперативного отдела штаба капитана 1 ранга Чарлза Макмориса, есть ли какие-нибудь шансы внезапной атаки на Гонолулу, тот без колебаний ответил: «Никаких!»

Штабное совещание закончилось около трех часов. Адмирал Киммел вернулся к себе на квартиру и примерно в семнадцать сорок пять спустился ужинать с адмиралом Лири. Пока адмиралы ужинали на террасе отеля под сенью ветвей огромного чайного дерева, шофер командующего ожидал в машине, отчаянно воюя с москитами. Дежурный администратор отеля Ричард Кимпбелл предложил шоферу войти в холл. Шофер ответил, что ему москиты совершенно не мешают. Просто скучно. Жаль, что он снял с машины радио. Было бы веселее.

Примерно в половине десятого адмирал встал из-за стола и отправился домой, где, выпив чай, лег в постель. Закончилась еще одна изнурительная неделя его службы. Завтра утром во время игры в гольф он планировал встретиться в генералом Шортом, чтобы договориться о некоторых совместных действиях в случае необходимости.

Большинство подчиненных Киммела вовсе и не думали следовать примеру своего командующего, то есть идти спать.

Командир флотилии эскадренных миноносцев контр-адмирал Роберт Тобальд танцевал до полуночи в «Тихоокеанском клубе».

Капитан 3 ранга С. Айсквит — инженер-механик корабля-цели «Юта» — играл в карты в «Гавайском коммерческом клубе».

Только что выпущенный из военно-морского училища в Аннаполисе лейтенант Виктор Делано провел очень приятный вечер в доме командующего 4-й дивизией линкоров вице-адмирала Уолтера Андерсона.

Матросы и старшины, солдаты и сержанты могли себе позволить еще более обширный выбор развлечений.

Радист Фред Глезер из Перл-Харбора,.. сержант Джордж Гейгер с базы армейских бомбардировщиков Хикэм,.. две трети роты «М» 19-го пехотного полка из Шофилдских казарм... и тысячи других из различных флотских и армейских подразделений, разбросанных по всему острову Оаху, ринулись в Гонолулу на казенных автобусах, полуразвалившихся автомобилях и древних

такси. Город предлагал самые разнообразные развлечения. Некоторые, подобно старшине Монтессор, ловили девочек в маленьких кафетериях на пляже Уайкики. Другие смотрели программу варьете «Танцующие ножки», но большинство просто шлялось по Отель-стрит, где в изобилии теснились уютные кабачки, аттракционы, игральные автоматы, парикамахерские, салоны массажа, фотоателье, киоски сувениров и многое другое, что предприимчивые жители Гонолулу могли придумать для развлечения и удовольствия военнослужащих.

Музыка пианол-автоматов лилась из бара Билла Лейдера, ресторанов «Два Джека» и «Минт», кафе «Новая Эмма». Сверкала разноцветными огнями реклама на отелях «Райтц», «Рекс» и «Якорь». Слышались смех, шутки, морской жаргон. Иногда вспыхивали случайные ссоры.

Береговой патруль прекратил драку между двумя матросами с крейсера «Гонолулу», задержал матроса с линкора «Калифорния», появившегося в городе с чужой увольнительной, арестовал матроса с базы гидроавиации Канэохе за пререкания, но в целом вечер прошел удивительно спокойно. Было всего пять случаев серьезного нарушения дисциплины.

Военная полиция также не перетрудилась. Было подобрано около двадцати пяти напившихся до бесчувствия солдат (из 42 952, находящихся на острове), которых отправили протрезвиться на гауптвахту форта Шафтер. В остальном — ничего особенного.

Удивительно большое количество матросов и солдат осталось на кораблях и в частях. После наплыва в армию и на флот большого числа резервистов в моду вошли простые развлечения. В гарнизонном клубе авиабазы Хикэм рядовой Эд Эриксон просматривал книгу Кларка Гейбла «Хонки Тонк» о хитростях восточной софистики.

В больших новых казармах неподалеку старший сержант Чарльз Майбек слушал музыку Бенни Гудмена и Бина Кросби на своем новом фонографе. В Шофилде рядовой Алоиз Манушевский выпил немного пива в гарнизонном баре и большую часть вечера писал письма родным в Буффало.

В Перл-Харборе младший боцман Роберт Джонс провел вечер вместе со многими другими моряками в новом базовом матросском клубе.

Это было место, где матросам и старшинам предоставлялись все виды отдыха: музыка, танцы, спортивные состязания, кегли, бильярд и, в известных границах, выпивка.

Программой сегодняшнего вечера была «Боевая музыка» — финал конкурса на звание лучшего оркестра флота. После приветственного топота ног, свиста и аплодисментов присутствующих оркестры с линкоров «Пенсильвания» и «Теннесси» и крейсеров «Детройт» и «Аргонна» начали демонстрировать свое искусство. Первое место досталось оркестру линкора «Пенсильвания». Потом все присутствующие спели «Боже, храни Америку» и вечер завершился танцами.

Когда в полночь возбужденная толпа моряков высыпала из клуба, многие еще пытались

доказать, что оркестр линкора «Аризона» — который даже не дошел до финала — был, в действительности, самым лучшим из всех.

Люди возвращались на свои корабли и в расположение своих воинских частей. Бары на Отель-стрит закрывались, закончились танцы.

Гасли огни. Строгие пуританские законы Гонолулу предписывали прекращение развлечений ровно в полночь. Кое-где еще темнели одинокие парочки влюбленных.

Младший лейтенант Фред Фрогги сделал в эту ночь предложение Эвелине Дауэр и получил согласие.

Лейтенант Уильям Хэслер с линкора «Вест-Вирджиния» не был так удачлив, но, к счастью, не потерял надежды. Ведь в дальнейшем любая женщина может и изменить свое решение.

Лейтенант Беннинг отвез Монику Контер на аэродром Хикэм, где та служила. По дороге молодые люди обсуждали планы следующего воскресного дня: ленч, купание в море, поход в кино, ужин с друзьями.

Другая помолвленная пара — младший лейтенант Эверет Мэльколм и Марион Шаффер — ехали к дому девушки, находившемуся далеко в горах за Гонолулу. Проводив невесту до дома и договорившись встретиться с ней утром на площадке для гольфа, офицер поспешил обратно в Перл-Харбор. Было уже около двух часов ночи, когда Мэльколм понял, что не успевает к последнему катеру с его линкора «Аризона». Поэтому вместо того, чтобы ехать на пирс, лейтенант повернул машину к дому капитана Эмерсона. Ста-

рый капитан служил зубным врачом на «Аризоне» и его холостяцкая квартира была своего рода ночлежкой для молодых офицеров линейного корабля. Юного лейтенанта тепло встретил встретил хозяин дома вместе с тремя офицерами, которые, сидя прямо на ковре, спорили по поводу 14 пунктов Вудро Вильсона, как будто больше говорить было не о чем. Слегка смущенный Мэльколм присоединился к компании и они продолжали спорить почти до трех часов ночи.

Единственным человеком, не нашедшим приюта, был радист Фред Глейзер. Он решил переночевать в своем автомобиле.

Лейтенант Кермит Тайлер тоже находился в автомобиле, но он ехал на дежурство в армейский информационный центр, недавно созданный на форту Шафтер. В этом центре молодой пилот должен был дежурить с четырех ночи до восьми утра в качестве офицера связи от истребительной авиации аэродрома Уиллер. Ведя машину по дороге к форту, Тайлер включил радио. Машина наполнилась нежными звуками гавайской музыки, передаваемой станцией Кэй-Джи-Эм-Би.

В трехстах двадцати милях к северу, в радиорубке японского авианосца «Акаги» капитан 2 ранга Кандзиро Оно внимательно слушал ту же самую программу. Оно был начальником службы связи в штабе вице-адмирала Чуичи Нагумо — командующего огромным японским ударным соединением. Соединение, идущее полным ходом на юг через ночную тьму, состояло из шести ави-

аносцев, двух линкоров, трех крейсеров и девяти эсминцев. Адмирал Нагумо должен был нанести сокрушительный удар по американскому флоту в Перл-Харборе, и весь успех операции зависел от достижения внезапности. Адмирал считал, что если американцы что-либо заподозрят, их радио несомненно выдаст это.

Но никаких признаков тревоги не было. Радиорубку продолжали заполнять мягкие звуки гавайской мелодии, передаваемой с островов. Облегченно вздохнув, адмирал Нагумо откинулся в кресле: значит, можно надеяться, что длительная и тяжелая работа была проделана не напрасно.

Глава 2

«МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ!»

Прошло десять месяцев с того дня, как адмирал Исороку Ямамото, командующий Объединенным флотом Японии, как бы между прочим заметил контр-адмиралу Такадзиро Ониси — начальнику штаба 11-го Воздушного флота: «Если начнется война с Соединенными Штатами, у нас нет никаких шансов ее выиграть, пока не будет уничтожен американский флот в гавайских водах».

Затем Ямамото приказал адмиралу Ониси изучить возможность внезапной атаки на Перл-Харбор. Ониси поручил разработку операции блестящему молодому пилоту капитану 2 ранга

Минору Генда, который возглавил в его штабе оперативный отдел. Через десять дней Генда доложил свои выводы: операция рискованна, но возможна.

Ямамото не нуждался в чьем-либо другом мнении. Он и несколько его ближайших помощников в глубокой тайне прорабатывали эту идею во всех подробностях, и в мае контр-адмирал Сигеру Фукудоме из Морского Генерального штаба, передавая начальнику штаба 1-го воздушного флота контр-адмиралу Рейносукэ Кусака толстую секретную тетрадь, сказал: «Прочтите это». Кусака открыл тетрадь и тут же погрузился в массу всевозможных данных о Перл-Харборе. В тетради была голая статистика, но никакого оперативного плана. «Я хочу, — сказал Фукудоме, — чтобы этот план составили вы».

Задача казалась необъятной. Силы Соединенных Штатов выглядели гигантскими. Гавайи находились в тысячах миль от Японии. Там была целая сеть аэродромов: Хикэм, Уиллер, Эва, Канэохе, а возможно, еще и другие.

Сама гавань Перл-Харбора была узкой и мелкой, что крайне затрудняло нападение на находящиеся там корабли. Но главное было в том, что вице-адмирал Чуичи Нагумо — имевший в подчинении 1-й Воздушный флот, который должен был возглавить набег на Гавайские острова, крайне неохотно взялся за это дело. И не удивительно, что Кусака как начальник штаба у Нагумо, был далеко не в восторге от самой идеи операции.

«Не надо рассказывать мне о том, что в этой операции слишком много риска, как в карточной игре без козырей. Мне приходилось блефовать и в бридже, и в шогги, — мягко увещевал Ямамото адмирала Кусаку, — господин Кусака, я полностью согласен со всеми вашими аргументами, но Перл-Харбор — это моя идея и мне необходима ваша поддержка».

Главная помощь, которую может ему оказать Кусака, подчеркнул адмирал Ямамото, это переубедить адмирала Нагумо.

Кусака продолжал работать над планом операции, и идея адмирала Ямамото постепенно начала приобретать реальные черты.

Между тем, капитан 2 ранга Генда бился над проблемой авиационных торпед. Все лето он проводил сверхсекретные опыты во Внутреннем море, отрабатывая приемы сброса торпед на мелководье. К августу он перенес испытания на маленький островок Саеки, напоминающий по конфигурации побережья и глубине залива место стоянки линейных кораблей в центре Перл-Харбора. Испытания шли туго. Как ни менялись приемы сброса торпед, огромные, 800-килограммовые рыбы, подняв тучи ила, неизменно застревали на дне. Немногочисленные наблюдатели из штаба 1-го Воздушного флота сокрушенно покачивали головами...

Все подготовительные мероприятия проводились в обстановке чрезвычайной секретности. Однажды, в конце августа, лейтенант Тосио Хасимото — молодой пилот морской авиации, при-

дя за какими-то документами в штаб своей авиагруппы, застал там нескольких адмиралов, склонившихся над картами острова Оаху. На всех картах красовался гриф «Совершенно секретно!», и лейтенант был страшно напуган своим вторжением. Никто ничего не сказал ему, но он понял, что случайно вторгся в какую-то страшную тайну.

В конце августа адмирал Ямамото решил наконец приоткрыть завесу тайны для нескольких избранных офицеров из своего ближайшего окружения. План операции был обсужден с начальником Главного морского штаба адмиралом Осами Нагано, а также с тринадцатью старшими офицерами, возглавлявшими различные отделы Главного морского штаба и штаба Объединенного флота. Затем, со 2 по 13 сентября, операция была «обкатана» на штабной игре в Военно-морском колледже.

Результаты игры оказались не очень обнадеживающими: атакующий флот «потерял» два авианосца, что подтвердило мнение адмирала Нагумо о большом риске проведения подобной операции. Предполагаемую потерю двух авианосцев Нагумо считал чрезмерной ценой за проблематическую победу. Офицеры главного морского штаба поддержали его, высказав мнение, что наступление Японии в юго-восточной Азии может не вызвать вообще никакой реакции со стороны США, а если даже и вызовет, то лучше перехватить американский флот поближе к Японским островам, чем самим отправляться в неизвестность — куда-то за тысячи миль. Кроме того,

адмирал Нагано выразил беспокойство по поводу штормовой погоды в декабре, когда намечалось проведение операции.

Но Ямамото продолжал настаивать на своем: если мы начнем наступление на юг, Америка не останется безучастным свидетелем... флот США представляет наибольшую опасность для Японии... именно сейчас — самый подходящий момент, когда можно разгромить его одним ударом, а когда Америка оправится от удара, Япония уже обеспечит себя всем необходимым для ведения длительной войны и сумеет удержать захваченное.

В итоге командующий Объединенным флотом сумел убедить всех, и его точка зрения победила. 13 сентября Главный морской штаб выпустил специальную директиву, предусматривающую одновременно с вторжением в Малайю, на Филиппины и в голландскую Ост-Индию (Индонезию) нанесение сокрушительного удара по американскому флоту в Перл-Харборе.

Один за другим все новые и новые офицеры флота втягивались в работу по подготовке к нанесению внезапного удара по американскому флоту.

Блистательный морской летчик, капитан 2 ранга Мицуо Футида был весьма удивлен, получив предписание вернуться для дальнейшего прохождения службы на авианосец «Акаги». Службу на авианосце молодой офицер оставил год назад, поступив в Военно-морскую Академию.

Прибыв на корабль, Футида был еще более

удивлен, узнав, что назначен командиром всех авиагрупп шести авианосцев 1-го Воздушного флота. Капитан 2 ранга Генда — приятель Футиды и его однокашник по военно-морскому училищу — успокоил своего сослуживца: «Не волнуйся. Мы хотим, чтобы ты вел наши самолеты в случае необходимости атаковать Перл-Харбор».

Отобрав около сотни опытнейших пилотов, в число которых входил и капитан-лейтенант Ешио Сига, адмирал Ямамото, взяв с офицеров клятву хранить тайну, лично посвятил их в свой план, призвав приложить максимум усилий для его выполнения.

Между тем, проблема авиаторпед так и оставалась нерешенной. Затеянные упрямым Гендой опыты продолжались, но не давали никаких положительных результатов. Торпеды постоянно зарывались в ил морского дна. Капитан 2 ранга Футида стал уже сильно сомневаться: удастся ли их вообще использовать при нападении. Но Генда был упорен, и в начале ноября им улыбнулась удача: простые деревянные стабилизаторы, укрепленные на корпусе торпеды, решили проблему. Теперь торпеды можно было использовать даже на 17-метровой глубине гавани Перл-Харбора.

В то же время другие пилоты отрабатывали тактику поражения кораблей авиабомбами, так как никто, кроме Генды, не был так всецело предан торпедам. Более того, детальная разведывательная информация, исходившая от генерального консула Японии в Гонолулу, говорила,

что американские линкоры часто швартуются лагом друг к другу, и торпеды не смогут поразить корабль, находящийся на внутренней стороне между другим линкором и стенкой. Оказалось, однако, что в распоряжении авиации нет бомб, способных пробить могучую броню кораблей американского флота. Но практичные работники материально-технической службы флота нашли выход: к обычным 16-дюймовым бронебойным снарядам были приделаны стабилизаторы, превратившие их в мощные авиабомбы. Испытания превзошли все ожидания. Не возникало сомнения, что такие бомбы пробьют любую броню.

Пока летчики отрабатывали тактические приемы, а изобретатели выдумывали свои чудовищные новинки, адмирал Кусака вел невидимую войну с бюрократами Морского министерства. В течение октября адмирал несколько раз вылетал в Токио, чтобы убедить министерство передать в распоряжение 1-го Воздушного флота восемь танкеров, не раскрывая при этом тайны операции. Чиновники-бюрократы в Токио никак не могли взять в толк: зачем Кусаке необходимо восемь танкеров, когда ему вполне хватает и шести. Но Кусака знал: если Ударное соединение не будет располагать восемью танкерами, придется идти в бой с четырьмя авианосцами вместо шести. Однако, министерство сопротивлялось до последнего и потребовалось несколько недель, чтобы получить дополнительные танкеры и не раскрыть, для чего они понадобились.

Самый молодой капитан 3 ранга в японском флоте — тридцатитрехлетний Сугуру Судзуки — получил тем временем более интересное задание. В конце октября он совершил на борту японского лайнера «Тайо-Мару» интересное и полезное путешествие на Гавайские острова. Направляясь в Гонолулу, лайнер шел гораздо севернее, чем обычно, пройдя сначала между Алеутами и Мидуэем, а затем повернув на юг к Гавайским островам — точно по курсу, который планировался для ударного соединения адмирала Нагумо, чтобы избежать преждевременного обнаружения.

Во время путешествия капитан 3 ранга Судзуки не сидел сложа руки. Он тщательно фиксировал данные о направлении и силе ветра, атмосферном давлении, количестве обнаруженных кораблей.

Могут ли разведывательные самолеты взлетать в этом районе с корабельных катапульт? Могут.

Возможно ли в условиях этого района дозаправить корабли топливом? Возможно.

Во время путешествия Судзуки не заметил ни одного корабля. В Гонолулу капитан 3 ранга Судзуки провел очень загруженную неделю. От случайных визитеров на лайнер он узнал, что американский флот больше не использует якорную стоянку Лахайна, как это практиковалось ранее. Судзуки проверил эту информацию, тщательно осмотрев всю инфраструктуру острова Оаху, облетев все американские базы на нанятом частном самолете 21 октября. Самолет, взлетевший с частного аэродрома Джона Роджерса, обслуживал

прибывающих на остров туристов. Судзуки сделал несколько интересных снимков Перл-Харбора с воздуха. Пассажирам это не возбранялось.

Вернувшись в Токио, Судзуки сравнил свою информацию с информацией другого капитана 3 ранга — Тосихида Маедзима, побывавшего на Гавайях в интересах командования японского подводного флота.

Далее события начали разворачиваться стремительно.

3 ноября план нападения был утвержден адмиралом Нагано...

5 ноября Объединенный флот издал совершенно секретный приказ №1 о нападении на Перл-Харбор...

7 ноября адмирал Нагумо был официально назначен командующим Ударного соединения, сформированного для выполнения приказа №1.

В этот же день адмирал Ямамото окончательно установил и дату нападения — 8 декабря (в воскресенье 7 декабря по Гавайскому времени). Для подобного решения было несколько причин: выгодная фаза Луны... лучшая координация по времени с вторжением в Малайю и на Филиппины... большие шансы поймать корабли в состоянии низкой боевой готовности со значительным процентом личного состава в увольнении на берегу.

Воскресенье!

Еще несколько человек пришлось посвятить в тайну задуманного нападения. Одним из них оказался пожилой интендантский офицер капитан

2 ранга Шиничи Шимуцу, которому адмирал Кусака конфиденциально рассказал о плане операции, попросив добыть для личного состава кораблей зимнее обмундирование, не привлекая к этому ненужного внимания. Это было не просто, поскольку весь флот снабжался с учетом будущих действий в тропиках. Запрос на зимнее обмундирование вызвал бы удивленные вопросы в интендантстве. Капитан 2 ранга Шимуцу нашел мудрое решение: он подал заявку и на летнее, и на зимнее обмундирование, мотивируя это тем фактом, что в случае войны никогда нельзя сказать с уверенностью, где окажешься в конце концов, на севере или на юге.

Погрузив все добытое на пароход «Хоко-Мару», Шимуцу 15 ноября вышел в море. Уйдя из видимости берегов, он приказал изменить курс на север, направляя судно в бухту Танкан на безлюдных, засыпанных снегом Курильских островах, выбранных в качестве секретного места rendez-Ударного соединения адмирала Нагумо.

Сам адмирал Нагумо также вскоре последовал туда. Его флагманский корабль авианосец «Акаги» вышел из Саеки поздно вечером 17 ноября. Адмирал Кусака был преисполнен оптимизма. Стоя на мостике авианосца рядом с Нагумо, он рассказал командующему, что вчера получил письмо от своей старой экономки, в котором та рассказывала о приятном сне — японский подводный флот одержал блестящую победу в Перл-Харборе. Станный сон для экономки, но Кусака считал это хорошим предзнаменованием.

19 ноября капитан 3 ранга Судзуки вернул-

ся из своего полезного путешествия в Гонолулу и тут же помчался на катере к линейному кораблю «Хийя», стоявшему на якоре в Йокогаме. Едва Судзуки со своим пухлым портфелем поднялся на борт, линкор снялся с якоря и вышел в море, держа курс на бухту Танкан.

По одному с разных баз, корабли соединения под покровом ночи выскальзывали в море и быстро уходили из видимости берегов. Бескрайний океан поглощал их. На огромной военно-морской базе в Куре оставшиеся корабли вели оживленные радиопереговоры. Радисты авианосцев, которых хорошо знала по «почерку» американская служба радиоперехвата, остались на базе, имитируя присутствие там авианосцев. Мистификация была настолько хорошей, что даже сбила с толку самого адмирала Кусака, ворвавшегося в радиорубку «Акаги» с разносом радистов за нарушение приказа о радиомолчании, и только там обнаружившего, что радиограмма была сфабрикована далеко на базе.

Один за другим корабли соединения прибывали в бухту Танкан: величественные «Акаги» и «Кага», огромный новый авианосец «Дзуйкаку», более скромные по размерам «Сорю» и «Хирю», старые линкоры «Хийя» и «Кирисима», прекрасные крейсера новейшей постройки «Тоне» и «Тикума», девять эскадренных миноносцев, ведомые лидером — легким крейсером «Абукума», три подводных лодки прикрытия и восемь танкеров, с таким трудом выбитых у Морского министерства. Последним, на рассвете 21 ноября, прибыл гигант-авианосец «Секаку», чуть не опоздавший

из-за неисправности турбин.

Теперь собрались все — тридцать две корабля, тесно сгрудившиеся в небольшой бухте. Покрытые снегом сопки уныло отражались в свинцовых водах залива.

Пустынный бетонный пирс, несколько рыбацких хижин и антенны небольшой радиостанции были единственными признаками цивилизации. Но даже здесь соблюдались все меры чрезвычайной секретности: никакой связи с берегом. Даже мусор запрещалось выкидывать за борт. Матрос Сигеки Екота свез на берег весь накопившийся мусор с авианосца «Кага» и сжег его на пирсе.

С «Хоко-Мару» и других транспортов снабжения на корабли Ударного соединения перегружалось продовольствие, обмундирование, горючее, тысячи пятигалонных бочек с маслом, которые рассовывались на боевых кораблях во все свободные места. Когда погрузка была закончена, капитан 2 ранга Шимуцу объявил своим подчиненным, что они должны остаться здесь до 10 декабря. «Ловите рыбу, делайте, что хотите, но оставайтесь в бухте». Затем он переселся на авианосец «Акаги», ибо не смог пересилить желание идти в рейд вместе со своими товарищами.

В ночь на 23 ноября адмирал Нагумо провел совещание на борту «Акаги». Капитан 3 ранга Судзуки доложил о своей приятной и полезной поездке в Гонолулу. Капитан 2 ранга Футида, слушая его, делал пометки в записной книжке. В конце совещания все присутствующие выпили

саке и трижды провозгласили «банзай» за здоровье императора.

25 ноября была получена радиограмма от адмирала Ямамото, приказывающая соединению выходить в море на рассвете следующего дня.

Глубокой ночью капитана 3 ранга Судзуки подняли с койки: его вызывал командующий. Когда Судзуки вошел в каюту адмирала, Нагумо был один. Он еще не ложился. Одетый в кимоно, командующий соединением нервно ходил по каюте. Исход предстоящего удара по Перл-Харбору сильно тревожил японского адмирала. Извинившись за то, что Судзуки был разбужен среди ночи, адмирал попросил его еще раз подтвердить, что американский флот находится в Перл-Харборе, а не на якорной стоянке Лахайна. Судзуки поклялся. Еще раз извинившись, адмирал отпустил его. Закрыв дверь, Судзуки почувствовал, что спазма сдавила ему горло: там в каюте остался Нагумо со своими тревогами и ответственностью.

На рассвете Судзуки оставил «Акаги» и, стоя на берегу, махал рукой поднимающим якоря и выходящим из бухты кораблям.

На мостике «Акаги» адмирала Кусака опустил капюшон своей штормовки, чтобы укрыться от ледяного ветра, дующего с океана.

Задержка произошла совершенно неожиданно, когда кусок кабеля намотался на винт «Акаги». Спущенный немедленно водолаз за полчаса освободил гребной винт и к восьми часам все соединение вышло в море. Стоявший у выхода бухты сторожевик просигналил на проходящий

мимо авианосец: «Удачи и счастливого плавания».

Именно в удаче очень нуждался старший штурман «Акаги» капитан 2 ранга Гисиро Миура. Ему предстояла нелегкая работа: вести соединение через вздымающиеся волны, снеговые заряды и густой туман.

Миура был знаменит на весь флот своей мягкостью и сентиментальностью. Но сейчас ничего подобного не угадывалось в нем. Суровый и собранный, стоял он на мостике, напряженно всматриваясь вдаль. Ему даже пришлось одеть сапоги вместо комнатных шлепанцев, в которых он любил стоять вахты.

Корабли прилагали все усилия, чтобы держать строй: авианосцы в двух параллельных кильватерных колоннах по три... за ними восемь танкеров... линкоры и крейсера на флангах... далее эсминцы, построены в круговой ордер... впереди всех подводные лодки, выдвинутые в передовое охранение. Ночью танкеры, не имеющие опыта движения строем, теряли свое место и рассыпались по океану. Каждое утро эсминцы сгоняли их обратно к соединению, как овчарки овец.

В начале третьих суток похода адмиралы Нагумо и Кусака, стоя рядом на качающемся мостике «Акаги», наблюдали, как эсминцы в очередной раз собирают рассеявшиеся по океану танкеры. Неожиданно Нагумо проговорил:

— Господин начальник штаба, что вы обо всем этом думаете? Не кажется ли вам, что я взял на себя тяжелую ответственность? Если бы я был более тверд и отказался! Теперь, когда родные

моря остались за кормой, я начинаю сомневаться в успехе.

— Не беспокойтесь, адмирал, — заверил его Кусака. — Все будет хорошо.

Нагумо улыбнулся:

— Завидую вам, господин Кусака, вы такой оптимист.

Настроение у командующего еще более упало, когда 28 ноября они впервые попытались дозаправиться топливом. Работа оказалась чрезвычайно трудной и не менее опасной. Огромные корабли, как скорлупки, подбрасывало, швыряло, валило с борта на борт на штормовых волнах зимнего океана. Обледенелые гигантские шланги, поданные с танкеров, бились о палубы. Брызги топлива превращали палубы в каток. Вздвигающиеся и кренящиеся на волнах корабли едва избегали столкновения друг с другом. Несколько матросов смыло за борт, спасти их не стали. Это было просто невозможно.

От ударов волн бочонки с маслом, стоявшие на палубе авианосца «Хирю», попадали и разлились, немедленно превратив всю палубу в ледяную горку. Командир палубного дивизиона «Хирю» капитан 2 ранга Такахиса Амагаи, чтобы каждую секунду не падать, обмотал подошвы сапог пеньковым тросом, но все равно ободрал себе все колени и лодыжки от ударов о палубу.

Дни проходили в изнуряющем нервном напряжении, сменяясь бессонными ночами. Адмирал Кусака ни на миг не покидал мостика «Акаги», временами забываясь тревожным сном в парусиновом кресле. Старший механик авианос-

ца капитан 2 ранга Есибуми Тенбо также постоянно находился в машинном отделении. Триста пятьдесят его подчиненных очень редко оставляли свои боевые посты, живя в мире мазута и машинного масла у своих огромных турбин. Даже еду, состоящую из рисовых шариков с запеченными в них сливами и редисками, им приносили сюда из камбуза в бамбуковых корзинах.

А между тем, на кораблях все более и более росло напряжение. С мостика «Акаги» адмирал Кусака мог наблюдать, как пилоты и механики ежедневно проверяют свои машины, прогревая моторы и временами запуская их, копошась в каком-то непонятном ритме, как муравьи.

На авианосце «Секаку» капитан 2 ранга Хайчиро Цукамото никогда не думал, что дни могут тянуться столь медленно. Корабельный врач капитан Тадатаки Эндо предпочитал убивать время, играя в го и шоги.

На авианосце «Хирю» все недоумевали, зачем командир эскадрильи капитан-лейтенант Хайта Мацумура напялил на лицо респиратор. Когда его спросили об этом, он пробормотал что-то о нездоровом климате, и все решили, что молодой офицер впал в глубокую депрессию.

С каждым днем матросов и пилотов все больше и больше беспокоил вопрос: куда идет соединение, удаляясь от родных берегов? Летчик-истребитель с авианосца «Кага» был уверен, что в Алеутам. Он знал, что во все машины была залита зимняя смазка. Лейтенант Сикао Эбина — юный медик с авианосца «Секаку» — придерживался того же мнения, предполагая, что будет

нанесен удар по Датч-Харбору на Алеутских островах. Старший механик «Акаги» капитан 2 ранга Тенбо придерживался другого мнения: запасов топлива хватит для обходного маневра с конечным выходом на Филиппины. Однако, вряд ли кто-нибудь догадывался об истинных целях похода.

Японские послы в Вашингтоне до последнего момента продолжали переговоры, пытаясь добиться для Японии свободы рук в Азии. В случае успеха переговоров должен был последовать приказ, возвращающий соединение Нагумо домой. И если бы это произошло, никто в мире не должен был знать, что могло произойти в противном случае. Поэтому адмиралы хранили молчание, а их подчиненные томились от неизвестности.

Но гораздо более вероятным было то, что зашедшие давно в тупик переговоры не приведут ни к чему, и атака состоится. А потому главной заботой было обеспечение скрытности передвижения огромного Ударного соединения через просторы океана. По-прежнему, действовал строжайший приказ, запрещающий выбрасывать мусор за борт. Это могло оставить предательский след. Корабли использовали высококачественное топливо — дым почти не вырывался из труб. Пустые бочки из-под масла заботливо убирались в трюм. Соблюдалось полное радиомолчание.

Начальник связи соединения капитан 2 ранга Кацуоги Коги демонтировал на «Акаги» передатчик, спрятал его в деревянный ящик и,

используя этот ящик как подушку, умудрялся несколько часов поспать.

Время от времени случались события, повергающие штаб Нагумо в состояние, близкое к панике. Однажды Токио радировал, что по курсу соединения обнаружена неизвестная подводная лодка. Корабли резко изменили курс, но следующая радиограмма заявила, что произошла ошибка. В другой раз, ночью, адмирал Кусака лично увидел в небе огни самолета. Но огни оказались горячей сажей, вылетевшей из трубы авианосца «Кага». Его командир получил строгое замечание.

А как-то утром поступило сообщение о советском пароходе, следовавшем из Сан-Франциско, видимо, во Владивосток. На всех кораблях пробили боевую тревогу, но никто не появился. Проверить все эти сообщения не было возможности — Нагумо не разрешал поднимать в воздух ни одного из почти четырехсот самолетов, имеющих в распоряжении, опасаясь обнаружения. На мостике «Акаги» временами возникала дискуссия на тему: что делать, если повстречается нейтральное судно. Кто-то порекомендовал: «Утопить и забыть о нем».

2 декабря всей неопределенности был положен конец.

За день до этого тайный императорский совет решился на войну, и адмирал Ямамото радировал на «Акаги»:

«Начинайте восхождение на гору Нитака».

Это означало: *«Произвести атаку».*

Наконец всему личному составу объявили о задаче Ударного соединения. В конце того же дня было получено новое сообщение, подтверждавшее дату нападения: «**ДЕНЬ X — 8 ДЕКАБРЯ**».

По Гавайскому времени это было воскресенье, 7 декабря.

Корабли гудели, как встревоженные гнезда шмелей. На авианосце «Кага» матрос Сигеки Иоката — двадцатитрехлетний крестьянский парень — был напуган, но не подавал вида, стараясь отнестись к полученному известию философски. В жаре и грохоте машинного отделения авианосца «Акаги» машинисты вместе со старшим механиком капитаном 2 ранга Тенбо провозгласили тост в честь Микадо и выпили по чашке саке. Почему-то никто из них не пожелал выпить больше одной чашки. Большинство же людей прыгали от восторга, кричали: «банзай!», а матрос Ики Курамоти ревел в экстазе: «Воздушный налет на Гавайи! Мечты сбылись!»

На следующее утро на кораблях, казалось, началась новая жизнь. Пилоты проходили инструктаж, изучая цели предстоящей бомбардировки: армейские аэродромы Хикэм и Уиллер... Шофилдские казармы... аэродромы морской авиации Канзохе и на острове Форд... аэродром морской пехоты Эва... корабли американского флота.

На ангарной палубе адмирал Кусака выставил для всеобщего обозрения великолепно выполненную рельефную карту Перл-Харбора, хранившуюся до этого в сейфе его канцелярии. На авианосце «Кага» летчики тренировались в опозна-

вании американских кораблей по силуэтам. Лейтенант Сига никак не мог запомнить силуэт старого американского линкора «Юта».

Пилоты стали теперь предметом всеобщего внимания — ежедневные горячие ванны, специальный рацион из свежего молока и яиц, ежедневные синтоистские богослужения перед алтарями, покрытыми американским полиэтиленом.

На мостике «Акаги» адмирал Нагумо начал еще больше беспокоиться о скрытности продвижения своего флота к цели.

Положение командующего оставалось весьма двусмысленным. Инструкция, переданная ему в последний момент адмиралом Ямамото, гласила: если соединение будет обнаружено до 6 декабря — поворачивать домой. Если 6 декабря — действовать по обстановке. Если же это случится 7 декабря — атаковать в любом случае. В радиорубке линейного корабля «Хийя» капитан 2 ранга Коги внимательно вслушивался в эфир, пытаясь по тону американских передач понять, насколько американцы участвуют в дьявольской игре, задуманной японцами. Но ни малейших признаков осведомленности американцев о нависшей над ними угрозе не было. Гонолулу передавал гавайские песни и музыку.

Вскоре из Японии пошел буквально поток настолько важных сообщений, что Коги, предоставив своим подчиненным слушать Гавайские острова, сам полностью переключился на частоту Токио. Ямамото передавал Ударному Соединению последние данные, добытые разведкой на Гавайях.

3 декабря главком радировал: «28 ноября — 8:00 (время местное) — Перл-Харбор: Оставили порт два линейных корабля («Оклахома» и «Невада»), один авианосец («Энтерпрайз»), два крейсера класса «А», двенадцать эсминцев. Пришли в порт: пять линейных кораблей, три крейсера класса «А», три крейсера класса «В», двенадцать эсминцев, один гидроавиатранспорт...»

На следующий день соединение Нагумо, вновь пополнив запасы топлива, пересекло международную линию времени. Для японского флота это не имело никакого значения — он всегда жил по Токийскому времени. Но на этот раз, в силу специфики поставленной задачи, на всех кораблях было объявлено, что сегодня снова 3 декабря.

К вечеру соединение находилось в девятистах милях севернее атолла Мидуэй и в тысяче трехстах милях северо-западнее острова Оаху. Адмирал Нагумо начал поворот на юго-восток. В это же время капитан 2 ранга Коги поймал еще одно сообщение, ретранслированное Токио из Гонолулу: «29 ноября — после полудня (время местное): Корабли, стоящие на якоре в Перл-Харборе — Зона А (между Морским арсеналом и островом Форд), КТ (северо-западнее дока Морского арсенала): линкоры «Пенсильвания» и «Аризона»; ФВ (стоят на бочке): линкоры «Калифорния», «Теннесси», «Мэриленд», «Вест-Вирджиния». КС (Док Морского арсенала): крейсер класса «А» «Портленд»...»

4 декабря снова дозаправка топливом и новая информация из Гонолулу: *«Никаких признаков воздушной или еще какой-либо тревоги в районе Перл-Харбора...»*

5 декабря часть кораблей соединения пополняли запасы топлива большую половину дня и всю ночь. Адмирал Кусака приказал трем танкерам уходить и ждать возвращения соединения в условленном месте. Это был один из тех сентиментальных моментов, которые так любят японцы. Экипажи кораблей с криками приветствия махали руками и фуражками вслед медленно исчезающим из вида танкерам.

На рассвете 6 декабря адмирал Кусака приказал всем кораблям соединения снова принять топливо. В том числе и тем, что заправились накануне. План начальника штаба заключался в том, чтобы в день атаки все корабли имели в своих цистернах максимальный запас горючего. К обеду заправка была закончена, и пять оставшихся танкеров также отвернули в условленную точку ожидания.

Между тем, адмирал Ямамото передал на соединение свой боевой приказ — волнующий призыв к оружию: *«Час настал! На карте жизнь или смерть нашей Империи...»*

На всех кораблях экипажи были построены на палубах и им был зачитан приказ главкома. Радостные крики повисли в воздухе, зазвучали патриотические речи.

В этот момент на мачте флагманского авианосца «Акаги» медленно пополз вверх флаг, при виде которого на всех кораблях воцарилась бла-

гоговейная тишина. Перед глазами взволнованных моряков Ударного соединения предстала одна из самых почитаемых реликвий японского флота: знаменитый флаг «Зет», который нес флагманский броненосец «Микаса», легендарного адмирала Того в Цусимском сражении, взятый для этого случая из Военно-морского музея. В машинном отделении «Акаги» капитан 2 ранга Тенбо не мог видеть того, что делалось на верхней палубе, но он слышал восторженные крики, доносившиеся в машину по переговорным трубам. Его сердце радостно билось и слезы катились из глаз. Он до сих пор считает это событие наиболее драматическим моментом всей войны.

Этот драматический момент не был, конечно, подходящим для внезапной боли в ушах, которую почувствовал командир авиазвена с авианосца «Хирю» лейтенант Рокуро Киджучи. Отправившись к врачу, офицер узнал неприятную новость — у него гнойное воспаление среднего уха и ему необходимо лечь в лазарет.

Соединение находилось теперь в шестистах сорока милях севернее острова Оаху. С уходом тихоходных танкеров последний бросок на юг можно было совершить с присущей авианосцам стремительностью. Развернув корабли на южный курс, адмирал Кусака отдал приказ: «24 узла! Вперед!» К трем часам ночи они находились уже в пятистах милях от цели.

В радиорубке линкора «Хийя» капитан 2 ранга Коги поймал новое сообщение из Гонолулу: «5 декабря. На 6:00. В Перл-Харборе находятся: восемь линкоров, три крейсера клас-

са «В», шестнадцать эсминцев. В порт вошли четыре крейсера класса «В» (типа «Гонолулу»), пять эсминцев».

В четыре часа пятьдесят пять минут подводная лодка «Джи-72», находящаяся уже у побережья Оаху, передала самую свежую информацию: *«На якорной стоянке Лахаина американского флота нет».*

Значит, американские корабли либо были в Перл-Харборе, либо ушли в море. Штабные офицеры адмирала Нагумо обсуждали возможные варианты. Капитан 3 ранга Оно высказал предположение, что поскольку пять линкоров уже находятся в гавани восемь дней, он боится, что они именно сегодня куда-нибудь уйдут. Адмирал Кусака не согласился с мнением офицера разведки. На основании имеющейся статистики он усомнился в том, что американские корабли уйдут в море на уикэнд.

Капитан 2 ранга Генда сокрушался по поводу отсутствия в гавани Перл-Харбора авианосцев. Оно утешал его, предполагая, что парочка авианосцев может вернуться на базу в последнюю минуту. «Если это случится, — радостно воскликнул Генда, — то мне будет наплевать на все восемь линкоров!»

Поздно ночью пришло еще одно обнадеживающее сообщение из Гонолулу: *«Аэростатов воздушного заграждения над гаванью не замечено. Линейные корабли стоят без противоторпедных сетей. Никаких признаков воздушной или какой-либо другой тревоги на всех базах острова...»* Все мероприятия по

маскировке и вводу противника в заблуждение, видимо, сработали. Токио должен был чувствовать себя очень довольным. Все возможное было сделано. В довершение всего из военно-морских казарм в Йокосуке привезли в столицу на автобусах несколько сотен моряков и провели их парадом через город. Пусть все видят, что флот дома и не вынашивает никаких агрессивных замыслов.

В час двадцать Токио ретранслировал последнее сообщение из Гонолулу: *«6 декабря (время местное) — корабли, стоящие в гавани: девять линкоров, три крейсера класса «В», три гидроавиатранспорта, семнадцать эсминцев. У входа в порт: четыре крейсера класса «В», три эсминца. Все авианосцы и тяжелые крейсера покинули базу... Нет никаких признаков чего-либо необычного или каких-либо изменений в распорядке мирного времени на кораблях флота США...»*

Многие штабные офицеры адмирала Нагумо сокрушались по поводу отсутствия в Перл-Харборе авианосцев. Некоторые даже предлагали из-за этого отменить операцию. Но адмирал Нагумо отлично понимал, что отступать поздно. Обратной дороги нет. Восемь линейных кораблей находятся в Перл-Харборе и надо прекратить плач по авианосцам «из-за того, что их нет на месте».

Последняя беспокойная мирная ночь стояла над затемненными кораблями, когда они продолжали полным ходом нестись к острову Оаху, который находился уже менее чем в четырехстах

милях южнее. На авианосце «Кага» летчик-истребитель Сига перед тем, как лечь спать, принял горячую ванну и приготовил новое, свежее выглаженное обмундирование. Летчик Иппеи Гото, только что повышенный в звании, с удовольствием пришивал на петлицы только что выданной офицерской формы знаки различия. На авианосце «Хирю» пилот бомбардировщика Хасимото привел свои вещи в порядок и пытался заснуть. Но ничего не получалось. Покрутившись в койке, он отправился в санчасть за снотворным.

Видимо, таблетки сработали. Когда командир палубного дивизиона на авианосце «Хирю» капитан 2 ранга Амагаи спустился вниз, чтобы проверить, как его мальчики себя чувствуют, его встретил богатырский храп крепко спящих пилотов. Затем Амагаи поднялся на ангарную палубу и тщательно проверил радиостанции на всех самолетах. Чтобы быть совершенно уверенным, что никто даже случайно не прикоснется к передатчику и не сорвет все шоу, командир дивизиона проложил маленькие кусочки картона между ключом передатчика и контактом.

В радиорубке «Акаги» капитан 3 ранга Оно продолжал слушать радиостанцию Гонолулу. Томительно тянулось время: два часа ночи... половина третьего... три. Радиостанция Кей-Джи-Эм-Пи продолжала услаждать ночных слушателей гавайскими песнями.

Примерно в трехстах шестидесяти милях к югу капитан 3 ранга Мочицура Хасимото —

офицер-торпедист японской подводной лодки «Джи-24» — слушал ту же самую радиопрограмму. «Джи-24» была одной из двадцати восьми океанских подводных лодок японского флота, развернутых у острова Оаху, чтобы прикончить любой американский корабль, которому бы посчастливилось вырваться из гавани во время удара авиации.

Эту же программу слушал на борту «Джи-24» и младший лейтенант Кацуо Сакамаки, которому исполнилось двадцать три года как раз в тот день, когда лодка вышла в море, покинув Японию. Сакамаки жил мечтами о военно-морской славе, но пока на борту океанской подводной лодки он был только пассажиром. Сверхмалая двухместная подводная лодка, командиром которой он являлся, пока находилась за рубкой океанской лодки, закрепленная в кормовой части верхней палубы.

Таких сверхмалых лодок в соединении было пять. Каждую несла на палубе за рубкой океанская подлодка.

По плану сверхмалые лодки должны были выйти в атаку незадолго до начала воздушного налета. При удаче, малютки могли проскользнуть в гавань Перл-Харбора и прикончить пару кораблей самостоятельно, и в любом случае отвлечь внимание от приближающихся самолетов.

Сама идея использования в операции сверхмалых подводных лодок казалась адмиралу Ямамото очень непрактичной. Малютки могли быть обнаружены противником и тем самым сорвать внезапность удара авиации. Но подводни-

ки, зная, что идут на верную смерть, буквально ходили по пятам за главкомом, умоляя разрешить им участие в операции.

Как и всякий японец, адмирал Ямамото сердцем преклонялся перед боевыми смертниками, так что в конце концов командующий флотилией «малюток» капитан 2 ранга Наодзи Иваса, которому предстояло лично вести сверхмалые лодки в бой, добился своего. Главком разрешил использовать малютки в нападении на Перл-Харбор, сформировав из них так называемое Особое Ударное Соединение Флота с капитаном 2 ранга Иваса в качестве командира. Но адмирал Ямамото поставил и одно важное условие: чтобы до удара авиации «малютки» не совались самостоятельно в Перл-Харбор, поскольку после начала налета авиации это будет сделать гораздо легче. Но капитан 2 ранга Иваса убеждал главкома, что они проникнут незамеченными в гавань Перл-Харбора сами. Человек, добровольно идущий на верную смерть, одной чистотой своих высоких помыслов всегда может убедить другого. И адмирал Ямамото согласился.

План капитана 2 ранга Иваса заключался в следующем: на пяти океанских лодках надо убрать с верхних палуб гидросамолеты и катапульты для них, а вместо всего этого установить новые секретные «малютки». Для их крепления на палубе необходимо четыре больших рыма и один вспомогательный. Каждая малютка имела пятнадцать метров длины, несла две торпеды и экипаж из двух человек.

Экипажи сверхмалых лодок — специально

отобранные и прошедшие годичную особую подготовку — были собраны в салоне командующего военно-морской базы в Куре утром 16 ноября. Там им было объявлено, что великий день настал — 18 ноября они отправятся к Гавайским островам, где им предстоит продемонстрировать свое боевое мастерство.

На следующий день младший лейтенант Сакамаки вместе с другим командиром малютки младшим лейтенантом Акира Хирово решили последний раз прогуляться по улицам Куре. В одном из магазинов каждый купил небольшой флакончик духов.

В лучших традициях древних японских воинов молодые подводники решили как следует надушиться, прежде чем идти в бой. Они были очень горды собой. Им предстояло умереть со славой. «Опасть на землю подобно лепесткам вишни», как написал в своем прощальном письме родным Сакамаки.

На следующее утро подводные лодки вышли в море. Они шли через просторы Тихого океана, держась примерно в двадцати милях друг от друга, днем в подводном положении, всплывая по ночам. Именно по ночам Сакамаки и его единственный подчиненный матрос Киодзи Инагаки хлопотали вокруг своей «малютки», чтобы быть уверенными, что с ней все в порядке. Сакамаки лазил по своей лодке с таким упоением, что его дважды смывало за борт. К счастью, он позаботился привязать себя к палубе страховочным концом. Его быстро вытаскивали обратно на палубу, мокрого, дрожавшего от холода, но пол-

ного энтузиазма продолжать свою работу.

6 декабря на горизонте появились горы острова Оаху. Они всплыли после наступления темноты и подкрались поближе к берегу. Освещенная тусклым светом луны подводная лодка находилась примерно в десяти милях от Перл-Харбора. Стоя на рубке, капитан 3 ранга Хасимото с интересом рассматривал красные и зеленые огни, мерцающие в гавани... зарево над Гонолулу... иллюминацию на двух башнях Королевского Гавайского отеля и россыпь разноцветных огней по дороге вдоль Даймонд Хид.

Итак, наконец они прибыли на место. Сакамаки и Инагаки суетились вокруг своей «малютки». Во время последней проверки необходимо было убедиться в исправности и надежности всего оборудования.

Неожиданно они обнаружили, что их гирокомпас не работает. Это был очень неприятный сюрприз — без гирокомпаса было невозможно вести лодку по курсу в подводном положении. Сакамаки позвал штурманского электрика с «Джи-24», чтобы тот попытался исправить повреждение, приказал Инагаки помочь тому, а сам спустился вниз немного вздремнуть.

Около половины первого ночи Сакамаки вскочил с койки и выбрался в рубку глотнуть свежего воздуха. Остров Оаху теперь был полностью закрыт ночной мглой. На небе не было видно звезд. Луна иногда пробивалась сквозь тучи, освещая бегущие волны океана.

Затем юный офицер влез в свою малютку, чтобы проверить гирокомпас. Выяснилось, что

электрику и Инагаки ничего сделать не удалось. Уныние охватило подводника: просто ли это неудача или он чего-нибудь не предусмотрел? В любом случае, он твердо решил идти в бой. Собрав свои личные вещи, Сакамаки написал прощальное письмо родным, сунув в конверт локон своих волос и кусочек ногтя, состриженного с пальца. Затем он переоделся в спецобмундирование: гидрокостюм «фундоси» и кожаную куртку. Облил себя купленными в Куре духами и повязал вокруг головы белую традиционную повязку японских воинов-хашамаки. После этого Сакамаки обошел всю лодку, тепло прощаясь с ее экипажем. Время уже перевалило за половину четвертого ночи, когда по плану сверхмалые подводные лодки должны были начать подкрадываться к Перл-Харбору.

Глава 3

«БЕЛЫЕ ОГНИ — ВОРОТА ОТКРЫТЫ»

В 3 часа 42 минуты ночи с тральщика «Кондор», проверяющего магнитным тралом фарватер на подходе к Перл-Харбору, внезапно заметили странный белый след по левому борту. Вахтенный офицер тральщика лейтенант Макклой вскинул бинокль. След появился менее чем в ста метрах от них, идя сходящимся с «Кондором» курсом по направлению ко входу в гавань. Макклой указал на этот след вахтенному старшине Аттрику. Тот взял у офицера бинокль и в свою очередь

осмотрел след. Обменявшись мнениями, моряки быстро пришли к выводу, что этот след оставляет перископ подводной лодки, идущей на перископной глубине. Вскоре след уже был всего в пятидесяти метрах от них и примерно в тысяче метров от входного буя. Затем с неизвестной лодки, видимо, заметили «Кондор», поскольку перископный след резко метнулся в противоположном направлении. В 3 часа пятьдесят восемь минут «Кондор» прожектором передал эту новость на дежурный эсминец «Уорд», который находился неподалеку, неся сторожевую службу: «Обнаружили подводную лодку в подводном положении на западном курсе, скорость девять узлов».

На эсминце сообщение принял вахтенный офицер лейтенант Оскар Гепнер — молодой резервист из Северо-западного университета. Он уже около года плавал на «Уорде», выполняя различные задачи по охране водного района, но ничего подобного ранее никогда не случалось. Гепнер немедленно вызвал на мостик командира эсминца капитан-лейтенанта Уилльяма Аутбриджа.

Для Аутбриджа это была памятная ночь — он впервые самостоятельно командовал кораблем и сразу же столкнулся с таким неожиданным явлением, как обнаружение какой-то подводной лодки. До этого его военно-морская карьера проходила без каких-либо особых событий. Событиями, скорее, была наполнена его собственная биография.

Он родился в Гонконге, будучи сыном капи-

тана английского торгового флота и девицы из штата Огайо. После смерти отца вдова вернулась домой и в 1927 году Аутбридж поступил в военно-морское училище в Аннаполисе. Последующие четырнадцать лет он провел, медленно карабкаясь с одной нашивки к трем. В предвоенном флоте звания и должности повышали очень туго.

Всего несколько дней назад Аутбридж занимал должность старпома на эсминце «Каммингс», где все офицеры, за исключением одного, были выпускниками Аннаполиса или «академиками», как их называли на флоте. На «Уорде» же Аутбридж был единственным «академиком» среди резервистов. Он вспоминал, какую жалость испытывал на «Каммингсе» к единственному резервисту — вечному изгою. Теперь же все было наоборот. Лейтенант Гепнер до сих пор вспоминает, какую жалость они все испытывали к Аутбриджу — единственному правоверному среди язычников.

Прочитав сообщение с «Кондора», Аутбридж приказал пробить боевую тревогу. Поднятые с коек моряки разбежались по боевым постам.

Следующие полчаса эсминец тщательно прочесывал район. Его сигнальщики и гидроакустики тщетно пытались обнаружить какие-либо признаки присутствия подводной лодки. В четыре часа сорок три минуты был пробит отбой и большинство команды отправилось досыпать. На мостике остались только вахтенные. Через четыре минуты после этого начали открываться ворота в боновом и противолодочном заграждении входа в Перл-Харбор. Эта процедура

всегда занимала восемь-десять минут. В четыре пятьдесят восемь вахтенный на «Уорде» занес в журнал запись: «Белые огни — ворота открыты».

В пять часов восемь минут через эти ворота прошел тральщик «Кроссбилл», работавший в паре с «Кондором». Обычно ворота после этого закрывались, но вскоре через них должен был пройти и «Кондор», поэтому снова закрывать их не имело смысла.

В пять часов тридцать две минуты «Кондор» прошел в гавань, но ворота все еще оставались открытыми, поскольку в шесть пятнадцать ожидался выход в море буксира «Косанква». Зачем возиться закрывать заграждение, если его скоро все равно придется открывать?

Когда «Кондор» повернул к входному бую, его запросили по радио с «Уорда»: «Укажите примерно расстояние и курс, на котором вы обнаружили подводную лодку».

«Курс был почти тот же, на котором шли и мы, — ответили с тральщика, — 020 магнитный, а расстояние примерно тысяча метров от входного бую». Это было гораздо восточнее того района, который значился в первом сообщении с «Кондора» и Аутбридж решил, что искал лодку совсем не в том месте.

В действительности же, в сообщениях «Кондора» говорилось о двух разных вещах. Его первое сообщение давало курс подводной лодки, когда ее потеряли из вида, а новое сообщение давало курс лодки, когда ее впервые заметили. С тральщика так и не объяснили, что промежутке между этими двумя сообщениями лодка резко

изменила свой курс. Поэтому «Уорд» помчался на восток, прочесывая район, где лодки никогда не было. Но, несмотря ни на что, с эсминца поблагодарили «Кондор» за помощь: «Благодарим за информацию... Мы будем продолжать поиск».

Радиостанция флота, расположенная на мысе Бишоп, слышала разговор между «Уордом» и «Кондором», но никому об этом не сообщила. Межкорабельные переговоры были не их делом. «Уорд» ничего официально не докладывал, не докладывал и «Кондор». «Кондор» только сообщил, что он что-то заметил. А может быть, никакой подводной лодки там и вообще не было.

Но в любом случае, это не была лодка младшего лейтенанта Кацуо Сакамаки. До половины шестого утра она еще не была готова к спуску, опоздав на добрых два часа от установленного планом времени. Предпринимались последние усилия починить гирокомпас. Затем наступил очередной раунд церемониальных прощаний.

Когда командир подводной лодки «Джи-24» капитан 3 ранга Хироси Ханабуса спросил, не отменить ли спуск на воду «малютки» из-за сломанного гирокомпаса, Сакамаки гордо ответил: «Командир, я иду в бой!» Затем, повернувшись лицом к берегу, Сакамаки и его матрос хором воскликнули: «На Перл-Харбор!»

Уже начинался рассвет, когда Сакамаки и Инагаки спустились с рубки «Джи-24» и протиснулись в люк «малютки». Каждый держал в левой руке по бутылке вина и мешочек с завтра-

ком, поскольку правая нужна была для прощальных рукопожатий.

Друг Сакамаки — младший лейтенант Хирово — залезая в люк своей «малютки» на палубе подводной лодки «Джи-24», заметил: «Мы чувствуем себя, как школьники, собирающиеся на пикник». Сам Сакамаки был далек от подобных мыслей. Ни он, ни Инагаки ничего не сказали, протискиваясь в люк «малютки» и задраивая его за собой. Подводная лодка «Джи-24» медленно погрузилась. Матросы напряженно ждали команды, чтобы отдать четыре рыма, удерживающих малютку на палубе.

Сакамаки и Инагаки также ждали, запустив на «малютке» электромотор. Они чувствовали, как «Джи-24» набирает скорость, чтобы сообщить им лучший старт. Внезапно раздался громкий лязг стали. Рымы упали по бортам, и «малютка» освободилась от океанской «мамы». И немедленно все пошло кувырком. Вместо того, чтобы двинуться вперед на ровном киле, «малютка» почти вертикально нырнула вниз. Сакамаки выключил мотор и стал пытаться откорректировать дифферент своего карликового подводного суденышка.

Глава 4

«ТЫ БЫ УДИВИЛАСЬ, УЗНАВ, ЧТО ЗДЕСЬ ТВОРИТСЯ»

Лейтенант Харуо Такеда — тридцатилетний авиатехник с тяжелого крейсера «Тоне» — чувствовал, как его все сильнее охватывает беспокой-

ство. Крейсер «Тоне» вместе со всем соединением Нагумо продолжал полным ходом двигаться в южном направлении, находясь уже менее, чем в двухстах пятидесяти милях от острова Оаху.

Беспокойство и тревога лейтенанта Такеда были вызваны неожиданным приказом запустить в пять тридцать с катапульты тяжелого крейсера разведывательный гидросамолет, который вместе с таким же самолетом, выпущенным с крейсера «Тикума», должен был провести окончательную разведку дислокации американского флота в гавани Перл-Харбора.

Такеда, будучи офицером, отвечающим за запуск катапультных самолетов, волновался, как бы они не столкнулись при взлете с катапульт. Действительно, стояла кромешная темнота, а оба корабля находились всего в восьми милях друг от друга. Кроме того, в особо ответственные моменты человеку всегда свойственно волноваться более обычного.

Но все прошло отлично. Самолеты благополучно взлетели с катапульт и исчезли в темноте — два маленьких буревестника огромной армады, которая должна была последовать за ними.

Адмирал Нагумо планировал выпустить для удара по Перл-Харбору триста пятьдесят три самолета, разделив их на две могучих ударных волны.

В первую волну, которая должна была стартовать в шесть часов утра, должны были входить: сорок торпедоносцев, пятьдесят один пикирующий бомбардировщик, сорок девять горизонтальных бомбардировщиков и сорок три

истребителя для обеспечения их прикрытия.

Во вторую волну, взлет которой был назначен на семь часов пятнадцать минут, входили: восемьдесят пикирующих бомбардировщиков, пятьдесят четыре горизонтальных бомбардировщика и тридцать шесть истребителей. Тридцать девять самолетов решено было оставить для прикрытия соединения на случай ответного удара американцев.

На авианосцах все были заняты последними приготовлениями к взлету самолетов. Палубные команды, поднятые за час до пилотов, на ангарной палубе вели предполетный осмотр машин, выкатывая их на лифты для подъема на взлетную палубу. Готовые к взлету машины ревели запущенными двигателями. Механики опробовали моторы. На авианосце «Хирю» капитан 2 ранга Амагаи, бегая от самолета к самолету, вынимал из-под радиоключей кусочки подложенного туда картона.

Пилоты в свежем нательном белье и в новой отглаженной форме собирались в помещениях для инструктажа. У многих на головах белели традиционные боевые повязки хашамаки. Небольшими группами они подходили к походным синтоистским алтарям, чтобы выпить церемониальную чашку саке и помолиться за свой успех.

Летчикам был подан праздничный завтрак. Вместо обычных соленых макрелей и перемешанного с ячменем риса, сегодня им был подан «секихан». Это японское блюдо из парового риса с крошечными красными бобами готовилось лишь в исключительно церемониальных случаях. Затем

всем вручили коробки со специальным рационом для дальнего полета, содержащие обычные рисовые шарики и сушеные сливы плюс неприкосновенный запас шоколада, галет и специальных таблеток от усталости. Затем начался последний инструктаж.

На «Акаги» капитан 2 ранга Футида — ведущий первой ударной волны и координатор второй — доложил адмиралу Нагумо:

«К выполнению задачи готов!»

«Я полностью верю в ваш успех», — ответил адмирал, пожимая руку Футиды.

На всех авианосцах происходили одни и те же сцены. Тускло освещенные помещения для инструктажа; пилоты, собравшиеся там или толпящиеся в коридорах; грифельные доски, показывающие дислокацию американских кораблей в Перл-Харборе на десять тридцать утра 6 декабря. Последний взгляд на схему расположения кораблей противника. Последние пометки на картах и полетных схемах. Последние данные о скорости и направлении ветра, скрупулезные вычисления расстояния и полетного времени до Гавайев и обратно. Затем строжайший приказ: никто, исключая капитана 2 ранга Футида, не смеет прикасаться к радиопередатчику до начал атаки. И наконец прощальное напутствие командиров кораблей, а на «Акаги» — самого адмирала Нагумо.

Первые лучи рассвета уже пробивались на востоке, когда пилоты высыпали на полетные палубы авианосцев, один за другим занимая места в кабинах самолетов, взмахами рук про-

щаясь с остающимися на кораблях.

Двадцатисемилетний Иппеи Гото с авианосца «Кага» в новенькой форме младшего лейтенанта... спокойный Фусата Иида с авианосца «Сорю», сходящий с ума от бейсбола... артистический Мимори Судзуки с авианосца «Акаги», чья кавказская внешность всегда была предметом шуток о «смешанной крови». Лейтенант Хаита Мацумура, все еще в респираторе, подошел к своей машине и только там его сдернул. Все увидели, что он тайно отрастил прекрасные усы.

Капитан 2 ранга Футида направился к своей машине ведущего, отмеченной красной и желтой полосами на хвосте. Когда он влезал в кабину, авиатехник самолета подал ему специальный «хашамаки» и с поклоном сказал: «Примите это в подарок от техников и механиков. Мы просим вас взять этот священный символ с собой в Перл-Харбор».

В машинном отделении «Акаги» капитан 2 ранга Тенбо попросил разрешения подняться на взлетную палубу, впервые за весь поход. Он хотел быть очевидцем великого момента. Вдоль всей палубы толпились офицеры и матросы, крича приветствия, прощаясь, желая удачи. Лейтенант Эбина — юный медик с авианосца «Секаку» — дрожал от возбуждения, видя, как моторы самолетов набирают обороты, выбрасывая голубое пламя из выхлопных труб.

Все глаза следили за мачтой флагманского авианосца «Акаги», с которого должны были дать сигнал о начале взлета первой волны. Комплект сигнальных флагов был поднят до полови-

ны, призывая к готовности. Их подъем до клотика и быстрый спуск означал приказ о выпуске самолетов.

Огромные корабли медленно развернулись под ветер. Океан волновался, крупные волны с шумом разбивались о форштевни авианосцев. Брызги залетали на взлетную палубу, продольная качка достигала пятнадцати градусов, вызывая сомнение по поводу безопасности взлета. Но отступить уже было некуда. Ударное Соединение находилось в двухстах тридцати милях севернее и чуть восточнее острова Оаху.

В шесть часов сигнальные флаги на мачте флагманского авианосца «Акаги» взлетели до клотика и опустились. Прощальные взмахи рук и фуражек, напутствия, тонушие в грохоте моторов. Оглушительно ревя, самолеты срывались с полетной палубы и исчезали в предрассветных сумерках. Только по огням можно было следить за их построением...

Один за другим с палуб шести авианосцев в воздух поднялись сто восемьдесят три самолета. Кружась над кораблями, они строились в походный ордер и исчезали за южным горизонтом.

Для адмирала Кусака было страшным нервным напряжением следить за взлетом самолетов в условиях почти штормовой погоды. Внезапно наступившая тишина и облегчение чуть не сломали его. Он потерял контроль над собой, дрожа, как лист. Адмирал был очень удивлен, поскольку всегда гордился своими знаниями «бусидо» и «кендо» (Путь меча), знаниями, которые всегда помогали человеку сохранять спокойствие

именно в подобных ситуациях. Кусака устало опустил на палубу — вероятно, он думал, что в кресло — и стал медитировать, зовя на помощь Будду. Он полностью пришел в себя, когда самолеты скрылись в южном направлении.

А в мирно спящем Перл-Харборе, к которому неслись сквозь предрассветную мглу армады японских бомбардировщиков, единственным признаком жизни была одинокая легковушка, ехавшая по дороге в порт. Пожилая домохозяйка везла своего мужа на работу. Миссис Блэкмор проехала через главные ворота порта мимо часовых морской пехоты, проверивших пропуск на ветровом стекле ее машины, и вырулила к пирсу, где обычно швартовались вспомогательные суда.

Уилльям Блэкмор, проработавший шестнадцать лет на вспомогательных судах флота, в настоящее время был старшим механиков буксира «Косанква». Он спешил на свое судно, которое в шесть часов утра должно было выйти в море, чтобы встретить транспорт «Антарес» и принять от него баржу, буксируемую из Пальмиры. Когда Блэкмор выходил из машины, первые лучи солнца осветили ряды стоявших без каких-либо признаков жизни боевых кораблей, придав им какой-то сверхъестественно-призрачный вид.

— Такого сонного царства, — заметил Блэкмору жена, — я, кажется, не видела никогда.

— Ты бы вообще удивилась, если бы знала, что здесь творится, — весело ответил ей муж,

легко прыгая на борт своего буксира.

«Косанква» вышел из порта через длинный, узкий канал, пройдя сквозь все еще открытые ворота в противолодочном заграждении, которые теперь решили не закрывать до возвращения буксира.

Было шесть часов тридцать минут утра.

Транспорт «Антарес» уже находился в видимости, буксируя баржу примерно в ста метрах за собой. Примерно в миле от них маячил эсминец «Уорд», а летающая лодка «Каталина» патрульной авиации флота кружилась над ними, что-то высматривая внизу.

Рулевой «Уорда» матрос Рейнбиг также увидел нечто необычное. Когда «Антарес», появившись с юго-запада, пересек курс эсминца, рулевой внезапно заметил странный черный объект, казалось бы, привязанный к буксирному концу между «Антаресом» и его баржей. Эсминец находился примерно в миле от транспорта, и Рейнбиг указал на подозрительный объект вахтенному сигнальщику старшине Гирину.

Взглянув на объект в бинокль, старшина сразу же увидел, что тот не висит на перлине*, а просто находится на одной линии с ним. В действительности, объект находился в воде далеко в стороне от «Антареса». Сигнальщик доложил об этом вахтенному офицеру лейтенанту Гепнеру, который, поглядев в бинокль, сказал, что это, по всей видимости, буюк и ничего больше, но все-таки следует за ним понаблюдать.

* Перлинь — пеньковый корабельный трос толщиной от 10 до 15 см.

Продолжая наблюдать за объектом в бинокль, лейтенант минутой позже заявил, что это, по его мнению, рубка подводной лодки. Объект двигался на пересекающемся курсе с «Антаресом», как бы желая пристроиться позади баржи. В этот момент над ним стала кружиться патрульная «Каталина», у которой, вероятно, черный объект также вызвал подозрение. Вахтенный офицер решил снова вызвать на мостик командира эсминца.

Услышав крик «Командира на мостик!», Аутбридж спрыгнул со своего диванчика в штурманской рубке и появился на мостике, кутаясь в японское кимоно. Едва взглянув на подозрительный объект, он приказал пробить боевую тревогу.

Было шесть часов сорок минут.

В кубрике под полубаком второй за последние три часа сигнал боевой тревоги сорвал с койки матроса Сиднея Нобля. Борясь со сном, он натянул рабочие брюки, сунул ноги в ботинки, не надев носков, накинул форменку и помчался на свой боевой пост.

Старшина-комендор Луис Гернер немного задержался внизу, заdraивая люк, ведущий к шпилевым машинам, а затем кинулся за остальными на боевой пост. Комендоры уже разворачивали орудие № 1 на носу, наводя его на рубку неизвестной подводной лодки.

На корме младший лейтенант Хейни готовил к бою орудия № 2,3 и 4, крича комендорам, чтобы те обеспечивали подачу боеприпасов. Его беспокоило орудие № 3 — заряжающий матрос Эмбрус Домежелл находился на вахте в качестве

рассыльного. Но с первыми звуками боевой тревоги тот бросился к орудию, открыл замок и с трехдюймовым снарядом в руках ждал, когда остальные комендоры присоединятся к нему.

— Полный вперед! — скомандовал Аутбридж, и старенький «Уорд» рванулся к цели, за пять минут доведя скорость с десяти до двадцати пяти узлов.

— Лево на борт! — приказал командир рулевому.

Корпус эсминца постройки 1918 года отчаянно заскрежетал и завибрировал в крутом развороте влево. Аутбридж направил корабль между баржей и рубкой подводной лодки, имея теперь цель справа по носу примерно в четырехстах метрах.

В этот момент, видимо, проснулись на «Антаресе». Его прожектор замигал, запрашивая, что случилось? На транспорте полагали, что эсминец гонится за ними.

Кружащаяся над ними «Каталина» сбросила две дымовых шашки, чтобы обозначить место подводной лодки.

Пилот летающей лодки лейтенант Билл Тэннер руководствовался самыми добрыми побуждениями. Он первым обнаружил подводную лодку, находясь в обычном предрассветном патрульном полете. Он знал, что в этот район американским подводным лодкам запрещалось заходить без эскорта, и его первой мыслью было, что лодка терпит бедствие.

Затем Тэннер увидел, что к лодке устремился «Уорд». Летчик быстро снизился и сбросил

дымовые шашки. По его мысли они должны были помочь «Уорду» при спасательных работах. Больше Тэннер ничем не мог помочь терпящим бедствие.

«Уорд» не нуждался в дымовых шашках для обнаружения лодки. Та все еще находилась по правому борту эсминца, двигаясь прямо на него. Она шла в крейсерском положении, с рубкой, возвышающейся фута на два над поверхностью воды. Среди волн моряки «Уорда» на какое-то мгновение заметили ее маленький сигарообразный корпус. Все, как зачарованные, смотрели на нее. Вестовой кают-компании Минтер заметил, что лодка покрашена в темнозеленый свет. Старшина Гирин увидел, что на рубке пристроилась небольшая морская курочка. Рулевому Рейнбиту показалось, что верх рубки обложен мхом. Большинство моряков считали, что лодка выглядела скорее ржавой. Однако, все сходятся на том, что на низкой овальной рубке не было никаких опознавательных знаков. Странно, но лодка, казалось, вообще не замечала «Уорд». Она все еще продвигалась за «Антаресом» со скоростью восемь или девять узлов.

— Открыть огонь! — приказал Аутбридж.

Эсминец находился теперь всего в ста метрах от цели, и старшина Арт — командир орудия № 1 — понял, что дистанция слишком мала, чтобы использовать прицел. Он прицелился в лодку, как будто стрелял из ружья по белкам — и выстрелил.

Было точно шесть часов сорок пять минут, когда первый снаряд пролетел над рубкой под-

водной лодки и упал в море.

Более удачливыми охотниками на белок оказались комендоры орудия № 3. Командир орудия Рассел Непп скомандовал «Залп!» на тридцать секунд позже, когда цель находилась менее, чем в пятидесяти метрах от «Уорда». Снаряд попал в основание рубки. Лодка подпрыгнула в воде, но продолжала движение. Теперь она находилась прямо у правого борта эсминца — в какое-то мгновение комендор Луис Гернер заметил блеск линз в перископной трубке — и лодка осталась за кормой, сбиваясь с курса и подпрыгивая в кипящей кильватерной струе несущегося полным ходом «Уорда».

Четыре быстрых и коротких сигнала сирены послужили приказом старшине-минеру Маскцавилцу сбрасывать глубинные бомбы.

Одна... две... три... четыре глубинные бомбы исчезли в бурлящей пене за кормой эсминца. Огромные гейзеры воды, поднявшиеся над морем, совершенно скрыли лодку. Минер успел заметить, что «уже первый взрыв, казалось, переломил лодку пополам».

В кабине «Каталины» лейтенант Тэннер был совершенно сбит с толку. Помочь терпящей бедствие лодке — это было, конечно, хорошее дело, но летчик имел строгий приказ: «Забросать глубинными бомбами и утопить любую подводную лодку, появившуюся без предварительного уведомления в запрещенном районе». Теперь, глядя вниз, Тэннер видел, что «Уорд» именно этим и занимается. Продолжая мучиться сомнениями, Тэннер направил «Каталину» на лодку и сбросил

несколько собственных глубинных бомб.

За всем этим фейерверком с диким интересом наблюдала команда буксира «Косанква», дымящего примерно в миле от «Уорда», все еще ожидая «Антарес», чтобы принять от него баржу. Как и все остальные на буксире, механик Блэкмор был уверен, что стал свидетелем каких-то учений.

На «Уорде» лейтенанта Гепнера одолевали более мрачные мысли. Он приходил в ужас от одной мысли, что атакующая лодка могла быть американской. Конечно, американская лодка не могла и не должна была находиться в этом районе, да и не похожа она была ни на одну из американских лодок, которые лейтенанту приходилось видеть. Но мало ли что могло случиться? Вдруг это свои!?

В кабине «Каталины» лейтенанту Тэннеру не давали покоя те же самые сомнения. Он и его второй пилот, младший лейтенант Кларк Гиви, правда, согласились друг с другом, что приказ — есть приказ, но легче от этого не стало. Если потопленная лодка была своей, то собственное будущее представлялось лейтенанту Тэннеру весьма мрачным. Он уже видел в этом будущем военный суд и пожизненный ярлык «человека, утопившего свою подводную лодку». На волне юношеской мнительности он даже подумал, как он будет жить дальше после позорного увольнения из морской авиации? Кто возьмет его на работу с таким ярлыком? Окончив патрульный полет, он уныло доложил дежурному об инциденте с лодкой, пришел к себе и, рухнув на койку, стал ожи-

дать неминуемого конца своей военно-морской карьеры. И только капитан-лейтенант Аутбридж был абсолютно уверен в правильности принятого решения и действий своего корабля.

Он беспокоился только об одном — его рапорт о случившемся, радированный на базу в шесть часов пятьдесят одну минуту, был, по мнению командира «Уорда», недостаточно полным и ясным: «Забросали глубинными бомбами подводную лодку, находившуюся в запрещенном районе». Это могло означать, что самой лодки они не видели, а просто заметили что-то похожее на перископ, или были сбиты с толку неверной интерпретацией сигналов гидролокатора. Слишком много подобных рапортов приходило в штаб почти ежедневно, чтобы там обратили на него особенное внимание.

Но с «Уорда» видели лодку визуально, и это обстоятельство было наиболее важным из всего случившегося!

Необходимо было послать такое сообщение, которое побудило бы командование к каким-нибудь действиям вместо обычной резолюции: «Проверить и доложить».

Поэтому Аутбридж быстро составил новую радиограмму, которую в шесть часов пятьдесят три минуты снова передал в штаб 14-го военно-морского округа: «Атаковали, обстреляли, забросали глубинными бомбами подводную лодку, находившуюся в запрещенном районе, предположительно уничтожив ее». Аутбридж считал, что слово «обстреляли» было ключевым в радиограмме. Теперь командование поймет, что эсминец вел

артиллерийский огонь по лодке, то есть, видел ее. И все-таки капитан-лейтенант Аутбридж мог поступить еще лучше. Он мог доложить о своем поединке с лодкой открытым текстом, не используя код, и тем самым сэкономить несколько минут командованию для принятия решения. Он мог использовать свой прожектор, чтобы передать сообщение прямо на КДП базы. Он мог отправить более подробное сообщение, начав его так: «Обнаружили рубку странной подводной лодки и обстреляли ее двумя снарядами с дистанции прямой наводки...»

Черновик такого неоконченного донесения позднее был найден в радиожурнале «Уорда».

Но, по крайней мере, Аутбридж хоть что-то сделал! Он, в отличие от других совершенно за-гипнотизированных мирным временем людей, проявил решимость, не побоявшись взять на себя огромную ответственность: ведь именно его эсминец произвел первые боевые залпы в долгой и кровавой войне на Тихом океане.

Однако, и эта лодка не была той, которой командовал младший лейтенант Сакамаки. В шесть тридцать он и Инагаки все еще предпринимали отчаянные попытки выправить дифферент у своей «малютки». Это была нелегкая работа. Только один человек мог протиснуться ползком в узкий лаз, ведущий из центрального поста в носовую и кормовую части лодки. Они ползали взад-вперед, перетаскивая тяжелые балласты, продувая и вновь заполняя цистерны. Прошел

час, прежде чем им удалось снова поставить «малютку» на ровный киль.

Наконец все было в порядке и подводники нашли даже время позавтракать. Сидя лицом друг к другу в крошечном помещении центрального поста, они жевали шарики с рисом и поочередно прикладывались к бутылке вина. Окончив завтрак, они, пожав друг другу руки и пожелав удачи, принялись за дело. Через десять минут, взглянув в перископ, Сакамаки с ужасом убедился, что его лодка отклонилась от курса чуть ли не на девяносто градусов.

Не имея гирокомпаса, Сакамаки полностью зависел от вспомогательного компаса, надеясь, что тот хотя бы укажет правильно направление. Но, видимо, и вспомогательный компас также вышел из строя. Сакамаки пытался держать лодку на курсе, глядя в перископ, но это мало помогло. Ослепшая лодка постоянно рыскала, сбиваясь с заданного курса. Сакамаки прошиб пот.

Было уже около семи часов утра, а его лодка все еще находилась очень далеко от входа в Перл-Харбор.

Глава 5

«ХОРОШО, НЕ БЕСПОКОЙТЕСЬ ОБ ЭТОМ»

Ничем не примечательное утро вставало над армейской радиолокационной станцией, расположенной на горе Опана в северной части острова Оаху. Обычно за время своего трехчасового

дежурства с четырех до семи утра рядовые Джо-зеф Локкард и Джордж Эллиот устанавливали контакт примерно с двадцатью пятью самолетами, но в это воскресное утро практически ничего обнаружить не удалось.

Станция на горе Опана была одной из пяти мобильных радиолокационных станций, установленных в стратегических пунктах по периметру острова Оаху. Все станции были связаны с Информационным центром на форту Шафтер, где обрабатывалась полученная информация и принималось решение. Созданная таким образом система радиолокаторов могла засекают любой самолет в радиусе ста пятидесяти миль. Разумеется, могла засекают тогда, когда она работала.

Станции была развернуты недавно, накануне Дня Благодарения, не были еще достаточно отлажены и часто ломались. Локкард, Эллиот и другие солдаты обслуживания РЛС тратили большую часть времени на изучение материальной части и ее ремонт.

Лето и осень станции работали с семи утра до четырех часов дня. Но после 27 ноября, когда пришло предупреждение из Вашингтона, расписание дежурства изменилось. Станции стали работать с четырех до семи часов утра, так как именно эти часы генерал Шорт считал наиболее опасными. Затем операторы выключали станции, проводя день в обычных плановых занятиях и устраняя обнаруженные за время дежурства дефекты.

В воскресенье, как и положено, дежурство должно было закончиться в семь часов утра. На

горе Опана всегда было спокойно. Установленная там РЛС являлась наиболее удаленной от форта из всех пяти, и шесть обслуживающих ее солдат, главным образом, предоставленные самим себе, были весьма довольны этим обстоятельством. У них был свой небольшой лагерь в Ковайоле — в девяти милях внизу, на побережье. На станцию и обратно их доставлял грузовичок-пикап. Обычно они дежурили по трое, но в это воскресенье решили, что двух человек будет вполне достаточно. Локкард выполнял обязанности оператора, а Эллиот работал за двоих, будучи одновременно и планшетистом, и мотористом. Штатный моторист остался в лагере.

Солдаты заступили на дежурство в полдень 6 декабря, так как, кроме работы на РЛС, им вменяли в обязанность и ее охрану, для чего у них имелся кольт 45 калибра и восемь патронов к нему.

Ночью, в три сорок пять, Локкард и Эллиот подготовили станцию к работе и, как того требовала инструкция, начали работу ровно в четыре часа ночи. В течение последующих трех часов практически ничего не произошло. Правда, около шести часов сорока пяти минут был какой-то неуверенный блик, весьма неточно показывающий пару самолетов, идущих к острову с северо-востока на удалении ста тридцати миль, но ничего более. Поэтому солдаты совсем не удивились, когда в шесть часов пятьдесят четыре минуты им позвонили из Информационного центра и сообщили, что можно заканчивать дежурство и выключать станцию.

В Информационном центре изнывал от безделья лейтенант Кермит Тайлер — единственный находящийся там офицер.

Обычно в центре бывали загружены работой, когда все пять станций сообщали о контактах с воздушными целями и планшетисты передвигали свои стрелки по огромному деревянному столу-планшету. Правда, все это было игрой, на которой учились опознавать свои самолеты, составляли план перехвата «противника», отдавая условные приказы истребителям. Иногда даже приходилось управлять учебными воздушными боями.

Но в это воскресенье решительно нечем было заняться. Не считая нескольких солдат-планшетистов, на дежурстве находился только лейтенант Тайлер — офицер связи с истребительной авиацией.

За первые два часа его дежурства не случилось ровным счетом ничего. Около шести часов десяти минут одна из станций сообщила о контакте, и планшетисты начали передвигать свои стрелы по столу. В шесть сорок пять пришло сообщение о цели, приближающейся к острову с севера на расстоянии сто сорок миль. Контакт был не очень надежным, но достаточным, чтобы Тайлер, выйдя из состояния полного безделья, приказал внести это сообщение в суточный рапорт. Прокладка этого ненадежного контакта напоминала царапанье куриной лапой в направлении острова Оаху. Но тут наступило семь часов утра и все отправились на завтрак. Тайлер остался один в помещении. По каким-то причинам,

известным только армии, он должен был дежурить до восьми утра — на час позже остальных. Офицер сидел один — некем было командовать, некому подчиняться, не с кем было даже поговорить.

На горе Опана рядовые Локкард и Эллиот, выключив станцию в семь утра, ожидали свой пикап, чтобы отправиться на завтрак. Обычно машина заезжала за ними около семи, но на этот раз что-то запаздывала. Поэтому Локкард и Эллиот решили еще немного поработать на станции, поскольку призванный всего две недели назад Эллиот еще недостаточно освоил управление радаром. Локкард решил еще попрактиковать своего товарища.

В семь часов две минуты Эллиот сел за станцию, включил ее и стал крутить ручки настройки. Локкард, стоя за его спиной, объяснял, что означают разные блики и импульсы. И тут внезапно появился блик гораздо больше любого, чем Локкард когда-либо видел. Такой импульс мог исходить только от очень большого количества самолетов. Но импульс был настолько большим, что Локкард вначале подумал о необходимости нового ремонта станции. Отстранив в сторону Эллиота, Локкард сам сел за настройку локатора. Он очень быстро убедился, что станция исправна. Просто она засекала огромное количество самолетов. Эллиот сел за прокладку и через несколько секунд они уже имели координаты цели: сто тридцать семь миль к северу, три градуса к востоку.

В семь часов шесть минут Эллиот попытал-

ся по линии прямой связи дозвониться до кого-нибудь в Информационном центре. Никто не отвечал. Попытка дозвониться в штаб своей части тоже ничего не дала. Наконец он вспомнил о телефонисте на коммутаторе Информационного центра — рядовом Джо Макдональде. Коммутатор находился в небольшом помещении, смежном с тем, что занимали планшетисты, и Макдональд дежурил даже тогда, когда центр был закрыт. Соединившись с ним, Эллиот на одном дыхании выпалил новость:

— С севера идет целая армада самолетов. Три градуса к востоку!

Макдональд ответил, что в Центре уже никого нет. Он записал сообщение и обернулся, чтобы посмотреть на настенные часы, висевшие в планшетной, и отметить время. Через открытую дверь он неожиданно для себя увидел лейтенанта Тайлера, одиноко сидевшего за планшетным столом.

Макдональд показал ему сообщение Эллиота, заметив молодому офицеру, что никогда еще не получал сообщений, похожих на это.

— Не кажется ли вам, сэр, что мы должны что-нибудь предпринять?

Макдональд предложил вызвать планшетистов с завтрака: они не имели большой практики и им будет полезно выполнить прокладку такого большого количества целей. Тайлер, однако, считал, что в этом нет необходимости. Макдональд вернулся на коммутатор и позвонил на гору Опана. На этот раз он разговаривал с Локкардом, который взволнованно сообщил, что им-

пульсы стали больше — расстояние быстро уменьшается: в 7:08 — сто тринадцать миль, в 7:15 — девяносто две мили. По меньшей мере, пятьдесят самолетов идут прямо на Оаху со скоростью сто восемьдесят миль в час.

Выслушав Локкарда, Макдональд передал ему слова лейтенанта, что все в порядке. Тогда Локкард попросил к тебефону самого Тайлера, снова повторив, что еще никогда не видел такого количества самолетов на экране радара. Макдональд обернулся к Тайлеру:

— По-моему, будет лучше, если вы сами поговорите с ними, сэр.

Тайлер взял трубку, терпеливо выслушал Локкарда и на минуту задумался. Он знал, что авианосцы находятся в море — это могли быть самолеты с них. Кроме того, он вспомнил, что всю ночь (когда он ехал в Центр) работал радиомаяк, а это случается, когда с Западного побережья на острова перегоняют тяжелые бомбардировщики Б-17. Значит, это могли быть и «Летающие крепости». Но в любом случае, это конечно, были свои самолеты. Оборвав все дальнейшие дискуссии, Тайлер сказал Локкарду:

— Хорошо, не беспокойтесь об этом.

Локкард решил не спорить. Если офицер так считает, им действительно нечего беспокоиться и остается одно — выключить станцию. Но Эллиот захотел еще немного попрактиковаться и они продолжали следить за приближением неизвестных самолетов. 7:25 — шестьдесят две мили, 7:30 — сорок семь миль, 7:39 — двадцать две мили.

(Эта неумелая прокладка в настоящее время

является одной из реликвий Национального военного музея Соединенных Штатов. *Примеч. перевод.*) В этот момент контакт был потерян, так как самолеты вошли в зону непроходимости радиоволн, образованную горами на северной оконечности острова.

Тем временем прибыл пикап, чтобы отвезти солдат на завтрак. Они выключили аппаратуру, заперли станцию, захватили с собой журнал и кальку прокладки курса, залезли в машину и поехали вниз по дороге в лагерь.

Было семь часов сорок пять минут утра.

А в Информационном центре на форту Шафтер все еще беспокоился рядовой Макдональд. Он спросил лейтенанта Тайлера, что тот действительно думает об этих сигналах на радиолокаторе, и был рад услышать ответ офицера:

— Да ничего не думаю. Все в порядке.

Вскоре — после семи тридцати — Макдональд сдал дежурство по коммутатору и, уходя из помещения, сунул в карман первое сообщение с горы Опана. Он никогда не видел ничего подобного и хотел рассказать об этом своим товарищам.

Лейтенант Тайлер снова остался в одиночестве, с нетерпением ожидая, когда пройдут последние томительные минуты его дежурства. Он не испытывал ни малейших сомнений относительно правильности принятого им решения. Он даже в некотором отношении был совершенно прав — работающий всю ночь радиомаяк действительно вел на Гавайские острова двенадцать «летающих крепостей», вылетевших с материка и подходящих

к островам с северо-востока.

Но самолеты, которые засекала радиолокационная станция горы Опана, находились чуть восточнее.

Их было гораздо больше и они стремительно приближались.

Капитан 2 ранга Футида знал, что они уже недалеко от цели — авиагруппа находилась в воздухе более полутора часов. Сплошной ковер белых облаков закрыл океан и не позволял более точно откорректировать курс. Футида включил радиоприемник и настроился на радиомаяк Гонулулу, убедившись, что сбился с курса на пять градусов. Легким движением рулей он лег на нужный курс и вся армада последовала за своим ведущим.

Из кабины своего бомбардировщика Футида оглядел следующие за ним самолеты. Непосредственно за его ведущей машиной шли сорок восемь горизонтальных бомбардировщиков.

Слева, чуть выше, капитан 3 ранга Такахаши вел за собой пятьдесят один пикирующий бомбардировщик.

Справа, немного ниже, шли сорок торпедоносцев капитана 3 ранга Мурата.

И высоко над ними серебрились сорок три истребителя капитана 3 ранга Итайя — силы прикрытия авиагруппы. Бомбардировщики шли на высоте три тысячи метров, истребители — пять тысяч метров. Стекла кабин сверкали в лучах солнца, стремительно восходящего со стороны

левого борта. Но внизу все еще клубилась сплошная пелена облаков. Футида начал беспокоиться — что, если Перл-Харбор также закрыт облаками?

Это крайне затруднило бы нанесение удара. Футида ждал донесения с разведывательных самолетов, которые уже должны были знать обстановку. Но те молчали.

В этот момент под звуки музыки, лившейся из радиоприемника, как по заказу, прозвучала сводка погоды: «...переменная облачность, главным образом, над горами... высота три тысячи пятьсот футов... видимость хорошая».

Теперь Футида знал, что над целью облачность рассеется. Он также решил, что лучше всего подойти к Перл-Харбору с запада и юго-запада, поскольку облака, скопившиеся над горами, делали подход с восточной стороны небезопасным. И, как бы символизируя предстоящий успех, облака внизу стали редеть и прямо по курсу Футида увидел белую линию прибоя — остров Оаху.

Пилот одного из бомбардировщиков лейтенант Тосио Хасимото был очарован. Прелестный зеленый остров, голубые лагуны бухт, пестрые крыши домов проплывали под крылом его самолеты видениями из какого-то другого мира. Сцена, открывшаяся под ним, была настолько прекрасна, что лейтенант решил сохранить ее на память. Вытащив фотоаппарат, он сделал несколько кадров.

Пилот истребителя Есио Сига, глядя на открывшийся под его самолетом зеленый, залитый

солнцем, ландшафт, был охвачен странным смешанным чувством волнения и грусти. Семь лет назад, в 1934 году, он побывал в Гонолулу во время дружественного визита отряда учебных кораблей морского училища, — визита, полного впечатлений и приятных воспоминаний. Отогнав воспоминания, летчик сосредоточил все внимание на управлении самолетом.

Приближалось время нанесения удара, и капитан 2 ранга Футида мучился перед принятием трудного решения. План предусматривал два варианта атаки — в условиях внезапности и в условиях ее потери. В случае, если внезапности удалось бы достичь, первыми должны были идти в атаку торпедоносцы, затем — горизонтальные бомбардировщики и довершить дело предстояло пикирующим бомбардировщикам, в то время как истребители оставались бы на высоте, осуществляя прикрытие. (Смысл этого плана заключался в том, чтобы прицельно сбросить как можно больше торпед, пока дым от разрывов бомб не закроет цели.) Если же элемент внезапности по каким-то причинам будет утрачен, то пикирующие бомбардировщики и истребители должны были первыми нанести удар по аэродромам и системе ПВО противника, чтобы расчистить дорогу торпедоносцам.

Дабы дать понять идущим за ним самолетам, какой из вариантов плана вводится в действие, Футида должен был просигнализировать ракетами: один раз — в случае достижения внезапности и два раза — в случае ее потери.

Проблема заключалась в том, что Футида не

знал, заметили или нет американцы приближение его самолетов. Об этом должны были доложить разведывательные самолеты, выпущенные крейсерами. Но от них не было ничего.

Было уже семь часов сорок минут. Они шли над западной кромкой острова, стремительно приближаясь к цели. Футида решил рискнуть и провести атаку по варианту достижения внезапности. Он достал ракетницу и выпустил одного «черного дракона». Пикирующие бомбардировщики сразу же стали набирать высоту, выходя на четыре тысячи метров, горизонтальные снизились до тысячи двухсот метров, а торпедоносцы ринулись к самой поверхности воды, готовые к великой чести — открыть атаку.

Пока самолеты перестраивались из походного ордера в боевой, Футида заметил, что истребители, казалось бы, никак не отреагировали на его сигнал. Он решил, что они его просто не заметили. Тогда ведущий ударной волны выпустил второго «черного дракона».

На этот раз истребители заметили сигнал, но его заметили также и пикирующие бомбардировщики. Они решили, что вторая черная ракета означает потерю внезапности. Значит, честь начать атаку предоставлена им. Ломая тщательно разработанный план, торпедоносцы и пикирующие бомбардировщики одновременно устремились в атаку.

Они уже ясно видели цели со стороны левого борта. На лейтенанта Сига произвел впечатление необычный серый цвет боевых кораблей. Капитан 3 ранга Итайя был удивлен способом

швартовки линкоров друг к другу лагом. Капитана 2 ранга Футиду более интересовало, все ли они на месте: два, четыре, восемь.

Нет сомнения, все линкоры находились в гавани!

Глава 6

«ДЕНЕК-ТО ПРЯМО ДЛЯ ТУРИСТОВ, ДЖО!»

Тринадцатилетний Джемс Манн, стоя вместе с отцом около своего дома на северо-западном побережье Оаху, прикрывшись рукой от ярких солнечных лучей, следил за кружащимися высоко в небе самолетами.

Семья Маннов любила в конце недели приезжать в свой загородный домик на побережье, чтобы отдохнуть от городского шума. Но в это утро насладиться загородным покоем на удалось. Грохот авиационных моторов разбудил сначала двух мопсов, а затем и их самих... Более ста самолетов кружились над ними, постепенно разделяясь на небольшие группы по три, пять и семь машин. Несколько истребителей снизилось настолько, что мальчик смог и ясно рассмотреть. Он крикнул отцу:

— Гляди-ка, наши сменили цвет самолетов!

Истребители с ревом пронеслись над дорогой, ведущей к аэродромам Шофилд и Уиллер. Другие группы машин также стали разворачиваться в разные стороны и к семи сорока пяти все самолеты исчезли из вида.

В двенадцати милях к югу другой тринадца-

тилетний мальчик — Томми Янг — ловил на спиннинг рыбу. Его внимание также было привлечено шумом авиационных моторов. Взглянув вверх, он увидел большой строй серебристых машин, идущих на юго-восток. Томми сосчитал самолеты — их было семьдесят два.

А в самом Перл-Харборе, на пирсе также сидели два юных рыбака. Это были тринадцатилетний Джерри Мортон и его одиннадцатилетний брат Дон. Пирс, на котором они сидели с удочками, был местом, где обычно приставали шлюпки и катера с уволенными на берег матросами и старшинами со стоявших на рейде кораблей. Пирс был расположен на небольшом мыску почти в центре якорной стоянки.

Джерри и Дон, подобно большинству детей военнослужащих, считали Перл-Харбор не военно-морской базой, а огромным и великолепным местом для всевозможных игр. Почти каждое утро, когда не надо было идти в школу, они приходили на этот причал — всего в двухстах метрах от их дома — таща с собой удочки и сачки. Рыбалка редко была удачной, иногда попадался какой-нибудь доверчивый окунек, но зато всегда здесь были корабли, самолеты, моряки — удивительный, яркий и волнующий калейдоскоп, который никогда не мог надоест.

В это утро братья сидели, как обычно, на пирсе: босоногие, голые до пояса, с закатанными до колен штанинами. Легкий ветерок рябил воды гавани, но солнце часто пробивалось сквозь облака, делая утро теплым и обещая великолепный день. Все было обычно, как всегда, если не

считать одного: невероятно клевала рыба. Еще не было и восьми утра, когда ребята израсходовали всю наживку и Дон был отправлен домой за новой. Джерри, как старший партнер, остался нежиться на утреннем солнце.

Перед ним, куда бы он ни глянул, стояли корабли Тихоокеанского флота. Целые семейства эскадренных миноносцев покачивались на якорях возле своих плавбаз. За ними виднелись трубы и мачты крейсеров, стоявших у причала судоремонтного завода. Далее к югу виднелся крейсер «Хелена», пришвартованный у причала № 1010. Сухой док № 1 занимали линкор «Пенсильвания» и два эсминца. За доком стояли, пришвартованные к стенкам и к друг другу дивизионы эскадренных миноносцев, плавмастерская «Медуза» и гидроавиатранспорт «Картис».

Доминировал над всем этим остров Форд, лежащий точно посреди бухты. Именно там, в огромных ангарах для летающих лодок находился сегодня отчим Дона и Джерри — авиамеханик Томас Крафт. Остров Форд служил базой для патрульных «Каталин», а также и для корабельных самолетов, когда авианосцы находились в гавани.

Авианосцы обычно швартовались на северо-западной стороне острова, а линейные корабли использовали юго-восточную.

Сегодня авианосцы отсутствовали и место их стоянки напротив городской набережной выглядело скучно. Там стояли старые крейсера «Детройт» и «Релей», бывший линкор «Юта», переоборудованный в корабль-мишень и гидроавиат-

ранспорт «Танжер». Зато с противоположной стороны острова торчал целый лес труб, мачт и надстроек «линкорного ряда»: «Невада», «Аризона», «Теннесси», «Вест-Вирджиния», «Мэриленд», «Оклахома» и «Калифорния» — все были здесь. Между линкорами сновал самоходный лихтер УС-17 — «Очаровательная барка» — собирая мусор с бронированных гигантов.

Танкер «Неошо» пристроился к бочке на южном конце «линкорного ряда».

Крейсер «Балтимор» — ветеран “Великого Белого флота” Теодора Рузвельта — ржавел в резерве, затерявшись среди эсминцев новейшей постройки.

Маленький, обшарпанный гидротранспорт «Свен» примостился у транспортно-железнодорожного пирса неподалеку от крейсеров.

Старая канонерская лодка «Сакраменто» стояла у него за кормой — ее тонкая, высокая дымовая труба выглядели так, будто ее конструировал лично Роберт Фултон.

Древний минный заградитель «Оглала» дремал у причала № 1010 за кормой «Хелень». Он имел романтическое прошлое речного лайнера, но сейчас в основном стоял у стенки, иногда так долго, что целые семейства птиц вили гнезда в его трубе.

Большие и маленькие, старые и новые, могучие и слабые — они составляли те девяносто шесть военных кораблей, которые находились в Перл-Харборе в воскресенье 7 декабря 1941 года.

Тихоокеанский флот США был в те годы

большой и в то же время очень маленькой семьей. Почти все знали друг друга, особенно в родственных специальностях. Уолтер Симмонс, служивший долгое время баталером на «Картисе», вспоминал, что было совершенно невозможно побывать на любом корабле и не встретить целую кучу знакомых.

В предвоенные годы многие служили на флоте очень подолгу. Главстаршина Джозеф Никсон служил на крейсере «Сан-Франциско» девять лет, старшина Джек Хелли — на «Неваде» — двенадцать лет. У юного — только что из училища — младшего лейтенанта Джорджа Тоссиджа сложилось впечатление, что многие старшины на «Неваде» служили на линкоре, когда его еще не было на свете. Эти старые мичмана, старшины и унтер-офицеры играли большую роль в поддержании «бодрого духа семьи». Все они годились юным лейтенантам в отцы — учили их понимать службу и любить бейсбол, в отсутствие посторонних называли их «сынками», не скрывая своего снисходительного отношения. Но они же были первыми защитниками офицерского авторитета и непоколебимо верили в святость и незыблемость флотских традиций.

Мир офицеров был еще более тесен. Из года в год их выпускало одно и то же училище, и они шаг за шагом поднимались по служебной лестнице за своими старшими коллегами. Почти все они знали друг друга, деля на всех и свою тяжелую службу, и уют кают-компаний, гордясь и развивая традиции, впитанные еще в военно-морском училище Аннаполиса, и с достоинством неся свою

белую накрахмаленную форму. И подобно всем настоящим профессионалам, они объединились в гордую замкнутую касту. Но уже появились первые признаки того, что этот тесный, маленький мир начал изменяться. В основном, это произошло из-за хлынувших на флот во исполнение различных мобилизационных и учебных планов огромного числа офицеров-резервистов.

Резервисты с достаточным энтузиазмом относились к своим служебным обязанностям, но совершенно игнорировали традиции флота, заменяя их традициями различных университетов страны.

Доррис Майлер — вестовой кают-компания линейного корабля «Вест-Вирджиния» — одним из первых столкнулся с противоречиями между старыми традициями и поведением офицеров-резервистов. Каждое утро Майлер проделывал гигантскую работу, чтобы поднять с койки младшего лейтенанта Эдмонда Джакоби — юного резервиста из университета Учиты. Сначала Майлер просто расталкивал Джакоби, как это делают проводники пассажирских поездов. Джакоби не имел никаких возражений против подобного обращения, но выпускники Аннаполиса напомнили Майлеру, что по традиции нижний чин не имеет права даже прикасаться к офицеру. Столкнувшись с проблемой, как сохранить офицерское достоинство и в то же время разбудить Джакоби, Майлер пришел на следующее утро к блестящему решению. Нагнувшись к самому уху спящего офицера, он заорал:

— Эй, Джек! — и выскочил из каюты.

В это воскресное утро Майлер не ломал себе голову над этой проблемой: младший лейтенант Джакоби был свободен от вахты и мог спать сколько угодно. Да и сам Майлер не был особенно загружен, выполняя свои обычные обязанности в кают-компании младших офицеров: на завтрак явились всего двое.

Не было много дел и у старшины Ральфа Хайнеса — рулевого на баркасе контр-адмирала Уильяма Келхауна. Адмирал являлся командующим 8-й эскадрой вспомогательных кораблей, составляющей группу транспортов снабжения флота. В это утро командующий должен был отправиться на пришедший «Антарес», но по какой-то причине запаздывал.

На линкоре «Невада» вахтенный офицер лейтенант Тоссидж ожидал, мучаясь от безделья, конца вахты, пытаясь употребить время хоть на что-нибудь полезное. Этот случай представился, когда ему доложили, что уже четыре дня под парами находится один и тот же котел. Лейтенант приказал развести пары в другом.

На «Аризоне» боцман Джемс Форбис с группой матросов натягивал на корме линкора тент для воскресного богослужения. Сильный ветер беспокоил капеллана Уильяма Мажойра: не снесет ли его алтарь за борт. Но солнце палило, облака плыли где-то высоко и все говорило, что день будет превосходным. Повернувшись к своему помощнику матросу Джозефу Уоркмену, капеллан проговорил:

— Денек-то прямо для туристов, Джо.

Матрос Дональд Мартен с крейсера «Гоно-

дулу» готовил помещение для католической мессы. Другие, подобно сигнальщику Джону Бленкену с крейсера «Сан-Франциско», собирались в увольнение на берег поохотиться за девочками. На «Неваде» лейтенант Томас Тейлор рассчитывал также съехать на берег и поиграть в теннис. На крейсере «Хелена» собирались на игру бейсбольная команда корабля.

Лейтенант Уильям Браун, стоя на палубе своего торпедного катера, погруженного на танкер «Рамапо» для отправки на Филиппины, обдумывал свой собственный план проведения воскресного дня. Его жена прибывала на две недели в Перл-Харбор, и он уже снял небольшой домик за городом. Он собирался встретить жену и превосходно провести сегодняшний день.

Те, кто не мог попасть на берег, имели собственные планы. На крейсере «Сент-Луис» матрос Роберт Макмарри наблюдал за игрой своих товарищей в шахматы. На линкоре «Калифорния» санитар Уильям Линч неожиданно вспомнил, что сегодня день рождения его сестры и подумал, что неплохо бы написать ей письмо.

Машинист Хутон с линкора «Вест-Вирджиния», сидя на рундуке в кубрике, рассматривал фотографии, присланные женой. На них был изображен его восьмимесячный сын, которого он еще не видел.

Баталер Фельдер Кроуфорд сидел за своим столом в баталерке линкора «Мэриленд», листая пришедшие с последней почтой иллюстрированные журналы.

Очень многие моряки уже думали о предсто-

ящем Рождестве, до которого оставалось всего пятнадцать дней. Сигнальщик Даррел Коннер сидел в рубке флагманской связи линкора «Калифорния», упаковывая купленные рождественские подарки. Матрос Лесли Шорт забрался в одну из зенитных установок линкора «Мэриленд», где его никто не мог потревожить, и надписывал рождественские открытки.

Время завтрака, строго регламентированное Уставом, в воскресные дни варьировалось, как кому вздумается. Командир крейсера «Релей» капитан 1 ранга Бенхем Симмонс, одетый в голубую пижаму, пил кофе в своей каюте. На линкоре «Оклахома» младший лейтенант Билл Ингрэм, сын знаменитого футбольного тренера, ждал, когда вестовой принесет ему сваренные вкрутую яйца.

У матроса Мартина Эйта, любившего поесть, завтрак был своего рода священнодействием: четыре яйца, бекон, две тарелки каши, фруктовый сок, печенье и три чашки кофе.

В поселке вольнонаемных рабочих судоверфи, известном в просторечии как «Бойстаун», сварщик Бен Ротч пригласил на завтрак пару своих друзей с крейсера «Релей». Завтрак состоял из ветчины, яиц и бутылки виски.

В ремонтных цехах и в сухом доке № 1, несмотря на воскресный день, продолжалась работа. Вольнонаемный рабочий Гарри Деннер чистил от ржавчины кронштейны гребного вала правого борта линкора «Пенсильвания». Но дух воскресенья чувствовался в любой работе.

У ворот военно-морской базы Перл-Харбо-

ра часовые морской пехоты с удовольствием позировали китайцу-фотографу Тай Сли-лою, который неофициально являлся фотографом всего флота. Это был удивительно колоритный китаец в огромной шляпе охотника на слонов.

В нескольких сотнях метров от этих ворот, вниз по дороге на Гонолулу, находился главный КПП аэродрома Хикэм, где базировались армейские бомбардировщики.

Обычно аэродром находился в постоянном действии, решая разные задачи боевой подготовки от обычной летной практики до учебных «налетов» на корабли. Самолеты с авианосцев не оставались в долгу, время от времени совершая «налеты» на аэродром.

Но сегодня все было спокойно. Авианосцы находились в море, а армейские бомбардировщики были выстроены ровными рядами вдоль взлетной полосы. Страх генерала Шорта перед возможностью диверсий вылился в то, что самолеты все были собраны на открытом месте для лучшего обеспечения их охраны. Ангары самолетов стояли пустыми, но на контрольной башне царило возбуждение и рабочая обстановка.

Оперативный дежурный капитан Гордон Блейк появился на КДП ровно в семь утра. Затем прибыли майор Роджер Рамей, полковник Ченьи Бертгольф из штаба ВВС округа и сам командир авиабазы полковник Уильям Фартинг. Старшие офицеры собрались на КДП базы, чтобы встретить тяжелые бомбардировщики Б-17, прибывающие с материка. Это были новые, потрясающие машины, и прибытие сразу двенадца-

ти «крепостей» было, в действительности, очень большим событием.

Но и на авиабазе царил дух выходного дня. Сержант Роберт Хей одевался, готовясь поехать в стрельбе из винтовки с капитаном Чапельманом. Капитан Леви Эрдман спешил на корт, взвалив на спину сумку со всем теннисным снаряжением. Медсестра Моника Контер в ожидании свидания с лейтенантом Беннингом замеряла пульс и температуру у больных нового базового госпиталя. Рядовой Марк Лайтон кое-как успел позавтракать до семи сорока пяти (предельное время для завтрака сержантско-рядового состава), но большинство солдат даже и не пытались этого сделать. Старший сержант Чарльз Джудд валялся на койке, читая в сентябрьском номере журнала «Авиация» статью, разоблачающую низкую боевую подготовку и устарелость матчасти военно-воздушных сил Японии.

Во многом то же самое происходило на аэродроме Уиллер — базе армейских истребителей, расположенной в центре острова. Здесь также все самолеты — шестьдесят два новейших истребителя P-40 — стояли крылом к крылу вдоль взлетной полосы.

Большинство личного состава еще валялись в койках. Исключение составляли лишь двое — лейтенанты Джордж Уэлч и Кен Тейлор — двое пилотов, только что вернувшихся в часть. Всю субботнюю ночь юноши провели на танцах и за карточным столом в клубе на небольшом аэродроме Халейва на западном побережье острова. Теперь Уэлч убеждал друга не ложиться спать, а

лучше отправиться обратно в Халейву и искупаться. Ведь нет ничего лучше утреннего купания. Их ленивый спор — единственное, что нарушало сонную тишину авиабазы Уиллер.

Такая же тишина царила над огромными кирпичными прямоугольниками Шофилдских казарм. Многие солдаты 24-й и 25-й дивизий еще не вернулись из суточного увольнения. Некоторые, подобно сержанту Валентину Леманскому, принимали душ, брились, чистили зубы.

В расположенных неподалеку офицерских квартирах маленькая дочка полковника Виргила Майлера Юлия уже встала, позавтракала и собиралась отправиться вместе со своей мамой и братьями в церковь на воскресную проповедь.

Некоторые солдаты форта Шафтер также собирались в церковь, но большинство еще валялись на койках и нежились на солнце.

Полковник Филдер — начальник разведки генерала Шорта — одетый в спортивный костюм, собирался с семьей на загородный пикник.

Ниже форта располагался маленький аэродром армейских истребителей, приютившийся на восточной оконечности острова. На нем базировались две небольшие эскадрильи истребителей, из них — только двенадцать новых П-40. Здесь, как и на других авиабазах, самолеты были собраны вместе вдоль взлетной полосы, а люди либо отдыхали, либо строили какие-то воскресные планы.

В пяти милях дальше по побережью находилась база морской авиации Канзохе, с которой оперировали тридцать три новеньких летающих

лодки «Каталина». В это утро три из них находились в патрульном полете, остальные стояли в ангарах или покачивались на якорях на легкой зыби бухты Канэохе.

На базе летающих лодок царила та же сонная атмосфера, что и повсюду. Вестовой офицерской столовой сидел за столом без всякого дела: на завтрак не явился никто. Капитан 3 ранга Криммон — врач базы — сидел в своем кабинете, положив ноги на стол, удивляясь, почему не пришла утренняя газета.

Это удивляло многих. Местная газета «Адвертисер» считалась неотъемлемой частью воскресного завтрака, но в это утро типографская машина, успев отпечатать только две тысячи экземпляров, неожиданно сломалась. Уже отпечатанные экземпляры отправили в Перл-Харбор для распределения по кораблям. Ремонт оборудования в воскресное утро был почти безнадежным делом, хотя редактор Рей Колл прилагал все усилия, чтобы починить машину.

В резком контрасте с сонной атмосферой, царившей в Перл-Харборе, кипучая деятельность бурлила на эсминце «Уорд», продолжавшем прочесывать воды у главного входа в Перл-Харбор. Масса событий произошла с тех пор, как они прикончили сверхмалую подводную лодку.

В шесть часов сорок восемь минут с эсминца заметили белый сампан, разгуливавший в запретной зоне. Когда эсминец направился к нему, чтобы выяснить, в чем дело, сампан попытался удрать. Его быстро догнали; шкипер сампана

заглушил двигатель и стал размахивать белым флагом. Это поразило Аутбриджа. Сампаны часто, следуя за косяком рыбы, заходили в запретную зону. Их столь же часто и ловили. Но никогда они не капитулировали так официально. Однако, с другой стороны, шкипер уже насмотрелся на лихие действия «Уорда» со стрельбой из орудий и взрывами глубинных бомб, так что считал не лишним продемонстрировать свои самые мирные намерения, чтобы огонь не открыли и по нему. Эсминец повел нарушителя в Голулу, чтобы сдать его там береговой охране.

В семь часов три минуты гидроакустики эсминца снова доложили о точном контакте с подводной лодкой. Бросив сампан, Аутбридж повел эсминец на указанное пеленгом место и сбросил пять глубинных бомб. Огромное пятно соляра, бурля пузырями, разлилось по поверхности в трехстах метрах за кормой эсминца. Затем «Уорд» вернулся к сампану. Все оставались на боевых постах по боевой тревоге. Аутбридж вызвал по радио штаб 14-го военно-морского округа, предупредив, чтобы там были готовы к приему новых сообщений.

В штабе все сообщения попадали в руки капитана 3 ранга Гарольда Каминского — старого резервиста, недавно вернувшегося на флот, в котором он служил матросом еще в первую мировую войну. Каминский по службе отвечал за противолодочные сети и боновые заграждения, а в это утро дежурил по штабу, что входило в обязанность всех офицеров. Ему помогал матрос, гавайец по происхождению, который мало разби-

рался в английском языке и еще меньше в теле-
тайпах.

Из-за различных задержек в расшифровке, редактировании и отпечатке входящих радиogramм, Каминский только в семь часов двенадцать минут получил переданное в шесть пятьдесят три сообщения с «Уорда» о потоплении подводной лодки. Первым делом дежурный по штабу пытался дозвониться до адъютанта адмирала Блоха, но это ему не удалось. Тогда он стал звонить начальнику штаба ОВРа капитану 1 ранга Джону Ирлу. Трубку подняла жена начальника штаба, но немедленно передала трубку мужу. Каминскому показалось, что начальник штаба слушает его безо всякого интереса и даже с некоторым раздражением.

Капитан 1 ранга Ирл позднее вспоминал, что в начале он действительно был слегка раздражен, поскольку решил, что речь идет об очередном «обнаружении» подводных лодок, которых было полно за последние месяцы. Он понял, что дело серьезное, когда узнал, что эсминец вел артогонь и сбрасывал глубинные бомбы, чего никогда не было при всех предыдущих «обнаружениях».

Ирл приказал Каминскому немедленно передать это сообщение дежурному по штабу флота и капитану 2 ранга Чарльзу Момзену — оперативному офицеру штаба ОВРа (14-й округ). Ирл сказал, что адмиралу Блоху он все доложит сам.

В семь пятнадцать капитан 1 ранга Ирл дозвонился до адмирала Блоха и доложил ему о случившемся. Оба старших офицера следующие пять или десять минут пытались решить, можно

ли считать это сообщение надежным или нет.

Переходя из рук в руки, радиограмма Аутбриджа, конечно, потеряла свое ключевое слово «обстрелял», которое должно было дать понять, что лодку наблюдали визуально. Поэтому ни Блох, ни Ирл не могли понять, шла ли речь об очередном гидроакустическом контакте, или с «Уорда» действительно что-то видели. В итоге они решили запросить у «Уорда» подтверждение информации, доложить в штаб флота и ждать, по выражению капитана 1 ранга Ирла, «дальнейшего развития событий».

Между тем, Каминский доложил радиограмму Аутбриджа в штаб командующего флотом, развернутый на базе подводных лодок. Помощник оперативного дежурного капитан 3 ранга Френсис Блейк, выслушавший доклад, рассчитал, что это произошло примерно в семь двадцать. Блейк немедленно передал рапорт оперативному дежурному капитану 2 ранга Винсенту Марфи, который одевался в своей каюте. Марфи сказал:

— Адмирал Блох знает об этом или нет? Узнайте у него.

Поскольку в разговоре с Каминским об этом речи не было, Блейк сам позвонил в штаб 14-го округа, но телефон там оказался занятым. К этому времени Марфи пришел в дежурку и приказал:

— Ладно. Идите в оперативную рубку и уточните на карте места всех кораблей, находящихся в море. А я сам им позвоню.

Но телефон у дежурного по ОВРу был все еще занят. Марфи соединился с коммутатором,

приказав прервать там разговор и сообщить Каминскому, чтобы тот позвонил в штаб флота, а сам отправился в оперативную рубку.

Не было ничего удивительного в том, что телефон Каминского был занят. После разговора с Блейком он позвонил, как ему было приказано, капитану 2 ранга Момзену — оперативному офицеру штаба ОВРа. Момзен приказал сообщить об этом лейтенанту Джозефу Логану. Затем пришлось звонить в береговую охрану, чтобы узнать, что за сампан был задержан «Уордом». После этого, в семь двадцать пять, снова позвонил Момзен, приказав выслать на помощь «Уорду» дежурный эсминец «Монегхен». Далее было приказано позвонить лейтенанту Оттли, чтобы перекрыли заграждениями вход в порт Гонолулу.

Звонок следовал за звонком, драгоценные минуты улетали на ветер.

Когда в семь тридцать капитан 2 ранга Марфи вошел в свой кабинет, телефон на его столе пронзительно звенел. Оперативный дежурный полагал, что это ожидаемый звонок от Каминского, но ошибся. Звонил капитан 2 ранга Логан Рамсей — начальник штаба 2-го патрульного авиакрыла летающих лодок, чья база находилась на острове Форд. Рамсей спешил доложить о чрезвычайном происшествии — только что одна из патрульных «Каталин» сообщила о потоплении подводной лодки примерно в миле от входа в Перл-Харбор. Марфи ответил, что он уже имеет похожий рапорт, но с эсминца.

Следующие несколько минут оба офицера

сравнивали полученные сообщения.

Сообщение, о котором докладывал Рамсей, пришло с «Каталины» лейтенанта Тэннера. Его занесли в журнал ровно в семь часов, но затем последовали обычные задержки при декодировании и прочем, сменившиеся сомнениями со стороны первых читавших сообщение старших офицеров.

Капитан 2 ранга Кнефлер Макгиннис — командир подразделения летающих лодок — склонялся к тому, что Тэннер просто неправильно опознал объект, обнаруженный в море. Он проверил всю информацию о местонахождении американских лодок, которая имелась в распоряжении патрульной авиации. В указанном Тэннером районе никаких лодок не было.

Сам Рамсей получил это сообщение в семь тридцать от оперативного дежурного по штабу патрульной авиации и тоже решил, что это какая-то ошибка: кто-то неправильно передал сообщение о каких-нибудь учениях. Он приказал дежурному офицеру немедленно затребовать подтверждения «аутентичности» полученной информации.

Чтобы застраховаться от неожиданностей, Рамсей решил быстро составить план поиска неизвестной лодки и доложить обо всем в штаб флота. Это все, что он мог на данном этапе сделать.

Когда капитан 2 ранга Марфи закончил разговор с Рамсеем и положил трубку, телефон сразу же зазвонил снова. На этот раз это был Каминский. Он заверил Марфи, что Блоху все доложено, что дежурный эсминец уже вышел на по-

мощь «Уорду», а эсминец, находящийся в часовой готовности, уже разводит пары.

— Имели ли вы какие-нибудь предварительные данные об этом инциденте? Или какую-нибудь новую информацию?

— Это сообщение свалилось, как гром с ясного неба, — ответил Каминский.

Капитан 2 ранга Марфи почел за лучшее доложить обо всем лично командующему флотом. В семь часов сорок минут на проводе был сам адмирал Киммел. Командующий, который оставил жену на материке, чтобы обезопасить себя от любого отвлекающего влияния, жил один в невзрачном новом доме на Макалапе, примерно в пяти минутах езды от штаба. Выслушав доклад, командующий сказал:

— Сейчас прибуду.

Затем снова позвонил Рамсей, спросив, есть ли какие-нибудь новости? Марфи ответил, что никаких новостей нет, но посоветовал держать поисковые самолеты в готовности, если адмирал захочет их использовать.

Потом опять позвонил Каминский, доложив об инциденте с сампаном. Он уже докладывал об этом Ирлу, и капитан 1 ранга посчитал это доказательством того, что все это ерунда. Если бы в районе рыскала подводная лодка, разве стал бы «Уорд» эскортировать какой-то сампан в Гонолулу? Он так и не понял, что инцидент с лодкой произошел в шесть часов сорок пять минут и, что на «Уорде» совершенно определенно считали лодку уничтоженной.

Капитан 2 ранга Марфи подумал, что сооб-

щение о сампане нужно немедленно доложить адмиралу Киммелу и снова позвонил командующему в семь пятьдесят.

Командир стоявшего в полной готовности на выходе из канала эсминца «Монегхен», капитан 3 ранга Билл Бурфорд, с нетерпением посматривал на часы. Вскоре его корабль должен быть сменен другим эсминцем, и Бурфорд планировал съехать на берег. Он уже приказал подать командирский баркас к борту. Затем, в семь часов пятьдесят одну минуту совершенно неожиданно был получен приказ из штаба 14-го военно-морского округа: «Немедленно выйти в море и в оборонительном районе вступить в контакт с эсминцем «Уорд»». И это за девять минут до смены! В приказе ничего не говорилось о том, в чем, собственно, дело и к чему эсминец должен подготовиться. Но Бурфорд все-таки надеялся, что часа через два он освободится и съедет на берег, как и планировал.

Пока «Монегхен» выходил в море, на остальных кораблях в Перл-Харборе готовились к церемонии подъема флага. Церемония всегда была одинаковой. В семь часов пятьдесят пять минут на сигнальной мачте водонапорной башни башни морского арсенала поднимался синий «подготовительный» флаг. Все корабли репетировали сигнал. После репетиции на носу каждого корабля вставал матрос с гюйсом в руках, а на корме — другой с государственным флагом США. Затем, ровно в восемь часов, подготовительный флаг на мачте башни спускался, на носу корабля поднимался гюйс, а на корме — звездно-пол-

осатый национальный флаг. На маленьких кораблях, приветствуя флаг, заливались боцманские дудки, на кораблях побольше — играли горны, а на линкорах и крейсерах корабельные оркестры приветствовали флаг звуками национального гимна.

Когда стрелки часов подошли к без пяти восемь, на всех кораблях экипажи построились на церемонию подъема флага.

На мостике старой плавмастерской «Вестал» сигнальщик Адольф Злабис готовился поднять подготовительный флаг.

На корме стоящего у причала крейсера «Хелена» лейтенант Джоунс с флагом в руках промаршировал к кормовому флагштоку в сопровождении почетного эскорта из четырех морских пехотинцев.

На линейном корабле «Невада» вместе с экипажем стоял корабельный оркестр, готовый грянуть гимн. Беда заключалась в том, что вахтенный офицер — младший лейтенант Тоссидж, никогда до этого не распорядившийся церемонией подъема флага, не знал, какого размера американский флаг должен быть поднят на корме корабля. Он послал рассыльного узнать об этом у моряков «Аризоны», которая стояла впереди «Невады».

В этот момент кто-то из музыкантов заметил появившиеся на северо-западе маленькие черточки в небе.

Самолеты приближались с разных направлений.

Лейтенант Дональд Корн — вахтенный офи-

цер крейсера «Релей» — заметил их, приближающимися с юго-запада. Матрос Пресслер с «Аризоны» увидел их, появившимися с востока.

На эсминце «Хелм» рулевой — старшина Френк Хандлер заметил их, идущими на малой высоте с юга. Эсминец «Хелм» — единственный корабль в Перл-Харборе под парами — шел по входному каналу. Самолеты пролетели в каких-нибудь ста метрах от него, появившись над каналом со стороны входа в гавань. Одна из машин, видимо, случайно, покачала крыльями.

Старшина Хандлер в ответ приветливо помахал им рукой.

Он успел заметить, что, в отличие от большинства американских самолетов, эти машины имели неубирающиеся шасси.

Следя за появившимися самолетами, которые с ревом приближались, санитар Линч на линкоре «Калифорния» услышал, как какой-то старослужащий объяснял молодым матросам:

— К нам в гости, кажется, пожаловал русский авианосец. Эти самолеты с него. Видите, на них ясно различимы красные круги.

Сигнальщик Чарльз Флуд на крейсере «Хелена» наблюдал в бинокль за приближающимися самолетами. Они стремительно снижались, но каким-то необычным способом, тем не менее, почему-то знакомым Флуду.

И тут он вспомнил о событиях, когда был в Шанхае в 1932 году.

Японская армия и флот штурмовали и бомбардировали город. Сигнальщик невольно отметил их своеобразный тактический прием — вы-

ходить в атаку на пологом пикировании. Самолеты, которые направлялись к острову Форд, пикировали тем же самым способом.

С ревом и громом двадцать семь пикирующих бомбардировщиков капитана 3 ранга Такахаши ринулись на остров Форд и аэродром Хикэм.

Сорок торпедоносцев капитана 3 ранга Мурата снижались для захода в торпедную атаку на крупные корабли.

Капитан 2 ранга Футида повел горизонтальные бомбардировщики на большой круг, выжидая время и наблюдая за действиями своих пилотов.

Пикировщики и торпедоносцы ринулись в атаку одновременно, а не друг за другом, как предусматривал план. Но это уже не имело никакого-либо значения. В воздухе не было видно ни американских самолетов, ни разрывов зенитных снарядов. Враг, судя по всему, был полностью захвачен врасплох.

За несколько минут до этого, в семь часов сорок девять минут, Футида передал по радио сигнал к атаке:

«То... то... то... то...»

Теперь он был уверен в победе и в семь пятьдесят три — еще до того, как упали первые бомбы — радировал на авианосцы, что внезапная атака удалась:

«ТОРА... ТОРА... ТОРА...»

На мостике «Акаги» адмирал Кусака молча

посмотрел в глаза адмиралу Нагумо. Адмиралы не обмолвились ни словом, а только обменялись крепким рукопожатием.

Глава 7

«Я ДАЖЕ НЕ ЗНАЛ, ЧТО ОНИ НА НАС ЗА ЧТО-ТО ОБИЖЕНЫ»

Рев низко идущего самолета сорвал с места капитана 2 ранга Логана Рамсея. Вместе с дежурным по части он выскочил из помещения штаба, чтобы записать номер и наказать воздушного хулигана, будучи в полной уверенности, что это воскресная шутка кого-нибудь из молодых пилотов. Ударная волна чуть не сбила офицеров с ног, грохот оглушил. В яркой вспышке огня разваливался на куски огромный ангар летающих лодок.

— Он врехался в ангар! — в ужасе закричал дежурный.

— Он сбросил бомбу, — стараясь говорить спокойно, ответил Рамсей. — Это японец.

Вышедший из пикирования самолет пролетел над каналом между островом Форд и доком № 1010, всего в каких-нибудь двухстах метрах от контр-адмирала Уилльяма Фурлонга, когда тот стремительно вбежал на борт своего флагманского корабля — древнего минного заградителя «Оглала». Адмирал успел заметить красные круги, пламенеющие на крыльях и фюзеляже набирающего высоту самолета и также все понял. Приказав пробить боевую тревогу, он как старший на рейде, поднял сигнал: «Всем кораб-

лям в гавани, боевая тревога!»

Было семь часов пятьдесят пять минут утра 7 декабря 1941 года.

Эти первые минуты нападения остались незамеченными для лейтенанта Дональда Корна с крейсера «Релей», стоявшего на швартовах с северо-западной стороны острова Форд у причала, обычно занимаемого авианосцами. Он только что сдал вахту младшему лейтенанту Уильяму Гейму и отошел к противоположному борту, так что не мог видеть происходящего на острове Форд. Но зато ему открывался прекрасный вид на город почти до самого центра острова Оаху. И в семь часов пятьдесят шесть минут он заметил самолеты, идущие к гавани именно с этого направления.

Они шли на малой высоте прямо над верхушками деревьев. Отдалившись от группы, две машины направились к «Юте» со стороны кормы, а одна помчалась прямо на «Релей». Лейтенант Корн, думая, что это самолеты морской пехоты, летному составу которой суровое командование, не признающее никаких выходных, устроило воскресные учения, вызвал наверх расчеты зенитных пулеметов, чтобы тоже попрактиковаться. Матросы еще бежали на боевые посты, когда торпеда попала в борт крейсера прямо напротив второй трубы. В оглушающем грохоте взрыва корабль стал валиться на борт. В ослепляющей смеси дыма, грязи и огромного столба ила и воды, поднявшихся над кораблем, моряки успели заметить, как разлетелся в щепки баркас, сто-

явший у борта крейсера, как раз у того места, куда угодила торпеда. Баркас должен был отвезти группу матросов в церковь.

«Детройт» избежал попаданий, но «Юта» был подброшен вверх двумя чудовищными взрывами.

Глядя на эту картину с мостика эсминца «Монегхен», находившегося в нескольких сотнях метров у выхода из гавани, боцман Томас Донахью в первый миг подумал, что кто-то из армейских начальников определенно спятил: устроить учения с применением боевых бомб и торпед!

Пятый самолет этой группы, не сбросив торпеды, проскочил над островом Форд и кинулся на «Оглалу» и «Хелену», пришвартованных друг к другу у плавдока № 1010 — на месте, обычно занимаемом линкором «Пенсильвания», флагманским кораблем всего Тихоокеанского флота. Торпеда прошла под днищем «Оглалы» и врезалась прямо в мидель-шпангоут крейсера «Хелена» — часы в машинном отделении корабля остановились после взрыва и показывали семь часов пятьдесят семь минут. Силой взрыва, поразившего «Хелену», старенький «Оглала» был отброшен в сторону с извивающимися змеями оборванных швартовых концов. Сброшенный с койки матрос Дон Роденбергер, вскочив на ноги, решил, что на дряхлом минзаге взорвался его антикварный паровой котел. Увидев клубы дыма и огня, взметнувшиеся над плавдоком, лейтенант Лео Брукс — вахтенный офицер линкора «Вест-Вирджиния» — не понимая еще, что произошло, приказал сыграть пожарную тревогу, передав звонками и го-

лосом по кораблю:

«Пожарным и аварийно-спасательным дивизионам! Тревога!»

Но даже те, кто наблюдал за приближением самолетов, не могли вначале ничего понять. Кочегар с плавмастерской «Вестал», пришвартованной к линкору «Аризона», Френк Сток ехал с шестью своими товарищами на катере в церковь. Они уже подходили к причалу, когда увидели шесть или восемь торпедоносцев, идущих очень низко над водой — не более, чем в пятнадцать метрах — прямо на линейные корабли. Матросы были страшно удивлены. Они были еще более удивлены, когда хвостовой стрелок одного из самолетов полоснул по ним пулеметной очередью. Сток вспомнил какие-то истории, которые он читал об учениях «в реальных боевых условиях», якобы проводящихся где-то в южных штатах. Наверное, здесь происходит то же самое. А для большего реализма на самолетах даже наклеивали красные круги — опознавательные знаки вероятного противника. Подобные заблуждения быстро улетучились, когда один из моряков, находившихся на катере, получил пулю в живот от хвостового стрелка одного из пролетавших торпедоносцев.

На «Неваде», стоявшей на северном конце «линкорного ряда», дирижер корабельного оркестра Один Макмиллан ожидал со своими музыкантами подъема флага в восемь часов утра, чтобы поприветствовать его звуками Национального гимна. Двадцать три музыканта корабельного

оркестра находились на верхней палубе с семи часов пятидесяти пяти минут, когда был поднят подготовительный флаг. Стоя в строю, многие музыканты заметили самолеты, пикирующие на противоположной стороне острова Форд. Макмиллан увидел целые тучи земли и грязи, поднявшиеся вверх, но считал, что проходят какие-то очередные учения.

Уже было семь пятьдесят восемь — до начала церемонии оставалось две минуты — когда он увидел самолеты, идущие прямо на линкоры со стороны выхода из гавани. Тяжелые, глухие, напоминающие удары парового молоты взрывы, раздались над водой, сотрясая всю линию кораблей. Люди в строю стали встревоженно оглядываться. Но тут наступило ровно восемь часов. Оркестр грянул «Звездный гимн».

Японский самолет, сбросивший торпеду в «Аризону», выходя из атаки, пронесся над кормой «Невады». Хвостовой стрелок дал длинную очередь по морьякам, замершим по команде «смирно». К счастью, он плохо прицелился, не попав ни по одному из музыкантов, ни по морским пехотинцам, стоявшим лицом к оркестру. Крупнокалиберная очередь лязгнула о палубу и прошла уже поднятый флаг.

Макмиллан теперь начал понимать, что происходит, но продолжал дирижировать оркестром. Он всю жизнь руководил военными оркестрами и еще не было случая, чтобы он, начав исполнение Национального гимна, позволил себе прервать его, не доиграв. Он только на секунду сделал паузу, когда щепки палубного настила от

пулеметной очереди внезапно полетели ему прямо в лицо. Весь оркестр также сделал паузу и уставился на дирижера, как будто они репетировали подобную паузу в течение нескольких недель. Но никто не покинул строя, пока не прозвучала последняя нота гимна. Затем все с дикой поспешностью бросились в укрытие.

Вахтенный офицер «Невады» лейтенант Тоссидж нажал сирену боевой тревоги. Горнист корабля готов был уже проиграть боевую тревогу, но Тоссидж выхватил у него горн и выбросил его за борт. Хватит этих детских игр с дудками и свистульками! Схватив микрофон внутрикорабельной трансляции, он прокричал в него несколько раз:

— Внимание всему экипажу! Боевая тревога! Воздушный налет! Это не учения! Повторяю — это не учения!

На всех кораблях люди начали понимать, что происходит.

На транспорте «Кастор» старпом закричал:
— Нас бомбят японцы!

На подводной лодке «Тоутож» матросы якорной вахты крикнули вниз через торпедный люк:

— Ребята, война началась! Честно слово, не врем. Без шуток!

На крейсере «Феникс», к борту которого были пришвартованы эсминцы, громкоговоритель корабельной трансляции объявил: «Собирающимся на католическую мессу выйти на верхнюю палубу!» И тут же завывли сирены боевой тревоги, заглушая все другие звуки.

Пронзительные звонки и вой сирены пронеслись по линкору «Мэриленд», сопровождаемые командами по трансляции.

На «Оклахоме» сначала завывли сирены воздушной тревоги, а минутой позже зазвучали звонки боевой. Затем по корабельной трансляции передали несколько слов, которые один из моряков линкора запомнил так:

«Реальные самолеты противника, настоящие бомбы! Это не учения!»

Другие свидетели уверяют, что смысл был таким, но сами слова были не столь деликатными. И именно это убедило многих, что действительно началась война.

Но на большинстве кораблей находящиеся внизу люди все еще нуждались в дополнительных доказательствах. Даже после попадания торпеды в «Хелену» кочегар Джозеф Месси был уверен, что боевая тревога является результатом плохого настроения старпома, желающего испортить всем выходной день.

— Какого черта? Сегодня воскресенье! У них нет больше времени, чтобы устраивать учения? — отреагировали на сигналы боевой тревоги в кубрике машинистов линкора «Калифорния».

Почти точно так же отреагировали в кубрике сигнальщиков крейсера «Сан-Франциско».

На эскадренном миноносце «Фелпс» машинист Уильям Тейлор, услышав сигнал боевой тревоги, решил продемонстрировать всем свое недовольство. Он демонстративно долго одевался, затем вышел на верхнюю палубу и направился на корму попить воды. И только потом, не

спеша, пошел к люку, ведущему в котельное отделение, где находился его боевой пост. В этот момент к нему подскочил какой-то старшина комендоров, крича:

— Ты что ползешь, как сонная муха? Ты знаешь, что война началась?

«Заткнись, придурок, — зло подумал Тейлор, — нечего тут меня пугать. Для меня эти воскресные учения хуже любой войны».

Капитан 2 ранга Геральд Стоут — командир быстроходного минного заградителя «Бриз» — был еще более возмущен. Он строго-настрого приказал не устраивать никаких учений по воскресеньям, по меньшей мере до восьми утра. Услышав сигнал боевой тревоги, командир прервал завтрак и поспешил наверх, чтобы устроить головомойку вахтенным.

Капитан 1 ранга Гарольд Трейн — начальник штаба дивизии линкоров адмирала Пайя — услышав сигнал тревоги в своей каюте на «Калифорнии», был убежден, что кто-то дал этот сигнал по ошибке. Ни адмирал, ни он не планировали никаких учений на воскресное утро.

Ошибка действительно произошла на эсминце «Хинли». Его экипаж собирался на палубе по воскресеньям звуками химической тревоги в семь часов пятьдесят пять минут. В это утро кто-то по ошибке нажал кнопку боевой тревоги.

На крейсере «Гонолулу» морской пехотинец Рой Генри спорил на доллар, что это Армия решила «подловить» Флот внезапной атакой, используя учебные торпеды. Трубогибщики и медники на плавмастерской «Ригел» вообще никак не

отреагировали, когда какой-то матрос в одном белье прибежал к ним в цех, крича, что началась война. Они решили, что тот спятил. Когда один матрос на «Пенсильвании» крикнул старшине машинистов Уильяму Фелсингу, что японцы напали на базу, тот отшутился:

— Ты ошибся, сынок. Это, наверное, немцы.

Заблуждения длились гораздо меньше времени, чем время их описания. Страшная правда быстро стала понятна всем. Некоторые восприняли ее на грани истерики, некоторые — удивительно спокойно, другие — с простодушной наивностью.

Командир линейного корабля «Вест-Вирджиния» капитан 1 ранга Мервин Беннион спокойно заметил своему вестовому:

— Это в их традициях — совершать внезапные нападения.

Матрос с эсминца «Монегхен» сказал старшине Томасу Донахью:

— Вот черт! А я даже не знал, что они за что-то на нас обижены.

По палубам, коридорам и трапам, проваливаясь в люки и выскакивая из них, мчались офицеры и матросы на свои боевые посты, стараясь обогнать время. Но время было уже упущено.

Сигнал боевой тревоги еще не успел отзвучать, как «Оклахома» получила первую из пяти торпед, «Вест-Вирджиния» — первую из шести. Эти линкоры представляли превосходнейшую цель — прямо на курсе подхода торпедоносцев. Затем «Аризона» получила две, хотя и находилась немного к северу и была частично закрыта плав-

мастерскою «Вестал». И наконец две торпеды поразили «Калифорнию», хотя она представляла очень неудобную цель на самом южном конце «линкорного ряда». Только пришвартованные с внутренней стороны линкоры смогли избежать ливня торпед: «Мэриленд», пришвартованный к борту «Оклахомы» и «Теннесси», прикрытый корпусом «Вест-Вирджинии».

Взрывы торпед встряхивали корабли, сбивая с ног людей. На «Вест-Вирджинии» младший лейтенант Эд Джакоби выскочил из каюты со скоростью света, когда после первого взрыва железный шкафчик упал с переборки, едва не пробив ему голову.

Матрос Джемс Дженсен удержался на ногах после первых двух взрывов, третий сбил его с ног. Дженсен ударился головой о переборку и потерял сознание.

Рулевой Эд Весера пытался добраться из кормового кубрика до своего боевого поста на мостике, но на пути его ждали бесчисленные препятствия: торпеды, обстрел с воздуха, водонепроницаемые двери, задраиваемые перед самым его носом, толпы людей, бегущих в противоположном направлении. Ему удалось пристроиться за капитаном 1 ранга Беннионом и он шел за ним, поскольку перед командиром открывались все двери. Но вскоре какая-то новая толпа отделила его от командира и Весера вынужден был бежать в другом направлении. Он так и не добрался до мостика.

На «Хелене» машинист Пол Вайсенбергер пытался добраться до своего боевого поста в

носовом машинном отделении. На пути грудой обломков валялось содержимое матросского камбуза. Все двери были задраены. В итоге ему удалось добраться лишь до кормового машинного отделения.

Камбуз на «Оглале» был превращен в груды обломков взрывом той же торпеды. По осколкам битого стекла и китайского фарфора матрос Френк Форджоне босиком добрался до своего боевого поста в лазарете, ужасно порезав при этом ноги, но заметил это только через час.

Хуже всего дела обстояли на «Оклахоме». От попадания второй торпеды погас свет. Следующие три торпеды фактически разрушили весь левый борт корабля. Хлынувшие внутрь бурлящие потоки воды буквально вынесли матроса Джорджа Марфи из помещения корабельной типографии на третью палубе. Его группа отступила в центр корабля, задраив за собой водонепроницаемую дверь. Постепенно увеличивался крен, и вода, просачиваясь через сварные швы, стала заполнять также и этот отсек. Крен продолжал увеличиваться, а люди все еще стремились добраться до своих боевых постов. В тусклом свете аварийного освещения матросы и офицеры сновали туда-сюда по трапам, которыми еще можно было пользоваться. Все это напоминало какой-то темный и страшный ночной кошмар.

В суматохе многие корабли, в отличие от «Невады», так и не подняли флагов. Другие сделали это, но в очень необычной манере. На одной из подводных лодок, стоящей у нефтеналивной баржи, матрос, выскочив из рубки, пытался

добежать до флагштока с флагом в руках. По лодке хлестанула пулеметная очередь. Матрос юркнул обратно в рубочный люк. Он сделал еще одну попытку, но другой самолет заставил его снова искать убежище в рубке. На третий раз матросу удалось поднять флаг, но через секунду пришлось снова нырять в укрытие. Люди на барже хлопали в ладоши и смеялись.

В штабе флота капитан 2 ранга Винсент Марфи еще звонил адмиралу Киммелу о задержании «Уордом» сампана, когда в помещение ворвался главстаршина-сигнальщик, выпалив:

— С сигнальной башни передали, что японцы бомбят наши корабли и что это не учения!

Марфи передал это сообщение своему боссу, а затем приказал офицеру связи немедленно сообщить об этом по радио главнокомандующему флотом в Вашингтон, командующему Атлантическим флотом, командующему Азиатским флотом и всем кораблям, находящимся в море.

Слова, навсегда вошедшие в историю, полетели в эфир:

«ВОЗДУШНЫЙ НАЛЕТ НА ПЕРЛ-ХАРБОР, ЭТО НЕ УЧЕНИЯ. ПОВТОРЯЮ: ЭТО НЕ УЧЕНИЯ».

Было восемь часов утра. Позднее выяснилось, что адмирал Беллинджер радировал похожее сообщение в семь пятьдесят восемь. Итак, Вашингтон знал об этом.

В жилых домах флотских офицеров никто не мог понять, что нарушило покой воскресного утра. Капитан 1 ранга Райнольдс Хайден наслаждался завтраком. Он слышал взрывы, но полагал,

что это дорожные строители, прокладывающие новое шоссе, ведут подрывные работы. В комнату вбежал его маленький сын Билли, крича: «Японские самолеты!»

Лейтенант Баудро, вытирающийся после душа, подумал, что взорвалась цистерна с нефтью, стоявшая вблизи его дома. Он понял все, когда один из японских самолетов чуть не врезался в окно его ванной комнаты.

Главстаршина Альберт Молтер чем-то занимался в своей квартире, полагая, что идут учения. Стоявшая на балконе жена крикнула ему: «Ал, иди быстрее сюда. Линкор перевернулся!»

Одиннадцатилетний Дон Мортон, бегущий на причал к брату с новой порцией рыбной наживки, был оглушен близким взрывом. Новый взрыв заставил его побежать обратно домой. Мальчик в ужасе спросил у матери, что случилось? Та, почти в истерике, крикнула ему, чтобы он шел к причалу и нашел своего брата Джерри. Когда Дон снова побежал к причалу, самолеты, летя прямо на уровне крыш, обстреливали из пулеметов дорогу. Пули поднимали фонтанчики песка и грязи. Дон испугался идти дальше. Побежав обратно домой, он увидел, как их сосед, флотский лейтенант, стоя в пижаме на газоне, плакал, как ребенок.

Адмирал Киммел выскочил на террасу перед своим домом на горе Макалапа сразу же после телефонного сообщения капитана 2 ранга Марфи о начале атаки. Адмирал стоял там минуту или две, наблюдая, как японские самолеты заходят в торпедную атаку. Рядом с ним стояла жена

капитана 1 ранга Ирла — начальника штаба ОВРа. (На Макалапе жили многие старшие офицеры флота). Показав рукой на гавань внизу, женщина крикнула адмиралу:

— Смотрите, они приканчивают «Оклахому»!

— Я вижу, что они делают, — ответил адмирал.

На контрольной башне аэродрома Хикэм полковник Уильям Фартинг все еще ожидал прибытия с материка бомбардировщиков Б-17, когда увидел длинную, тонкую линию самолетов, приближающихся с северо-запада. Они напоминали бомбардировщики морской пехоты с аэродрома Эва. Когда самолеты начали пикировать, Фартинг заметил полковнику Бертголфу:

— Смотрите, какие реальные учения. Морские пехотинцы демонстрируют флоту, что война может начаться и в воскресное утро!

Сержант Роберт Хеллидай наблюдал то же самое шоу с плаца неподалеку. Он увидел большой столб воды, поднявшийся над островом Форд и решил, что моряки что-то экспериментируют с глубинными бомбами. Затем на острове, подняв столб огня и черного дыма, взорвалась цистерна с бензином. Сержант подумал, что кому-то здорово нагорит за подобные инциденты на учениях. В этот момент самолеты внезапно появились и над ними. Красное восходящее солнце алело на их плоскостях и фюзеляжах. Кто-то еще успел заметить: «Глядите, это, наверное, самолеты из тех, кому пришлось быть «красными» на маневрах».

Уже в следующий момент люди с ужасом

разбегались в укрытия. Самолет сбросил бомбу, направив ее в огромный ангар службы ТЭЧ авиабазы. Затем появились какие-то самолеты с юга и на Хикэме начался ад. Пушечно-пулеметные очереди били по бегущим людям и по ровным рядам запаркованных машин, по ангарам пикирующих бомбардировщиков и административным зданиям.

Пробегая мимо огромной солдатской столовой в центре авиабазы, рядовой Френк Ром крикнул в окно сидящим за завтраком, чтобы те срочно покинули здание. Но было уже поздно. Подносы, тарелки, стаканы, пища разлетелись во всех направлениях, когда авиабомба, пробив крышу, взорвалась в зале. Тридцать пять человек погибли на месте. Раненые, дико крича, пытались выбраться из-под обломков. Одному человеку пробило голову банкой майонеза.

В казармах, где большинство солдат еще спали, первые взрывы в Перл-Харборе разбудили капрала Джона Шервуда. Ругая последними словами флот, сержант встал с койки и, потянувшись, подошел к окну, увидев, как взлетел в воздух ангар ТЭЧ, находившийся в другом конце аэродрома. Прямо в трусах Шервуд бросился прочь из казармы, крича:

— Воздушный налет! Настоящий воздушный налет!

В огне и под обстрелом люди пытались добраться до своих мест по боевой тревоге, которую еще никто не объявлял. Далекое не всем удалось это сделать. Приходилось нырять в рвы, канавы, одному — даже в выгребную яму убор-

ной, чтобы спастись от осколков и пуль. Ярким пламенем горели боевые машины, выстроенные вдоль взлетной полосы, клубы черного дыма поднимались над цистернами с горючим, валяли из окон казарм и административных зданий.

Пылали постройки аэродромных служб. Рядовой I класса Джозеф Неллис — помощник католического капеллана — бросился в аэродромный котел, чтобы спасти Священные Дары на алтаре. Прямое попадание бомбы уничтожило церковь прежде, чем он сумел туда добраться.

Пока корабли в гавани и аэродром Хикэм содрогались в дыму и пламени от взрывов, на базе армейской истребительной авиации Уиллер, расположенной в самом центре острова, все было спокойно.

Старший сержант Френсис Клоссен, оправляя выходную форму, прихорашивался перед зеркалом, собираясь на свидание. Выглянув затем в окно третьего этажа казармы, где он находился, сержант заметил линию из шестидесяти самолетов, идущих на запад над перевалом Коле-Коле. Они развернулись влево и исчезли на фоне гор. Сделав круг, самолеты появились снова, соединились с другими, подошедшими с северо-запада, и со снижением направились прямо к аэродрому Уиллер.

В восемь часов две минуты рядовой Артур Фуско, охранявший с винтовкой на плече стоянку истребителей П-40, на секунду замер от удивления, услышав рев идущих на него пикировщиков. Увидев красные круги на крыльях, он понял все и кинулся в ангар за пулеметом, но не

мог попасть в помещение, где хранились патроны. Он пытался сломать замок, но не смог.

Рядовой Керрол Эндрю упал ничком в простенок у окна казармы, когда пулеметная очередь, со звоном выбив стекла, прошла солдатские рундуки. Рядовой Леонард Эган, выскочив голым из палатки, с обмундированием под мышкой, успел нырнуть в какую-то щель, прежде чем палатку прошило очередью.

В военном городке целые семьи высыпали из домов в пижамах или закутанные в ванные полотенца, с удивлением глядя в небо. В офицерском клубе лейтенанты Уэлч и Тейлор на полуслове прекратили спор: идти купаться или нет. Уэлч схватил телефонную трубку и вызвал аэродром Халейва, где стояли их истребители П-40.

«Да, — ответили оттуда, — с самолетами все в порядке — они заправлены и вооружены».

Уэлч бросил трубку и оба лейтенанта, прыгнув в машину Тейлора, помчались к Халейву, подгоняемые пулеметными очередями погнавшегося за ними истребителя «Зеро».

В Шофилдских казармах рев пикирующего бомбардировщика заставил броситься к окну командира 25-й пехотной дивизии генерал-майора Максвелла Муррея. Генерал хотел записать номер и доложить о воздушном хулигане. Самолет пронесся в какой-нибудь полусотне метров от него, но генерал не успел заметить номер. Взглянув на часы, генерал выскочил из помещения, чтобы засечь время посадки самолета и по нему найти и наказать летчика. К величайшему удив-

лению командира дивизии, самолет не пошел на посадку, а сбросил бомбу. Еще не понимая до конца, в чем дело, генерал приказал поднимать дивизию в ружье.

В Информационном Центре на форту Шафтер лейтенант Тайлер услышал первые взрывы еще до окончания своего дежурства в восемь утра. Он вышел из помещения и стал наблюдать то, что, по его мнению, было «учением флота в Перл-Харборе». Затем лейтенант услышал где-то ближе залпы зенитного огня.

Хотя его дежурство уже окончилось, Тайлер вернулся в Центр, где уже звенел телефон. Дежурный сержант по аэродрому сообщил ему: «Воздушный налет на Уиллер». Теперь Тейлор знал, что ему делать. Он немедленно отозвал с завтрака операторов радиолокационной сети.

В своей квартире неподалеку командующий Гавайским военным округом генерал-лейтенант Шорт с интересом прислушивался ко всему этому бедламу. Он тоже подумал, что флот решил в воскресенье повесить свою боевую подготовку. Взрывы стали раздаваться чаще и сильнее, и генерал вышел на балкон, чтобы посмотреть, что там происходит. В западном направлении к небу поднимались клубы черного дыма, но что там творится, было непонятно. Затем, в восемь часов три минуты, позвонил его начальник штаба полковник Филипс с ошеломляющей новостью: с аэродромов Хикэм и Уиллер только что доложили, что их бомбят. По-настоящему бомбят.

В двенадцати милях от форта на базе Канэохе капитан 3 ранга медслужбы Маккримсон ус-

лышал гул авиационных моторов. Кто-то ему заметил, что это, видимо, какие-то армейские учения. Маккримсон вышел на воздух, чтобы взглянуть, чьи это машины. Три самолеты неслись сомкнутым строем чуть выше верхушек деревьев, ведя огонь из пушек и пулеметов. Они сделали три захода, обстреливая ангары. Вскоре из зданий повалил дым. В соответствии с инструкциями, Маккримсон немедленно послал на пожар санитаров.

Появился еще один самолет, на крыльях которого пламенели красные круги. На этот раз Маккримсон сказал одному из старшин: «Позвони в Перл-Харбор и попроси помощи». Из Перл-Харбора почему-то совершенно спокойно ответили, что именно сегодня они ничем помочь не смогут. Затем Маккримсон позвонил жене, предупредив, чтобы та не ждала его с дежурства, потому что «на нас напали». Жена засмеялась: «Прости их и приходи домой».

В офицерской столовой, находящейся недалеко от ангаров, старший вестовой Уолтер Симмонс уже закончил убирать со столов, когда начался обстрел. Думая, что это какое-нибудь воскресное шоу, вестовой, не спеша, вышел из столовой взглянуть на него. Увидев горящий ангар, он ринулся назад, крича офицерам, пришедшим на завтрак, о случившемся. Офицеры выскочили из столовой и кинулись будить своих еще спящих товарищей. Это была непростая работа — растолкать не одну сотню летчиков, которые завалились спать только под утро в субботу.

Младший лейтенант Джордж Шхут ворвал-

ся в комнату лейтенанта Губерта Риса, крича: «Какой-то сумасшедший идиот из армейских пилотов обстрелял наши ангары!» В доказательство он протянул еще теплую пулю. Рис выглянул в окно и увидел красные круги на крыльях самолетов. Он вскочил и принялся будить остальных. Первым он пытался растормошить лейтенанта Беллинджера, крича ему в ухо:

— Вставай! Война!

— Ты что, пьяный, — отбивался Беллинджер, — дай поспать. Оставь меня в покое!

Его подняли и заставили взглянуть в окно. Они понеслись по длинному коридору общежития холостых офицеров, крича и стука в двери.

Лейтенант Чарльз Уиллис завел свой автомобиль, пятеро летчиков набились в него, думая добраться до ангаров. Пулеметная очередь прошила крышу машины, каким-то чудом никого не задев. Летчики выскочили из нее, затем, когда Уиллис выяснил, что автомобиль еще способен двигаться, снова сели. Когда они достигли базы и выскочили из машины, по ней полоснула еще одна очередь. На этот раз более удачно, взорвав бензобак. Машина вспыхнула, как свеча. Но летчики даже не заметили этого. Потому что вид тридцати трех, пылающих «Каталин» — практически всех, за исключением трех, находящихся в патруле — был гораздо более ярким и незабываемым зрелищем.

На авиабазе морской пехоты Эва происходило почти то же самое. Дежурный по части капитан Леонард Эшвелл сразу почувствовал что-то не то, когда увидел две группы торпедоносцев,

летающих вдоль побережья в направлении стоянки флота. В отличие от большинства других на Гавайях, капитан сразу же их опознал. Он бросился в штаб, чтобы объявить боевую тревогу, но в этот момент двадцать один истребитель «Зеро», появившись со стороны гор, с бреющего полета начали штурмовку аэродрома. Некоторые занялись самолетами, стоявшими ровными рядами вдоль полосы, другие — обрушились на ангары, третьи — крушили рулежки.

Один из истребителей поймал самого подполковника Клайда Ларкина — командира авиабазы, который ехал на службу на своей развалюхе выпуска 1930 года. Ларкин, не выключая мотора, катапультировался из машины прямо а придорожную канаву. Когда самолет пронесся над ним, подполковник забрался обратно и прибыл на базу в восемь часов пять минут. К этому времени тридцать три из сорока девяти вверенных ему самолетов были уже превращены в пылающие обломки. Жена подполковника наслаждалась солнечным утром в отеле «Халекулани», где они временно сняли номер до найма дома или квартиры.

Среди других гостей отеля находился капитан 1 ранга Банкли с «Калифорнии», который в плавках отправился на пляж, чтобы окунуться перед завтраком.

В другом номере корреспондент газеты «Крисчен Сайнс Монитор» Джозеф Харш был разбужен грохотом отдаленных взрывов. Они немедленно напомнили ему воздушные налеты на Берлин, где он был предыдущей зимой. Он раз-

будил свою жену и сказал:

— Дорогая, ты часто спрашивала меня, как звучат взрывы бомб при воздушных налетах. Послушай, это очень хорошая имитация.

— О-о, — протянула жена, — хорошо звучит. Мне нравится. — И супруги заснули снова.

Большинство жителей Гонолулу проявили мало интереса к громыхающим вдали взрывам. Писатель Бейл Кларк услышал их через окно своего дома и решил, что это артиллерийские стрельбы флота. Если его что-то и беспокоило в то утро, так это отсутствие утренней газеты.

А Томми Томмерлин — летчик местной авиалинии, обслуживающей Гавайские острова, подрабатывал, давая летные уроки Джиму Дункану на желтой учебной «Аэронке», принадлежащей местному аэроклубу.

Сегодня Дункан должен был показать, чему он научился, пролетев самостоятельно вокруг острова. Они пролетали над мормонским храмом на мысе Кахуку, когда самолет тряхнуло и они услышали треск пулеметной очереди. Сначала Дункан подумал, что какой-нибудь придурок из армейских пилотов хочет его напугать холостыми очередями, но, увидев трассирующую очередь, направленную на него, понял, что заблуждался.

Пули забарабанили по фюзеляжу.

Ведя огонь, два самолета шли снизу прямо на него. Развернувшись, они стали делать второй заход, и Дункан впервые в жизни увидел оранжево-красные круги у них на крыльях. Он немедленно спикировал в сторону береговой черты, надеясь укрыться за холмами, чьи отвесные скло-

ны выходили к самой воде. Это было хорошее решение — японские самолеты не решились следовать за ним. Сделав пару кругов, они присоединились к армаде, направляющейся в Перл-Харбор. Простреленная «Аэронка», проковыляв вдоль побережья, кое-как плюхнулась на частный аэродром Джона Роджерса.

Еще один пилот-любитель — адвокат Рой Витасек — попал в похожую переделку над аэродромом Роджерса. Он тоже совершал утреннюю прогулку на «Аэронке» вместе со своим сыном Мартином. Они уже заходили на посадку, когда увидели дым и огонь первого взрыва, поднявшегося над островом Форд. Неподалеку кружились какие-то самолеты, Витасек не связал их присутствие с увиденным взрывом.

Новые взрывы начали подниматься над гаванью. Затем взорвался ангар на аэродроме Хикэм. И если у Витасека были еще сомнения, то они рассеялись, когда он увидел несколько самолетов с красными кругами на плоскостях, пролетевших под ним. Два из них появились у него за хвостом, и Витасек отвернул в сторону моря, надеясь, что истребители не будут гнаться за столь ничтожной целью. И оказался прав. Японцы дали ему в след не очень прицельную очередь и спикировали на аэропорт Роджерса. Когда он наконец совершил посадку, в аэропорту все бурлило от возмущения: «Видели ли вы подобных психопатов?! Они что, все перепились, если вылетают на учения с боевыми патронами?!»

До последнего момента аэропорт Роджерса пытался работать по своему графику.

В восемь часов диспетчер объявил посадку на самолет, следующий на остров Мауи, и пассажиры, как обычно, вышли на летное поле к ожидавшей машине. Среди них был доктор Гомер Идзуми из Санитарного центра на Мауи, который прилетел в Гонолулу по делу. Провожаящие его супруги Джонсон видели, как он взбирался по трапу, неся коробку со своим любимым домашним печеньем. Он уже помахал рукой через иллюминатор самолета, когда всем пассажирам было приказано покинуть машину. Доктор Идзуми выпрыгнул из самолета и снова подошел к Джонсонам. В этот момент японские истребители, пройдя низко над взлетной полосой, вспахали ее пулеметными очередями. Пилот готового взлететь пассажирского самолета Боб Тайс был убит. Джонсоны стали убеждать Идзуми вернуться к ним домой. Тот не соглашался, считая, что самолет вскоре вылетит. Но он ошибся. Вскоре аэродром был превращен в груды горящих обломков. Упав под пальму, оглушенный взрывами и свистом осколков, доктор Идзуми неожиданно подумал: успел ли он на прощание поцеловать своего сына Аллена, когда улетал с Мауи.

Глава 8

«Я НЕ МОГУ ДОСТАТЬ ДО НИХ ГАЙКАМИ!»

С верхнего яруса надстройки линейного корабля «Мэриленд» матрос Лесли Вернон бил длинными пулеметными очередями по летящим со всех направлений самолетам. Он забрался

сюда еще до начала атаки, надеясь в тиши самого верхнего боевого поста надписать целую пачку рождественских открыток. Теперь он понял, что сегодня это вряд ли удастся сделать. Увидев самолеты, пикирующие на остров Форд, Вернон все понял и бросился к пулемету. Прицельным огнем ему удалось сбить с боевого курса первые торпедоносцы, появившиеся со стороны входного канала.

С мостика эскадренного миноносца «Бегли», едва увидев пролетающие над гаванью самолеты, без команды открыл пулеметный огонь матрос Джордж Сэллет. Очередь из пулемета Джорджа прошла хвостовое оперение летевшего низко над водой торпедоносца. Хвостовой стрелок с простреленной головой ничком упал на свои пулеметы. Сэллету казалось, он все это видит в кино.

Немедленно открыли огонь крейсера «Хелена» и «Релей», подводная лодка «Таутог», некоторые эсминцы. С надстройки «Невады» один матрос, считавшийся безнадежным разгильдяем, огнем из пистолет-пулемета 30-го калибра отстрелил крыло одному истребителю, обеспечив линкору очень важную передышку.

Все новые и новые орудия и пулеметы включались в заградительный огонь. Но поначалу их было до боли мало.

Объявленная на флоте «Готовность — 3» предусматривала для каждого сектора обороны одну зенитную батарею и дежурство расчетов примерно у половины зенитных орудий на кораблях. Однако, даже и этот приказ практически выполнен не был. Все подавил дух воскресного дня.

Кроме того, некому было руководить боевыми действиями.

Пять командиров линкоров из восьми находились на берегу. На крейсерах и эсминцах отсутствовали более пятидесяти процентов офицеров. Те, что находились на кораблях, либо сидели в укрытиях, спасаясь от обстрела, либо были блокированы задраенными водонепроницаемыми дверями, кого-то парализовала внезапность всего случившегося.

Матрос Роберт Бентон — наводчик пятидюймового орудия на линкоре «Вест-Вирджиния» — беспомощно стоял на своем боевом посту. Остальных комендоров расчета не было и в помине. На многих кораблях не могли открыть погреба с боезапасом. Были и просто анекдотичные случаи. На острове Форд интендантский офицер твердо заявил, что не выдаст матросам автоматов и патронов без письменного приказа командира части. На эсминце «Хелм» старшина комендоров попросил у командира корабля разрешения взять ключи от боевых погребов. На просьбу капитан 2 ранга Керрол ответил: «К черту ключи! Ломайте замок!» Он сам не знал, где находятся ключи. На крейсере «Новый Орлеан» двери погребов взламывали ломami. На «Пенсильвании» сбивали замки кувалдами.

На эсминце «Монегхен» старшина Томас Донахью, отстояв последнюю вахту, собирался покинуть корабль. Он уже был списан с эсминца в связи с переводом на материк. Услышав первые взрывы, он тем не менее помчался к орудию № 4, командиром которого являлся. Пока взла-

мывали двери погребов, Донахью, набрав гаек из орудийного ЗИПа, швырял их в низко идущие самолеты. Наконец из погребов прибежал матрос и спросил, что ему подать из погребов.

— Пороха дайте! — заорал Донахью, — мне не достать их гайками!

Его поняли буквально и принесли холостой заряд, где был только порох, но не было снаряда. Пришлось первый выстрел по противнику сделать холостым зарядом. Это было все-таки лучше, чем кидаться гайками.

На корме крейсера «Гонолулу» кто-то заметил, что со ствола орудия забыли снять медную дульную пробку. Но было уже поздно. Орудие выстрелило, выбив пробку, и повело огонь по противнику.

Все больше и больше орудий кораблей и береговых средств обороны включались в бой. Но десять бесценных минут были потеряны и это потеря стала смертным приговором «линкорному ряду».

Еще один самолет устремился на «Неваду», с надстройки которого уже били несколько пулеметов. Не выдержав огня, торпедоносец отвернул в сторону, неожиданно вспыхнул и рухнул в воду за кормой линкора. Все находящиеся на верхней палубе взвыли от восторга. Пилот каким-то чудом остался цел и плавал около корабля. Его видели, но не поняли — живой он или мертвый. Он плыл на спине лицом вверх. Было не до него. Серебристый след торпеды приближался к кораблю. Рядовой морской пехоты Пайтон Макданиэль не мог оторвать от него взгляда —

торпеда шла в носовую часть корабля с левого борта.

Макданиэль вспомнил картины, изображающие торпедированные корабли, и представил себе, как сейчас «Невада» в огне и дыму переломится пополам. Но ничего вообще не случилось. Могучий линкор только слегка вздрогнул. Затем бомба угодила в зенитно-дальномерный пост правого борта.

Лейтенант Джо Тоссидж, стоявший в момент попадания в дверях поста, неожиданно обнаружил себя лежащим с ногой, подвернутой под левую руку. Он смотрел на нее с каким-то отсутствующим видом, подумав: «Как нога сюда попала?» Пятью палубами ниже на командно-информационном пункте лейтенант Чарльз Мердингер чувствовал себя как на учениях, где ему приходилось присутствовать сотни раз. Он стал думать иначе, получив сообщение о тяжелом ранении Джо Тоссиджа, с которым они жили в одной каюте.

На стоявшей впереди «Аризоне» события развивались более стремительно, почти не оставив времени для каких-то размышлений. Линкор был частично прикрыт пришвартованной к нему плавмастерской «Вестал», но маленькое судно не могло обеспечить достаточной защиты огромной «Аризоне». Почти сразу же в корабль попала торпеда, а затем обрушился ливень бомб с появившихся над гаванью горизонтальных бомбардировщиков Футиды. Одна бомба пробила шлюпочную палубу между орудиями № 4 и 6, пролетев почти рядом с матросом Расселом Лоттом,

находившимся на зенитно-дальномерном посту. Ему казалось, что стоит лишь протянуть руку — и он мог бы до нее дотронуться. Другая попала в башню № 4 и взорвалась, не пробив ее. От сотрясения был сброшен с трапа старшина Джеймс Форбис, находившийся двумя палубами ниже.

Трансляция пролаяла: «Пожар на шканцах». Радист Гленн Лейн с тремя матросами, подготовив шланги, пытались бороться с огнем. В пожарной системе не оказалось давления. Они пытались дозвониться, чтобы в систему подали давления. Телефон не работал. Корабль трясло от взрывов где-то в носовой части, постоянно сбивая моряков в ног.

Стоявшей у борта плавмастерской доставалось все, что не попадало в «Аризону». Одна бомба прошла через открытый люк трюма, пробила днище корабля и взорвалась в воде. Трюм № 3 начал заполняться водой и судно осело кормой. Сидящий в помещении для арестованных матрос вопил, чтобы его выпустили. Ключа ни у кого не было, и в конце концов замок разбили выстрелом из пистолета.

Впереди них на линкоре «Теннесси», защищенном корпусом «Вест-Вирджинии», пока еще ничего страшного не произошло. Но «Вест-Вирджинии» досталось за двоих. Японский торпедоносец, казалось, несся прямо на каземат, где наводчик Роберт Бентон тщетно ждал остальных комендоров своего орудия. Он смотрел на приближающийся самолет, как загипнотизированный. Он понимал, что нужно бежать из казема-

та, но не мог даже шелохнуться. Торпеда попала в линкор прямо под ним, сбив комендора с ног. Его наушники, сорванные с головы, полетели куда-то в противоположном направлении.

Бентон вскочил на ноги и, пробѣжав по палубе, спрятался под броневой шельф-выступ, образованный 15-дюймовыми броневыми плитами линкора. Взглянув вверх, он увидел бомбардировщики и падающие бомбы, которые в ярких лучах солнца какую-то долю секунды выглядели подобно снежинкам.

Люди внизу не видели падающих бомб, но им от этого было не легче. Баталер Дональд Браун пытался дозвониться до боевых погребов, но линия не работала. Погас свет. Корабль трясло от взрывов торпед. Все более заметным становился крен. В темноте началась паника. Люди завопили на разные голоса. Кто-то пронзительно крикнул: «Оставить корабль! Спасайся!» Давя друг друга, матросы кинулись к трапу, ведущему на следующую палубу.

Не потерявший головы Браун, понимая, что у него нет никаких шансов пробиться через эту вопящую толпу, прошел в соседний отсек, где обнаружил совершенно пустой трап, ведущий наверх. Ему удалось подняться на вторую палубу, но выше пути не было. Делать было нечего. Он и еще какой-то матрос нашли стол, заваленный грязной посудой. Сбросив посуду со стола, они уселись на него, ожидая конца.

Внизу — в боевом информационном центре — нервном центре всей артиллерии корабля, расположенном ниже ватерлинии — обстановка

выглядела еще более безнадежной. Торпеды ударили в корабль где-то выше, и через потолочный люк лейтенант Виктор Делано мог видеть, что третью палубу заливают водой. Удушливый желтый дым повалил через люк в помещение центра. Заметно рос крен. Планшеты, столы, банки — все покатилося к переборке левого борта.

В соседнем помещении центра внутрикорабельной связи искрилась проводка, электроприборы зашкаливало. Люди были бледны, но спокойны. Вскоре смешанная с мазутом вода начала хлестать через вентиляционную систему. Еще гуще повалил желтый дым. Находиться в помещении стало невозможно, и лейтенант Делано решил вывести своих людей в центральный пост, где находился главный узел борьбы за живучесть корабля. Задраивая за собой водонепроницаемую дверь, лейтенант громко объявил об уходе, чтобы убедиться, что никто не остался в помещении.

Неожиданно неизвестно откуда, в покидаемом помещении появились шестеро измазанных мазутом электриков, сумевших проскочить в люк с третьей палубы. Они проскочили в дверь мимо лейтенанта, но их старшина Чарльз Давелл крикнул, чтобы подождали и его. Он не мог добраться до выхода, с трудом балансируя на скользкой от мазута наклонившейся палубе. Лейтенант Делано перешагнул через комингс обратно в помещение центра и протянул Давеллу руку. Но, не удержавшись на скользком от мазута линолеуме, Делано упал, сбив с ног и Давелла. Оба покатились к переборке левого борта на груду уже валявшихся там столов и стульев. Долгое время они

не могли встать на ноги. Все уже было покрыто слоем мазута и масла. Даже ползком невозможно было продвинуться по накренившейся палубе. Они соскальзывали обратно. Наконец они встали на ноги, ухватившись за рукоятки рубильников распределительного щита замыкателей орудий главного калибра. Целый ряд этих замыкателей шел вдоль переборок помещения. Цепляясь за них и помогая друг другу, моряки наконец вылезли из помещения и добрались до центрального поста.

Там обстановка была несколько не лучше. Тусклый свет то гас совсем, то зажигался снова. Включалось невпопад аварийное освещение. У комингса водонепроницаемой двери на заваливающейся стороне левого борта прибывала вода. Неожиданно она начала хлестать, как из шланга, из вентиляционной трубы. Делано слышал мольбы и крики людей, попавших в ловушку за задраенной дверью и с ужасом подумал о возможном решении капитана 3 ранга Харпера — командира дивизиона борьбы за живучесть: погубить оставшихся в соседнем помещении людей или отдраить дверь, рискнув всем кораблем и теми, кто добрался до центрального поста. Дверь осталась задраенной.

Лейтенант Делано попросил у Харпера разрешить ему выпустить людей наверх, где они могут быть более полезны. Капитан 3 ранга ничего не ответил. Он отчаянно пытался связаться с группами борьбы за живучесть в разных местах корабля, чтобы руководить контрзатоплением отсеков и попытаться спасти линкор.

Но ни один из телефонов не работал.

Но, к счастью, контрзатопление проводилось и без приказа.

Капитан-лейтенант Клайд Рикеттс, служивший когда-то в дивизионе борьбы за живучесть и любивший обсуждать с молодыми офицерами, что надо делать в подобных ситуациях, теперь получил возможность продемонстрировать свои знания на практике. С помощью трюмного старшины Биллингслея Рикеттс, подсвечивая аккумуляторным фонарем, крутил штурвалы различных клинкетов и кингстонов, и «Вест-Вирджиния», медленно выпрямляясь, грузно опустилась в илистое дно гавани на ровном киле.

На «Оклахоме», стоящей впереди «Вест-Вирджинии» борт о борт с «Мэрилендом», времени на контрзатопление отсеков не хватило. Стоя прямо напротив входного канала, то есть прямо по курсу торпедоносцев, «Оклахома» в первые же секунды атаки получила три торпеды, затем еще две и повалилась на левый борт.

Как это ни странно звучит, но многие из экипажа «Оклахомы» вообще не знали, что в корабль попали торпеды. Матрос Джордж Марфи успел услышать, как через громкоговорители объявили о «воздушном налете» и предпологал, что раздавшиеся взрывы произведены авиабомбами.

По боевому расписанию он не входил ни в какие дивизионы ПВО. Его место было на третьей палубе под защитой могучих броневых плит.

Не имел понятия ни о каких торпедах и мат-

рос Стефан Янг. Сигнал воздушной тревоги застал его в кубрике, где Янг гладил брюки, готовясь в увольнение на берег. Ругая начальство, которое, проспав всю неделю, не нашло ничего лучшего, как устроить учения именно в воскресенье, Янг побежал на свой боевой пост в погребе боезапаса главного калибра башни № 4.

Едва он успел спуститься в погреба, как откуда-то хлынула вода, погас свет и корабль резко накренился на левый борт, продолжая валиться и дальше. Мигнули и погасли лампы аварийного освещения. Все незакрепленные предметы с грохотом покатались по палубе. Огромные полутонные снаряды орудий главного калибра стали выпадать из ячеек и с грохотом кататься по палубе, убивая и калеча людей, с криками мечущихся в полной темноте.

Бухта стального 10-дюймового буксировочного троса, скатившаяся со второй палубы, блокировала ведущий наверх трап. Через открытую дверь аптечного помещения матрос Марфи видел, как сотни бутылок и пузырьков с лекарствами каскадом сыпались на бегущих через помещение моряков. Люди скользили и падали на разбитое стекло, поднимались и бежали дальше.

По нескольким уцелевшим трапам матросы пытались пробиться на верхнюю палубу. Всего в нескольких шагах от верхней палубы люк, ведущий в радиорубку, оказался, как обычно, закрытым. Наверху слышались взрывы, палуба уходила из-под ног. Люди скатывались обратно вниз по заблокированным трапам прямо на головы напирющим снизу. Оглушали крики и вой. Вско-

ре уже невозможно было двигаться ни в каком направлении. Матрос Марфи решил и не пытаться. Он остановился, пытаясь успокоиться и подумать, что делать дальше. Одной ногой он опирался на палубу, второй — на бортовую переборку. Только так еще можно было устоять на ногах.

Главстаршине Гарри повезло больше. Он и его группа из механической мастерской корабля, когда крен «Оклахомы» был уже не меньше 60 градусов, выбрались на верхнюю палубу по вентиляционной шахте. Какой-то офицер попытался загнать их обратно, убеждая, что здесь гораздо опаснее из-за разрывов авиабомб. Корабль не перевернется, заверил он.

В нескольких сотнях метров впереди «Оклахомы» — на линкоре «Калифорния», одиноко стоявшем на бочке в самом южном конце «линкорного ряда» — события развивались не менее стремительно. Первая торпеда поразила корабль в восемь часов пять минут. Старшина сигнальщиков Даррел Коннер с флагманского мостика линкора ясно видел, как она ударила в борт прямо под носовой надстройкой.

Вторая торпеда взорвалась под кормой. Их вполне могло быть и больше — «Калифорния» стояла совершенно открыто и была, если так можно выразиться, распахнута настежь. Готовясь к намеченной на понедельник инспекции, на корабле открыли шесть горловин, ведущих к второму дну линкора и отдраивали еще дюжину других. Вода, хлынувшая через торпедные пробоины, свободно разлилась по всему кораблю.

Мазут, разлившийся из разбитых цистерн, мгновенно вывел из строя всю энергетическую сеть линкора. Смешанная с мазутом вода начала затоплять носовую компрессорную станцию, где машинист Роберт Скотт еще пытался подавать сжатый воздух на пятидюймовые орудия. Другие матросы выскочили из помещения, зовя Скотта с собой. Он крикнул им: «Это мой пост. Я буду давать им воздух, сколько смогу!» Водонепроницаемая дверь захлопнулась, оставив матроса на боевом посту навсегда.

Потеряв все электроснабжение, люди отчаянно пытались вручную сделать работу, предназначенную для машин и механизмов. Сигнальщик Коннер присоединился к длинной цепи моряков, передающих снаряды из боевых погребов на орудия.

Удушливые пары мазута и солярки, вырвавшиеся из разбитых цистерн и танков, породили на линкоре панический слух об использовании японцами химического оружия. На пункте первой помощи, куда переносили раненых, санитар Уильям Линч тщетно рылся в аптечках в поисках морфия. Недалеко, в радиорубке, какой-то матрос, стоя на коленях под трапом, громко молился. Другой, совершенно безучастный ко всему, что творилось вокруг, сидел за столом и печатал на машинке: «Настал час для всех добрых людей...»

В гавани мало кто заметил происходящее на «Калифорнии». Тысячи глаз с ужасом смотрели на «Оклахому». С балкона своего дома на остро-

ве Форд главстаршина Альберт Молтер видел, как линейный корабль медленно повалился на борт: «медленно и величественно, как будто он устал и захотел отдохнуть». «Оклахома» перевернулась, уткнувшись мачтами и надстройками в дно гавани, оставив на поверхности днище, напоминающее спину огромного мертвого кита. Прошло всего восемь минут после попадания первой торпеды.

Наблюдая эту страшную картину с мостика стоявшего рядом линкора «Мэриленд», электрик Гарольд Норт вспомнил, как они все ругались в пятницу, когда к «Мэриленду» пришвартовали «Оклахому», закрыв чудесный вид на бухту из иллюминаторов их кубрика.

Оставшиеся внутри «Оклахомы» люди еще отчаянно боролись за жизнь. Баталер Терри Армстронг находился в этот момент в своей баталерке на второй палубе. Видя, как помещение медленно наполняется водой, он нырнул, нашел ощупью иллюминатор, протиснулся в него и вынырнул на поверхность.

Матрос Мальком Макклири спасся таким же способом через иллюминатор душевой.

Католический капеллан Алоиз Шмитт наполовину протиснул свое тело, но молитвенник, лежащий в заднем кармане его брюк, не дал ему возможности проскользнуть в иллюминатор. Ему пришлось вернуться назад, чтобы вынуть требник, а потом пропустить несколько человек впереди себя. Он пропустил трех, а возможно, и четырех человек, а через секунду вода окончательно затопила помещение. Многие из находя-

щихся внутри корабля были еще живы. В крошечной тьме они еще куда-то плыли, пытались ориентироваться в перевернутом мире, выныривая в воздушные подушки, образовавшиеся после опрокидывания корабля.

Семнадцатилетний матрос Уильям Бел боролся с водой, хлынувшей в помещение рулевых машин.

Матрос Джордж Марфи плавал в операционной санчасти, пытаясь найти выход. Он не понимал, где находится. Какое помещение корабля имело потолок, выложенный кафелем? Матрос не мог сообразить, что это палуба.

Находящимся на верхней палубе морякам спастись было легче. Когда линкор медленно повалился, они просто перебежали по правому борту на днище, оказавшееся на поверхности. Выбирались они с днища по-разному. Некоторые пытались взобраться по швартовым концам на линкор «Мэриленд», но, по мере того, как крен «Оклахомы» увеличивался, концы обрывались и моряки падали в воду между кораблями.

Когда матрос Том Армстронг вынырнул у борта «Мэриленда», его остановившиеся часы показывали десять минут девятого.

Брат Тома — Пэт — сам бросился в воду с борта, решив не перебегать на днище.

Их третий брат — Терри — уже находился в воде, выскочив через иллюминатор на второй палубе.

Сержант морской пехоты Лео Вирс соскользнул в воду с днища по какому-то канату и чуть не утонул, когда кто-то решил использовать его

как трап, залезая в шлюпку. А его друг — сержант Норманн Каррьер — спокойно прошел по днищу до самой воды, подзывая проходящие мимо шлюпки, и перешел на одну из них, даже на замочив ног.

Лейтенант Билл Ингрем решил перебежать на днище, когда нок-рея линкора уже коснулась воды. Он за что-то зацепился и полетел в воду.

Как раз в этот момент взорвалась «Аризона». Позднее спасшиеся сказали, что бомба угодила прямо в дымовую трубу линкора, но проведенная впоследствии проверка показала, что фильтр-решетка на трубе осталась целой. Более вероятно, что бомба попала в палубу у башни № 2 главного калибра, пробила полубак и, взорвавшись внутри корабля, вызвала детонацию зарядов в боевых погребах. В любом случае, огромный столб огня и дыма взметнулся вверх метров на двести, принимая форму огромного гриба. Грома взрыва почти не было.

Свидетели говорят, что услышали что-то более похожее на гигантский вздох, нежели на гром. Грома не было, но ударная волна была ужасной. Она заглушила мотор на пикапе авиационного оружейника Харранда Квисдорфа, ехавшего по дороге острова Форд; сбила с ног и швырнула в сторону главстаршину Молтера, вышедшего из дома; выбила стекла и перевернула все в каюте машиниста Станли Рейба на водоналивной барже; сбила с ног комендора Кари Гарнетта и дюжину других моряков на линкоре «Невада»; сбросила с мостика за борт капитана 2 ранга Кассина Янга на плавмастерской

«Вестал»; снесла в воду лейтенанта Венса Фуллера с палубы «Вест-Вирджинии»; подбросила, как осенний лист, находящийся высоко в небе бомбардировщик капитана 2 ранга Футиды...

Сотни людей на «Аризоне» просто перестали существовать, мгновенно исчезнув в страшной гигантской вспышке. На многих боевых постах от людей в буквальном смысле слова осталось «мокрое место». Они испарились. На мостике мгновенно погибли контр-адмирал Исаак Кидд и командир линкора капитан 1 ранга Франклин Ван Валькенбург. На второй палубе позднее были обнаружены трупы всего состава корабельного оркестра.

Всего погибли более тысячи человек.

Невероятно, но некоторые уцелели. Майор морской пехоты Аллен Шепли был сброшен взрывной волной с одного из ярусов носовой надстройки и упал в воду. Частично парализованный, он все-таки сумел доплыть до острова Форд с помощью других моряков, оказавшихся в воде.

Радист Гленн Лейн был выброшен взрывом за борт и опомнился, обнаружив, что плывет куда-то в воде, покрытой толстым слоем мазута. Он оглянулся на «Аризону», но не увидел на корабле никаких признаков жизни. Но Лейн ошибался — на линкоре еще находились люди.

На третьей палубе боцман Джемс Форбис, потерявший сознание от удара о переборку, стал приходить в себя.

Он и группа матросов находились в перегрузочном отделении боевых погребов башни № 4 главного калибра. Помещение стало заполнять-

ся дымом и моряки перебрались в башню № 3, где условия были немного лучше. Вскоре однако дым добрался и до этой башни, клубясь вокруг орудий. Вентиляция не работала. Наконец кто-то приказал им покинуть башню. Форбис снял свои новые, до блеска начищенные ботинки, и, держа их в руках, вышел из башни.

Палуба была страшно горячей и покрыта мазутом. Небольшое сухое место было у четвертой башни. Форбис добрался туда и аккуратно поставил там свои новые ботинки — носок к носку — как бы планируя надеть их снова сегодня вечером, чтобы прогуляться по Отель-стрит.

На зенитно-дальномерном посту левого борта Рассел Лотт, завернувшись в одеяло, пытался протиснуться через заклиненную дверь. Одеяло защитило от жара раскаленных переборок, но и палуба была такой горячей, что приходилось прыгать с ноги на ногу. Пять дальномерщиков, используя одеяло как общий щит, пробились к борту через дым и огонь, где увидели все еще державшуюся на воде плавмастерскую «Вестал». Взрыв забросал всю ее палубу раскаленными обломками, но все-таки там нашелся живой человек, бросивший им конец. Моряки по одному перебрались на плавмастерскую.

На «Вестале» уже почти никого не было. Страшный взрыв «Аризоны» выбросил за борт плавмастерской несколько человек, включая командира Кассина Янга, и старпом приказал остальным оставить корабль.

Матрос Томас Гарционе спустился с полубака по канату, ноги его почувствовали какую-то

опору и неожиданно он обнаружил, что стоит на лапах якоря. Спускаться в воду ему страшно не хотелось, поскольку он не умел плавать. Наконец, зажав нос рукой и перекрестившись, он прыгнул солдатиком и добрался до какой-то дрейфующей между обломками шлюпки, показав для неумеющего плавать очень неплохое время.

Сигнальщик Адольф Злабис кинулся в воду прямо с мостика и был подобран в шлюпку.

Из радиорубки «Вестала» радист Джон Марфи видел, как бегут мимо матросы, оставляя судно. Один из радистов увидел пробежавшего мимо брата и с криком: «Я пойду с ним», выскочил из рубки. Неизвестно почему, но Марфи решил остаться. Он и сам этого не мог объяснить.

Между тем, выброшенный за борт командир плавмастерской, капитан 2 ранга Янг, снова влез на палубу своего судна. Измазанный мазутом, мокрый с головы до ног, он кричал вниз своим матросам:

«Возвращайтесь на борт! Наше судно еще на плаву!»

Большинство команды вернулось обратно, и Янг приказал отдать швартовы, связывающие плавмастерскую с горящей «Аризонай». Концы пришлось рубить. Но ветер продолжал наваливать «Вестал» на пылающий линкор.

Помощь пришла совершенно неожиданно с проходящего мимо них буксира, капитан и механик которого долгие годы служили на «Вестале». Они подали буксир и отвели старое судно к тихому причалу «Айея», где оно и простояло без особых происшествий весь день.

Когда «Аризона» взлетела от взрыва, на «Мэриленде» старшина-электрик Гарольд Норт решил, что настал конец света. Но сам он был в полной безопасности. Защищенный «Оклахомой», «Мэриленд» был недосыгаем для японских торпед. Правда, в линкор попали две авиабомбы. Бомбы были 15-дюймовыми бронебойными снарядами с приделанными стабилизаторами. Одна прошла через носовую скулу линкора, взорвавшись в воде. Вторая попала в полубак, вызвав сильный пожар.

Неожиданно бойцы пожарного дивизиона, бросив тушить огонь, стали разбегаться в разные стороны. Оказалось, что какой-то матрос уронил в люк огнетушитель, который упал к ногам одного старого мичмана и сработал. С криком «газы!» мичман одел противогаз, вызвав секундную панику.

На «Теннесси», защищенном от торпед корпусом обуглившейся «Аризоны», бед было больше. Матрос Баркхольдер видел через иллюминатор штурманской рубки на мостике, как переделанный в бомбу 15-дюймовый бронебойный снаряд попал в крышу башни № 2 — всего в нескольких метрах впереди мостика. Оторванной задрайкой иллюминатора Баркхольдера ударило по голове, но он все же смог выскочить из рубки и оказать помощь пострадавшему на мостике лейтенанту. К сожалению, он ничем не мог помочь своему ближайшему другу, который умирал на палубе и, увидев Баркхольдера, попросил пристрелить себя.

Вторая бомба ударила в третью башню глав-

ного калибра на корме. Не пробив могучую ба-
шенную броню, бомба взорвалась, засыпав все
вокруг осколками.

Несколько осколков ударили по мостику сто-
явшей рядом «Вест-Вирджинии», смертельно ра-
нив командира корабля капитана 1 ранга Мер-
вина Бенниона. Командир упал на правом кры-
ле мостика около пулеметной платформы. В этот
момент на мостик вбежал лейтенант Делано,
вырвавшийся наконец из центрального поста. К
нему кинулся лейтенант Уайт, сказав о ранении
командира и попросив помочь.

Делано сразу понял, что положение коман-
дира безнадежно. Осколки разорвали капитану
1 ранга живот, и не нужно было иметь медицин-
ского образования, чтобы понять, что все конче-
но. Однако, командир находился в полном созна-
нии и нужно было что-то сделать, чтобы облег-
чить его последние минуты. Делано бросился к
аптечке первой помощи, надеясь найти морфий.
Но морфия там не было. Зато он обнаружил це-
лую банку эфира и попытался с его помощью
хотя бы усыпить командира, чтобы тот не мучил-
ся. Однако, из этого ничего не получилось: уми-
рающий не терял сознания.

Все, что оставалось сделать лейтенанту, это
положить ноги командира в более удобное пол-
ожение. Командир стал что-то говорить, и лей-
тенант сел на палубу рядом с ним, чтобы луч-
ше слышать. Капитан 1 ранга интересовался, как
проходит бой, что делается на «Вест-Вирджинии»,
ведут ли огонь орудия корабля, насколько серь-
езны повреждения, много ли людей погибло?

Чтобы скрасить последние минуты командира, лейтенант не стал вдаваться в подробности.

«Да, — соврал он, — все орудия корабля ведут огонь».

На мостике один за другим стали появляться новые люди. Капитан-лейтенант Рикеттс принес обезболивающие таблетки. Как старший в звании он временно принял командование кораблем. Прибежал санитар Лик, за ним — лейтенант Джакоби из радиорубки, капитан 3 ранга Доир Джонсон — с-полубака. По пути Джонсон захватил с собой огромного негра Дориса Майлера — вестового из кают-компания, надеясь, что могучий вестовой в данном случае сможет очень пригодиться. Вдвоем они аккуратно подняли умирающего и перенесли его в укрытие позади боевой рубки.

Командир все еще находился в полном сознании, видел бушующее вблизи пламя и просил всех оставить его и спастись самим.

В этот момент начальник разведки 14-го военно-морского округа капитан 1 ранга Майфилд допивал свой утренний кофе. Сделав несколько глотков и отлив остальное в раковину, он побежал в гараж. Капитан заводил машину как раз в тот момент, когда автомобиль командующего флотом завизжал тормозами около дома адмирала Киммела на другой стороне улицы. Быстро сбежав по ступенькам, адмирал Киммел прыгнул в машину, завязывая на ходу галстук.

Через пять минут адмирал Киммел был уже в штабе флота. Он считает, что это было в

восемь часов пять минут. Капитан 2 ранга Марфи более склонен думать, что это произошло в восемь часов десять минут. В любом случае, в течение нескольких минут до и после прибытия командующего ядро его флота было выведено из строя.

«Аризона», «Оклахома» и «Вест-Вирджиния» затонули. «Калифорния» тонула. «Мэриленд» и «Теннесси» были блокированы севшими на грунт кораблями. «Пенсильвания» находилась в сухом доке. Оставалась одна «Невада», подавая слабую надежду, что ей удастся уцелеть, несмотря на попадание торпеды и двух бомб.

На другой стороне острова Форд корабль-цель «Юта» тяжело кренился на левый борт. С первыми звуками сигнала тревоги старший механик корабля капитан 3 ранга Айсквит вскочил на ноги и стал натягивать рабочую форму прямо на пижаму. Колокол громкого боя ударил несколько раз и замолк. Люди столпились внизу, укрываясь от бомб. Айсквит считал, что старый корабль не сможет выдержать даже нескольких попаданий и приказал вахтенному офицеру взывать всех наверх.

Матросы были удивительно спокойны. Они привыкли к учебным бомбежкам. Самолеты армии и флота «бомбили» старый линкор практически ежедневно. Выскочив на верхнюю палубу, машинист Дэвид Джилмартин обнаружил, что привальный брус левого борта уже вошел в воду. Крен продолжал увеличиваться. Большие — сечением двадцать на тридцать сантиметров — бруссы, которыми была выложена палуба разо-

руженного линкора, чтобы уберечь ее от попадания учебных авиабомб, начали валиться за борт. Именно благодаря этим брусьям, как выяснилось позднее, японцы приняли старый корабль-цель за авианосец, неожиданно оказавшийся в порту и не пожалели на него торпед. Теперь они сыграли еще раз роковую роль, падая на моряков, которые карабкались по уходящей из-под ног палубе к противоположному борту, сбивая людей в воду под заваливающийся борт, калеча и убивая.

Капитан 3 ранга Айсквит еще раз промчался по внутренним помещениям, чтобы убедиться, что никто не попал в смертельную ловушку в каком-нибудь задраенном помещении, и чуть не угодил в ловушку сам.

Старый линкор продолжал валиться на борт, когда Айсквит добрался до каюты командира, откуда, как ему было известно, существовал выход на полубак. Однако, эта дверь оказалась заваленной брусьями. Тогда офицер бросился в спальню командира, где был большой иллюминатор. Иллюминатор находился уже над его головой. Айсквит вскочил на высокую кровать командира и просунул голову в иллюминатор, пытаясь подтянуться на руках. В этот момент кровать сломалась и рассыпалась под ним. Он наверняка упал бы обратно в каюту, если бы капитан 3 ранга Винсер, уже находившийся снаружи, не схватил его за руки и не вытащил из иллюминатора.

Едва оказавшись на уходящем куда-то вверх борту, Айсквит поскользнулся и покатился в воду. Полумертвый от усталости, ошеломленный

всем случившимся, он в конце концов с помощью матросов добрался до острова Форд.

Некоторые так и не оставили «Юту»: моторист Джон Вайссен, оставшийся в помещении динамомашин, до конца обеспечивал корабль энергией; старшина котельных машинистов Питер Томич, руководивший эвакуацией личного состава из котельных помещений, но не успевший выбраться сам; инженер-механик Джон Блейк, которому в его каюте зажало ноги заклиненной дверью; вестовой Смит, который всегда так боялся воды.

Из других кораблей, находившихся на этой стороне острова Форд, «Танжер» и «Детройт» еще не получили никаких повреждений, но «Релей» стоял с сильным креном на левый борт. Через кочегарки № 1 и 2 вода затопила носовое машинное отделение, лишив корабль электроэнергии. В борьбе за спасение корабля многие не имели времени даже одеться.

Капитан 1 ранга Симонс распорядился на мостике, одетый в голубую пижаму.

Лейтенант Джон Бирдел управлял зенитной артиллерией левого борта в красной пижаме. Другие были кто в чем: в майках, плавках или разнообразном нижнем белье. Капитан 1 ранга Симонс, стоящий на адмиральском мостике, был настолько спокоен, и полон достоинства, что его голубая пижама казалась боевыми успехами.

На кораблях, стоявших у военно-морского арсенала, кормовые орудия оказались в превосходной позиции для ведения огня по скользящим над гаванью торпедоносцам. Но огонь почти не велся.

Крейсер «Сан-Франциско» находился в ремонте. Большая часть его орудий стояла в заводских цехах, а боезапас был снят.

Крейсер «Сент-Луис» модернизировался — на нем устанавливали радиолокационную станцию. Надстройка корабля была в лесах. Три из его четырех пятидюймовых зениток были сняты.

На канонерской лодке «Сакраменто», только что выведенной из дока, боезапаса не было — он был выгружен перед ремонтом.

На крейсере «Новый Орлеан» были разобраны машины и энергия подавалась только на освещение от вспомогательного дизель-генератора.

В состоянии полной недееспособности люди собирались на палубах, ругаясь последними словами. У многих чувство беспомощности, подавив страх, вызывало ярость.

Капитан 2 ранга Дункан Карри — старый морской волк — с мостика танкера «Рамапо» стрелял по японцам из кольта 45-го калибра. Слезы текли по его щекам.

С мостика «Нового Орлеана» старшина делал то же самое, ревя от бешенства.

С какой-то подводной лодки стреляли из охотничьего ружья...

У дока № 1010 кружил водоворот из обломков крейсера «Хелена» и минного заградителя «Оглала». В кормовом машинном отделении торпедированной «Хелены» старшина машинистов Пол Вайсенбергер пытался перекрыть воду, которая хлестала из водоотливной системы. Лейтенант морской пехоты Бернард Келли делал все возможное, чтобы подать боеприпасы к уцелев-

шим орудиям, но группы борьбы за живучесть перекрыли почти все люки, ведущие вниз. На полубаке крейсера, где была устроена корабельная церковь, валялись обломки, как после тайфуна. Минный заградитель «Оглала» уже так накренился, что его сигнальные флаги лежали на мостике «Хелены».

По ту сторону канала, над «линкорным рядом» вздымались языки пламени и клубами валил чёрный дым. И над всей этой сценой — аркой через весь остров Форд — неожиданно расцвела прекрасная радуга.

А в сухом доке № 1, еще не атакованном, как это ни странно, стоял линейный корабль «Пенсильвания», а впереди него — эсминцы «Кассин» и «Даунс». Над кораблями висело зловещее напряжение ожидания неизбежного налета. На «Пенсильвании» помощник командира капитан 3 ранга Джемс Крейг бегал по кораблю, проверяя все, что мог, чтобы убедиться, что линкор находится в готовности к удару с воздуха, насколько вообще может быть в готовности корабль, находящийся не на плаву, а грузно опирающийся на кильблоки сухого дока. Крейг приказал боцману Роберту Джонсу находиться с пожарным дивизионом на верхней палубе, лечь на нее лицом вниз и приготовиться к худшему.

У расчетов зенитных орудий были свои проблемы. Электроэнергия, подаваемая на линкор во время ремонта с берега, была отключена, и огонь по самолетам можно было вести только с помощью ударных капсулей. Боезапас зенитной артиллерии был старым и все помнили, сколь-

ко было осечек на последних боевых стрельбах.

Единственным кораблем, находящимся в этот момент в движении, был эсминец «Хелм». Прошло уже двадцать минут после того, как старшина-рулевой Френк Хандлер дружески помахал рукой пролетавшим над ним самолетам.

После первого же взрыва капитан 2 ранга Керрол приказал пробить боевую тревогу. Он увидел сигнал адмирала Фурлонга о начале боевых действий и обернулся к Хандлеру:

«Полный ход! Выходим в море!»

Быстро увеличив ход с четырнадцати до двадцати семи узлов, забыв о противолодочных сетях и боновых заграждениях, которые на этот раз, к счастью, оказались разведенными, эсминец, нарушив все правила прохождения канала, вырвался в открытое море и в восемь часов семнадцать минут столкнулся нос к носу с японской сверхмалой подводной лодкой. С эсминца сначала заметили перископ, а затем и рубку примерно в тысяче метров справа по носу. Лодка, тяжело раскачиваясь с борта на борт, лежала на коралловом рифе. Орудия эсминца загрохотали, но почему-то не могли в нее попасть. В итоге, лодка соскользнула с рифа и исчезла.

Эсминец немедленно передал прожектором новость: «Малая японская подлодка пытается проникнуть в канал». Сигнальные флаги взвились над Перл-Харбором, оповещая об этом весь флот. На мостике горящей «Вест-Вирджинии» лейтенант Делано, прочтя предупреждение, вздохнул: «Господи, только этого не хватало!»

С мостика «Хелма» старшина Хандлер заме-

тил, что над аэродромом Хикэм кружатся несколько огромных армейских бомбардировщиков. Вокруг них вертелся целый рой японских истребителей, поливая бомбардировщики пулеметным огнем. Хандлер видел, как трассирующие пули выбивали из бомбардировщиков куски обшивки. Но те продолжали кружиться над аэродромом с величавым достоинством, как будто подобное с ними случалось ежедневно.

Это были «летающие крепости» Б-17, прибывшие с материка: двенадцать бомбардировщиков из 38-й и 88-й разведывательных эскадрилий, сведенных в авиагруппу под командованием майора Трумэна Лендона. Для тех дней это был почти рекордный перелет — четырнадцать часов летного времени. Для экономии горючего бомбардировщики летели не строем, а самостоятельно. По этой же причине с машин были сняты броня и боезапас, а пулеметы были законсервированы.

Но, при всех принятых мерах, некоторые бомбардировщики едва добрались до острова Оаху. На бомбардировщике лейтенанта Карла Бартельмью стрелка расходомера горючего дрожала около нуля. Из-за навигационной ошибки, машина вышла чуть севернее заданного курса и теперь пыталась на последних каплях горючего совершить посадку.

Лейтенант развернул машину на юг и неожиданно увидел, что летит в окружении примерно пятнадцать истребителей с большими красными кругами на крыльях. Они летели над бомбардировщиком, под ним и по бортам.

«Очевидно, — подумал лейтенант, — они

хотят проэскортировать нас до аэродрома».

Экипаж «летающей крепости», облегченно вздохнув, стал снимать спасательные пояса, одетые при известии, что бомбардировщик сбился с курса. Они махали с благодарностью руками сопровождающим самолетам, чьи пилоты, видимо, были чем-то очень заняты, поскольку никак не реагировали на радость экипажа бомбардировщика.

В это же время к Оаху с севера подходил B-17 самого майора Лендона. Подлетая к острову, майор увидел, что прямо на него идет целая эскадрилья из девяти истребителей. В какой-то момент он подумал, что местные авиаторы устроили ему торжественную встречу. Вспышки трассирующих очередей и красные круги на крыльях быстро открыли Лендону правду. Он резко увел бомбардировщик в облака, оставив позади погоню.

Практически ни одна из «летающих крепостей» не была ни о чем предупреждена с земли.

Машина майора Ричарда Кермайка, пролетая над Бриллиантовой Вершиной, недолго летела в беззаботном покое. Пилоты еще издали увидели облака дыма, встававшие над Перл-Харбором. Решили единодушно, что флот практикуется в постановке дымовых завес. Или на базе какой-то праздник. Подлетев ближе, они заметили разгром и опустошение, царившие на земле, но опять же ничего не поняли.

Сержант Альберт Бревли, глядя на ряды пылающих самолетов на аэродроме Хикэм, решил, что какой-нибудь слишком азартный лет-

чик-истребитель случайно в них врезался. Лейтенант Чарльз Бергдолл подумал, что это были учения, максимально приближенные к боевой обстановке. Но увидев останки разбитого бомбардировщика Б-24, догорающие посреди взлетной полосы, он страшно удивился. Ни на каких учениях армия бы не решилась уничтожить столь дорогостоящую матчасть.

С бомбардировщиков стали запрашивать разрешение на посадку у КДП аэродрома Хикэм. Спокойный, ровный голос дал им направление и скорость ветра, указал взлетную полосу для посадки, как будто это был самый обычный день. Без всяких эмоций, как бы между прочим, голос заметил, что аэродром атакуют «неопознанные самолеты».

Бомбардировщик лейтенанта Аллена первым пошел на посадку. За ним пошел самолет капитана Раймонда Свенсона. Когда он выходил на полосу, японская пуля взорвала магниевые ракеты, находившиеся в кабине радиста, и всю машину охватило огнем. Бомбардировщик тяжело просел, пылающая хвостовая секция отломилась, а передняя часть, пропахав обломком фюзеляжа взлетку, остановилась. Второй пилот лейтенант Эрнест Рейд по привычке нажал на тормоза. Пovyскакивав из кабин, экипаж под обстрелом с воздуха кинулся в укрытия. Спасти удалось всем, кроме бортового врача Уильяма Шика. Очередь с «Зеро» сразила его прямо на взлетной полосе.

Наступила очередь идти на посадку и машине майора Лендона. Спокойный голос с КДП

указал ему садиться с «запада на восток», лаконично добавив, что у него на хвосте висят три японских истребителя. Со столь ободряющей новостью майор благополучно совершил посадку в восемь двадцать. Экипажи тяжелых бомбардировщиков, едва посадив машины, разбегались в укрытия. Сержант Бревли свалился в какие-то кусты, нервно прислушиваясь к свисту японских пуль вокруг него. Лейтенант Джордж Ньютон плюхнулся в какое-то болото, лейтенант Рамсей — в канаву. Лейтенант Аллен лежал, спрятав голову в траву. Лейтенант Гомер Тейлор, бросившийся в противоположном направлении к домам офицерского городка, нырнул под перевернутый диван, где пряталась какая-то офицерская жена со своими детьми. Каждый раз, когда над ними слышался рев мотора, маленький мальчик норвил высунуться из-под дивана и посмотреть в небо. Всякий раз Тейлор ловил его за ногу и втягивал обратно. Эта дуэль продолжалась до конца налета.

Все, кто имел мужество бросить взгляд на небо, могли стать свидетелями незабываемого зрелища. Один из японских истребителей внезапно вспыхнул и, ломая верхушки эвкалиптов, рухнул в поле, подняв столб огня и черного дыма. Сбивший его американский истребитель, сделав победную горку, помчался куда-то в сторону гор.

Ошеломленные люди не верили своим глазам и, конечно, не знали, что лейтенанты Уэлч и Тейлор, добравшись до Халейвы, успели взлететь на своих истребителях П-40 и неожиданно врезались в самую гущу самолетов противника.

Между тем, на Халейве происходили свои события. Два бомбардировщика Б-17, подойдя с южного направления, начали кружиться над маленьким аэродромом.

Капитан Чаффин и майор Кермайкл не решились сажать свои тяжелые машины среди горящих обломков аэродрома Хикэм. После отказа в посадке на аэродромах Уиллер и Эва, они решили попытаться счастья в Халейве, о которой японцы, судя по всему, ничего не знали. Маленькая взлетная полоса была всего триста метров длиной — не очень безопасной для столь тяжелых машин, но горючее кончалось и выбора не было. На удивление, посадка прошла превосходно. Они подрулили как можно ближе к окружающим полосе деревьям, но было слишком поздно.

С японских истребителей заметили заход бомбардировщиков на посадку и «Зеро» помчался вслед за ними, чтобы проверить, куда они садятся. Майор Кермайкл и его друг полковник Тадделл успели укрыться под каким-то валуном на берегу. У «Зеро», видимо, кончался боезапас, поскольку он дал по Халейве не очень прицельную очередь и улетел. Но тихоокеанский прибой позаботился о майоре Кермайкле и его друге, окатив их с головы до ног и даже остановив майору часы.

На базе летающих лодок Канэохе японские самолеты методично делали заход за заходом, добывая горящие «Каталины». В восемь пятнадцать пикировщики прекратили атаки и стали уходить в северном направлении.

Наступила тишина, но напряжение не спадало. Все чувствовали, что это еще не конец. И не ошиблись. Около восьми тридцати появились идущие плотным строем девять горизонтальных бомбардировщиков. Грязь, цемент, металл, стекло — все полетело в разных направлениях, когда они сбросили бомбы. Затем появилась еще одна группа бомбардировщиков, но те решили сэкономить свои бомбы для более достойных целей. На Канзохе все — ангары, гидросамолеты, пирсы, мастерские, административные здания — были смешаны с землей, пылая и догорая.

А примерно в шести милях от них, на аэродроме Беллоу — базе армейской истребительной авиации — все было тихо и спокойно. Дежурный по части капитан Джон Джойс брился в офицерском клубе.

Было примерно восемь тридцать, когда одинокий самолет прожужжал над аэродромом, обстреляв полосу из пулеметов, ранив санитаря, спавшего в палатке. Немедленно послали рассыльного к командиру части майору Веддингтону, жившему примерно в миле от аэродрома. Однако, это событие, хотя и показалось странным, не вызвало на базе какого-то особого возбуждения. Затем к ним на посадку стал заходить тяжелый бомбардировщик Б-17, которого никто здесь не ждал. Это была машина лейтенанта Роберта Ричардса, который тоже не рискнул садиться на Хикэме. Трое из его экипажа были уже ранены. Тогда он по совету с КДП решил попытаться сесть в Беллоу, хотя полоса тут не превышала восемьсот метров. В этот момент с Хикэма

наконец известили Беллоу о нападении с воздуха. Майор Веддингтон спешно начал организовывать оборону, но в это время девять японских самолетов, привлеченных, видимо, посадкой машины Ричардса, появились над аэродромом, забросав его бомбами и обстреляв из пулеметов.

Другие японские самолеты уничтожали авиабазу морской пехоты Эва. Здесь не было ни зениток, ни способных взлететь машин, ни возможности вообще хоть что-нибудь сделать. Командир части подполковник Ларкин беспомощно наблюдал за происходящим, спрятавшись под грузовик.

Лейтенант Иошио Сига несся на бреющем полете на своем «Зеро» над горящим аэродромом Эва. Он заметил морского пехотинца, стоявшего у горящего, разбитого самолета, и направил на него свой истребитель, ведя огонь из всех пушек и пулеметов. В ответ американец выхватил пистолет и стал стрелять в него, продолжая стоять в полный рост. Сига посчитал его самым смелым американцем, с которым ему когда-либо приходилось встречаться.

Не меньшее впечатление произвели на лейтенанта Сигу и тяжелые бомбардировщики Б-17. Он видел, как одна из этих огромных машин, буквально стряхнул со своего хвоста целый рой «Зеро», благополучно села на полосу аэродрома Хикэм. Лейтенант отметил, что в будущем «летающие крепости» будут представлять очень сложную проблему. Ведь ни одну из них не удалось сбить даже сегодня, когда на них не было

ни одного из их двенадцати пулеметных стволов!

Японцев начал удивлять и раздражать зенитный огонь, который усиливался с каждой минутой. Когда капитан 2 ранга Футида вел на первый заход свои пятьдесят горизонтальных бомбардировщиков, построив их в одну линию, корабли «линкорного ряда» напомнили ему ~~Ф~~ уток в тире. Когда они, развернувшись, пошли на второй заход, их встретил уже довольно плотный зенитный огонь.

Когда бомбардировщики приблизились к цели, Футида вывел свою машину вперед ведущей эскадрильи. Его самолет выводил на боевой курс один из лучших штурманов-бомбардиров морской авиации.

Все бомбардировщики должны были ждать, когда тот сбросит свои бомбы, а затем сбрасывать свои. Этой тактики придерживались все эскадрильи.

Все зависело от синхронности действий. Когда же Футида увидел, что третий самолет его группы неожиданно вышел из строя и преждевременно сбросил бомбу, он был весьма и неприятно удивлен. Вспомнив, что пилот этого бомбардировщика всегда имел репутацию не очень аккуратного человека, Футида, написав на небольшой грифельной доске «Что случилось?», высунул доску из кабины и помахал ею в воздухе. Пилот показал, что получил попадание зенитного снаряда и падает. Сердце Футиды наполнилось жалостью и угрызениями совести.

Эскадрилья продолжала полет. Намеченной целью являлась «Невада», и все ждали, когда

ведущий сбросит бомбу. Но он так и не сделал этого. Бомбардировщики ушли в облака, развернувшись для нового захода на цель. Но на этот раз «Невада» была почти полностью закрыта дымом, и Футида решил сбросить бомбы на «Мэриленд». Так они и сделали без особого труда. Ведущий самолет сбросил бомбу, а остальные последовали за ним. Футида лег на дно кабины, следя за их падением, и убедился в двух прямых попаданиях.

Лейтенант Ташио Хасимото — ведущий замыкающей строй эскадрильи — выводил свои бомбардировщики на цель с не меньшими трудностями. Идущие впереди машины воздушным потоком от своих винтов сбивали его бомбардировщики с курса. В итоге ошибся в расчетах ведущий бомбардир эскадрильи сержант Умегава и пришлось делать еще один заход. Сержант с поклонением попросил у Хасимото прощения.

Были и другие причины, сказавшиеся на понижении эффективности от их действий. Причины, однако, не зависящие ни от экипажей бомбардировщиков, ни от состояния материальной части.

Карты района острова Оаху были выпущены в 1933 году, а усилия достать более современные карты не увенчались успехом. На плане аэродрома Хикэм было отмечено восемь пар ангаров вместо пяти построенных. Наивное доверие к художнику, нарисовавшему их в каком-то журнале! На карте было указано место подземного бензопровода там, где находилась бейсбольная площадка. Потом вспомнили, что, действи-

тельно, когда-то планировали провести бензопровод именно здесь. Здание штаба авиабазы — важнейший объект — было помечено как место для танцев. В помещении штаба в самом деле проводились танцы, пока строился клуб, но, видимо, японских агентов на эти танцы никогда не приглашали.

Но все это, конечно, были мелочи, и капитан 2 ранга Футида с полным основанием мог испытывать радостное чувство победы. По сравнению с собственными потерями — пять торпедоносцев, один пикирующий бомбардировщик и три истребителя — он мог хорошо видеть, что сделали его эскадрильи с флотом и аэродромами противника.

Подобное чувство испытывал и адмирал Нагумо на мостике своего флагманского авианосца «Акаги», маневрирующего во главе ударного соединения примерно в двухстах милях севернее острова Оаху. Короткие радиосообщения с самолетов позволяли довольно точно составить общую картину:

«8.05 — успешно сброшены торпеды...

8.10 — уничтожено тридцать самолетов противника, двадцать три горят...

8.16 — попадание в тяжелый крейсер...

8.22 — попадание в линкор».

На авианосцах все снова пришли в экстаз. В машинном отделении «Акаги» механики и мотористы капитана 2 ранга Тэнбо, получив первые новости, с воем восторга начали обниматься друг с другом. То же самое творилось и на полетной палубе. Общего восторга не разделял лишь капи-

тан 2 ранга Хойчиро Цукамото — штурман авианосца «Секаку». Офицер с тревогой посматривал в небо, опасаясь ответного удара американской авиации. Ведь авианосцы так уязвимы!

Адмирал Ямамото был мрачно-серьезен, ожидая результатов атаки на борту своего флагманского линкора «Нагато», стоявшего на якоре в Куре.

На больших рубочных часах медленно проходила круги зеленая секундная стрелка. Главком уже почти докурил свою вторую сигарету, когда стали поступать первые сообщения. На фоне общего ликования адмирал оставался невозмутимым. Он редко давал волю эмоциям. Одно из перехваченных американских сообщений говорило о каких-то кораблях, оперирующих у входа в Перл-Харбор.

«Отлично! — вскричал начальник штаба Объединенного флота контр-адмирал Матоме Угаки. — Это наши сверхмалые лодки! Они прорвались к входу в гавань!»

Ямамото молча кивнул, не выражая по этому поводу никакой радости. Он все еще считал использование в этой операции лодок-малюток ошибкой, напрасным жертвоприношением доблестных юных моряков в самом начале войны.

Адмирал был прав. Отчаянные попытки младшего лейтенанта Сакамаки прорваться в гавань так и не увенчались успехом. Он решил сделать еще одну попытку, направив лодку на входной буй. В перископ он видел американский патрульный эсминец и был достаточно близко, чтобы различить белые фигурки моряков. Оче-

видно, что с эсминца его заметили тоже, потому что взрывы глубинных бомб стали бросать «малютку» из стороны в сторону. Один из взрывов оглушил Сакамаки, наполнив лодку белым дымом и ядовитыми парами. Придя в себя, Сакамаки слезил в нос и корму, проверив повреждения. Ничего серьезного не случилось, и он решил сделать еще одну попытку. По словам Сакамаки, он сделал три попытки прорваться в гавань, постоянно уклоняясь от глубинных бомб американских эсминцев. Затем на короткое время он застрял на коралловом рифе у самого входа в порт.

Однако, американские документы не подтверждают попыток столь отчаянного прорыва через глубинные бомбы. Между первым контактом «Уорда» в шесть сорок пять и временем, когда с «Хелма» заметили «малютку», застрявшую на рифе, в восемь семнадцать — существует только одно донесение и то просто об гидроакустическом контакте в семь часов три минуты.

Если Сакамаки что-нибудь не так понял или ошибался, то для этого было достаточно причин. Аккумуляторы на лодке текли, воздух в рубке был смешан с парами хлора. Откуда-то шел дым.

Правильно ли он интерпретировал то, что удалось увидеть в перископ? Трудно сказать. Но раз направив перископ на Перл-Харбор, он увидел столбы черного дыма, поднимающегося высоко в небо.

«Смотри! Смотри!» — закричал Сакамаки своему напарнику.

Матрос Инагаки был вне себя от радости.

«Правь теперь на этот дым!» — кричал он командиру.

Они считали, что кто-то из их товарищей прорвался в гавань и подорвал американские корабли. Ударив друг друга по плечам, они твердо решили сделать то же самое!

Глава 9

«В ВОЕННОЕ ВРЕМЯ ГАЛСТУК НЕ ПОЛОЖЕН»

С эсминца «Бриз» заметили ее первыми. С мостика старого миноносца-минзага, стоявшего на якоре у набережной Перл-Сити, ясно увидели рубку подводной лодки, появившуюся с западной стороны острова Форд около восьми тридцати. С авиатранспортов «Медуза» и «Картис» ее заметили несколькими минутами позже. На всех трех мачтах почти одновременно взвились сигналы, предупреждающие о новой опасности.

На эскадренном миноносце «Монегхен» сразу же заметили эти сигналы. Эсминец — первый корабль, давший ход во время налета — медленно шел по направлению к входному каналу. В этот момент сигнальщик доложил капитану 2 ранга Барфорду:

«Командир! Сигнал на «Картисе»: «Вижу подводную лодку с правого борта!»»

Капитан 2 ранга Барфорд пытался объяснить, что это, вероятно, ошибка. Мало ли что может почудиться в таком хаосе, среди обломков и горящих кораблей.

— О'кей, командир! — крикнул сигнальщик,

— тогда что это прыгает у нас прямо по курсу, похожее на плавающую двустволку?

Командир взгляделся через стелящийся по воде дым и с изумлением увидел маленькую подводную лодку в нескольких сотнях метров по носу, идущую в надводном положении прямо на них. В ее носовой части были ясно различимы два торпедных аппарата, но не по бортам, как обычно, а один над другим. Казалось, что они были нацелены прямо на эсминец. По лодке уже вели огонь с авиатранспортов. Было восемь часов сорок минут. «Монегхен» выстрелил по лодке из носового орудия, но промахнулся и попал в деррик-кран на берегу.

К счастью, подводная лодка промахнулась тоже. Одна торпеда, предназначенная «Картису», видимо, где-то затонула. Вторая, нацеленная на набирающий ход «Монегхен», прошла мимо эсминца и взорвалась на берегу острова Форд.

Осыпая лодку снарядами, Барфорд повел эсминец на таран. Ему не удалось врезаться форштевнем прямо в рубку. Он только слегка задел ее, но этого было достаточно, чтобы лодку развернуло, подняло и ударило о борт эсминца. Старшина Хердон поставил глубинные бомбы на десятиметровую отметку и начал их сброс, как только лодка закрутилась в кильватерной струе «Монегхена». Подняв тучи воды и ила, бомбы взорвались с ужасающим грохотом, полностью уничтожив лодку и сбив почти всех с ног на палубе эсминца. Дав в пылу атаки полный ход, «Монегхен» уже не мог совершить намеченный разворот в выходной канал и вылетел на берег,

свалив на бок деррик-кран, горевший от попадания в него первого снаряда. Дав задний ход, капитан 2 ранга Барфорд снял корабль с мели, развернулся и пошел к выходу в море, приветствуемый с других кораблей, мимо которых проходил его эсминец.

В этот момент на всей базе стал наблюдаться резкий подъем настроения у людей. Появились даже признаки какой-то бравады и дерзости.

Несколько матросов с «Хелены» побежали к разбитой автолавке на берегу, чтобы набрать там бесплатно мороженого и бисквитов.

На эсминце «Уайтни» некоторые моряки убегали со своих мест по боевому расписанию, чтобы пострелять из автоматов по самолетам. Когда пулеметчики с эсминца «Блю» подбили японский самолет, все остальные, бросив работу, стали прыгать, танцевать и обмениваться рукопожатиями.

Странное возбуждение охватило расчеты орудий и пулеметов. Еще не зная, что такое война, моряки сравнивали свои ощущения с футбольными страстями. У артиллериста морской пехоты Макданиэля звенело в ушах, как во время прорыва к воротам противника на поле. Лейтенант Мартин Барн с крейсера «Феникс» чувствовал себя, как во время свалки в регби. Когда огнем с крейсеров «Гонолулу» и «Сент-Луис» был подбит японец, восторженные крики, которые неслись с этих кораблей, могли сравниться, по мнению машиниста Роберта Уайта, только с бурей над стадионом, когда сборная флота забивала гол в ворота сборной армии. И действительно-

но, когда артиллеристы морской пехоты с крейсера «Хелена» сбили самолет противника, капитан 1 ранга Боб Инглиш крикнул им с мостика: «Команда морской пехоты забила гол!»

В этом возбуждении многие совершали, казалось, невозможное. Матрос с линкора «Теннесси» Вудро Байли одним ударом перерубил десятидюймовый стальной трос. На «Пенсильвании» командир расчета 5-дюймового орудия с двумя матросами вел огонь быстрее, чем полагалось по нормативу расчета из пятнадцати человек. На «Селфридже» матрос Кеннет Карлсон пулей взбирался по вертикальным трапам, неся на плечах две снаряженные ленты для пулеметов калибром 12,7 мм. Обычно он с трудом таскал одну ленту, которая весила почти сорок килограммов.

С линкора «Теннесси» пятидюймовки били с такой скоростью, что краска с их стволов стала сползать и закручиваться длинными лентами. Пулеметные стволы накаливались докрасна.

Поэтому, когда в восемь сорок над Перл-Харбором появилась вторая ударная волна японских самолетов, ведомая капитаном 3 ранга Шигекацу Шимазаки, ее ждала горячая встреча.

На этот раз торпедоносцев не было: только пятьдесят четыре высотных бомбардировщика, восемьдесят пикировщиков и тридцать шесть истребителей. Высотные бомбардировщики должны были еще раз бомбить аэродром Хикэм и базу летающих лодок Канэохе, но пикирующие бомбардировщики устремились к Перл-Харбору, ища до сих пор не уничтоженные цели.

Новые 20-миллиметровые зенитные ав-

томаты линкора «Мэриленд» и крейсера «Хелена» встретили их шквальным огнем, сразу сбив троих.

Один бомбардировщик упал около острова Форд у причала, где обычно стоял «Танжер». Второй рухнул в море недалеко от «Невады». Третий — вблизи городской набережной, около эсминца «Монтгомери», причем, не упал, а спланировал на воду. С эсминца послали к нему шлюпку с матросом Калкинсом. Пилот японского бомбардировщика вылез на крыло, но когда шлюпка подошла ближе, выхватил пистолет. Калкинс успел выстрелить первым.

В ярости и возбуждении с кораблей обстреливали все, что появлялось в воздухе, не делая никакого различия между своими и чужими самолетами. Это уже испытали на своей шкуре «летающие крепости». Подобная встреча ожидала и восемнадцать самолетов, поднявшихся с палубы возвращающегося на базу авианосца «Энтерпрайз».

Авианосец возвращался из похода к атоллу Уэйк, рассчитывая прибыть в Перл-Харбор в семь тридцать. Однако, бурное море не позволило вовремя дозаправить топливом эсминцы сопровождения, и в шесть пятнадцать «Энтерпрайз» находился еще в двухстах милях западнее Оаху.

На рассвете, как обычно, с авианосца вылетел боевой воздушный патруль — тринадцать машин из 6-й разведэскадрильи, четыре — из 6-й бомбардировочной и один специальный самолет-разведчик. Они должны были разведать обстановку в 180-градусном секторе впереди корабля и

сесть на острове Форд. Лейтенант Клео Добсон и другие женатые пилоты были очень рады этому. Они не могли уехать в город до прихода «Энтерпрайза» на базу, но, по крайней мере, получали возможность позвонить своим женам по телефону.

Машины разошлись по своим направлениям, чтобы сойтись вблизи базы. Около восьми часов они услышали по радио лейтенанта Мануэля Гонзалеса:

«Не стреляйте! Я свой!»

Больше лейтенанта никто не видел.

Машина лейтенанта Патриарка подошла к острову с севера. Еще издали он заметил много самолетов, кружащихся над гаванью. Сначала он подумал, что армия устроила какие-то маневры, но, подлетев поближе, понял, в чем дело. Резко развернув машину в сторону моря, лейтенант несколько раз прокричал по радио:

«Белый-16! Атака на Перл-Харбор! Подтвердите прием!»

Он направился обратно на «Энтерпрайз», но авианосец к этому времени изменил курс, и летчик его не нашел. Израсходовав горючее, пилот совершил аварийную посадку в поле на островке Кауи.

Для некоторых предупреждение пришло слишком поздно. Японские истребители уничтожили машины лейтенантов Бада Маккарти, Джона Воугта и Уолтера Виллиса. Только Маккарти удалось выброситься с парашютом. Свои же зенитчики сбили самолет лейтенанта Эдварда Дикона. Машина рухнула в море, но Дикону и его

хвостовому стрелку удалось спастись. Затем «Зеро» поджег машину лейтенанта Кларенса Дикинсона. Хвостовой стрелок был убит, а летчику удалось выпрыгнуть с парашютом. Приземлившись в грязь западнее аэродрома Эва, Дикинсон выбрался на шоссе, надеясь добраться до Перл-Харбора на какой-нибудь попутной машине.

Остальные пилоты разными способами пробились на аэродром острова Форд или на авиабазу Эва.

Лейтенант Эрл Галлахер появился над Перл-Харбором примерно в восемь тридцать пять, понял, что дело безнадежно, и направился на аэродром Эва. Оказавшийся рядом с ним лейтенант Добсон полетел следом. Когда они приземлились, к ним подбежал морской пехотинец, крича: «Ради Бога, скорее взлетайте или вас уничтожат прямо здесь!» Они взлетели снова, прокружились минут пять и направлись к острову Форд, когда, как им показалось, там стало чуть поспокойнее.

Когда лейтенант Добсон, выпустив шасси, пошел на посадку, по нему стреляло все, что могло стрелять. Со всех сторон к его машине неслись трассирующие пули. Двадцатимиллиметровый снаряд взорвался под его правым крылом, бросив самолет в сторону. Покинув свое кресло, Добсон спрятался за мотором и нырнул на полосу. Он думал, что покрышки его шасси разлетятся во все стороны, когда его машина коснулась полосы со скоростью, на пятьдесят миль в час превышающей посадочную. Проскочив всю взлетку, самолет скапотировал и остановился у

самой канавы. Все обошлось хорошо.

А в водах, омывающих остров Форд, невзирая на бомбежку и обстрел, сновала целая флотилия самых разнообразных плавсредств, лавируя между озерами горящего мазута, подбирая выброшенных за борт моряков и помогая кораблям бороться с пожарами.

Боцман Гусчен маневрировал на катере адмирала Лири с профессиональным искусством, присущем адмиральскому рулевому. Музыкант Уолтер Фрези, никогда до этого не управлявший катером, стоял на руле моторного баркаса с «Аргонь», спасая барахтающихся вокруг. Главстаршина Янсен подвел свою мусороуборочную баржу к борту севшей на грунт «Вест-Вирджинии», перекинув на линкор пожарные шланги.

Даже команда водоналивной баржи решила реабилитировать свою прошлую репутацию. Все боевые корабли норовили получить побольше пресной воды, сверх положенной им квоты. Команда баржи не возражала, если корабль давал ей что-нибудь взамен. Обычно за лишние три тонны воды баржа требовала большую хорошо поджаренную индейку, шестьдесят дюжин яиц или что-нибудь еще по мелочам: шоколад, сигареты и прочее. За день до этого была получена дань с авиатранспорта «Картис». В момент японского нападения индейка разогревалась на плите. Теперь же, оставив все мысли о пиршестве, баржа кинулась спасать утопающих.

К сожалению, они не могли никого спасти на самих кораблях. В одном из горящих коридоров линкора «Калифорния» старшина-радист Томас

Ривс подавал вручную боезапас наверх, пока не упал без сознания и умер. Примерно в восемь часов двадцать пять минут корабль получил очень тяжелое повреждение от авиабомбы, и теперь на второй палубе бушевал пожар. В бушующем огне упал изуродованный осколком младший лейтенант Герберт Джонс. Бросившимся к нему морякам он велел покинуть горящее помещение, прибавив, что «все равно умрет».

На мостике танкера «Неошо», стоящего между «Калифорнией» и другими линкорами, капитан 2 ранга Джон Филлипс решил вывести судно из района бушующего огня. Медленно отвалив от причала, танкер пошел к нефтегавани на противоположном берегу. Японцы обращали на танкер мало внимания. Один истребитель, пролетая над ним, даже прекратил огонь, экономя боеприпасы для чего-нибудь более ценного. Он бы очень пожалел об этом, если бы знал, что «Неошо» по самые горловины был заполнен высокооктановым авиационным бензином.

А на перевернувшейся «Оклахоме» бороться уже было не за что. Оставалось только спасаться. Сержант морской пехоты Томас Хайли добрался до острова Форд, где вызвался добровольцем слетать на разведку на маленьком безоружном самолетике. Ему дали винтовку и отправили в полет с задачей обнаружить японский флот. Обнаружить японцев не удалось, и самолет через пять часов вернулся обратно. Хайли не очень уютно чувствовал себя в полете, поскольку был одет в пропитанное мазутом нижнее белье, в котором он спасся с «Оклахомы».

Большая часть уцелевших перебралась на «Мэриленд». Перед старшиной комендоров Маккейном с «Мэриленда» неожиданно возник какой-то матрос, с головы до ног в мазуте, спросивший: «Чем мы можем помочь, старшина?» А сержант морской пехоты Лео Вирс, никого не спрашивая, встал к одному из орудий, в расчете которого явно не хватало людей. Лейтенант Билл Ингрем встал к другому орудию, у которого был не полный расчет. С мостика послали рассыльного, который, подбежав к Ингрему, передал, что на «Мэриленде» офицер во время боя должен быть в фуражке. Очень много фуражек лежало вокруг на палубе. Ингрем одел одну из них, дружески помахав рукой в направлении мостика.

Моряки самого «Мэриленда» сражались, как дьяволы. Вестовой Байнес, выпущенный из карцера, где он сидел за драку на берегу с какими-то гражданскими парнями, доставлял наверх снаряды, пока не упал, потеряв сознание. Огромный сержант морской пехоты по прозвищу «Крошка» вручную поворачивал пятидюймовое орудие, когда вышла из строя гидравлическая система. Люди обливались потом, теряя сознание от нестерпимой жары. Пламя бушевало перед ними, над ними, вокруг них от горящих «Вест-Вирджинии» и «Аризоны». В такой обстановке старшина Джордж Хейтл был дико удивлен, когда какой-то офицер подлетел к их орудию, грозя пристрелить любого, кого увидит курящим.

Моряки «Вест-Вирджинии» были еще более удивлены приказом не курить. Линкор представлял из себя море огня. Повсюду рвались боепри-

пасы, пули и снаряды свистели со всех сторон. Вся корма до надстройки была закрыта клубами густого черного дыма. Был дан приказ оставить корабль. Верхняя палуба носовой части линкора была на уровне воды, когда лейтенант Томас Ломбарди вернулся около восьми пятидесяти из увольнения на борт. Он шагнул на палубу, не веря своим глазам: неужели это место, где вперемешку лежали трупы, обломки, кровавые тряпки и разный, пропитанный мазутом хлам, и есть та самая вымытая до белизны палуба линкора, которую он покинул накануне вечером?

Ничего в жизни более страшного ему не приходилось видеть. Все это было еще более дико, потому что лейтенант прибыл с берега, одетый в смокинг, белую рубашку с галстуком бабочкой, а на ногах — лакированные туфли. Он бросился помогать раненым, мечтая хотя бы сменить свои лакированные полуботинки. И тут — о, чудо! — он увидел на палубе чьи-то резиновые сапоги. Еще большим чудом было то, что они ему подошли — лейтенант был матерым футболистом, имел могучее сложение и соответствующий размер ноги.

На сигнальном мостике лейтенанту Делано тоже подвалило счастье: он нашел чью-то каску и она ему оказалась впору. Одев каску, офицер проверил спаренный пулемет, установленный на крыше боевой рубки. Пулемет действовал. Делано составил для него расчет из одного юного офицера, матроса и вестового Дориса Майлера. Двое должны были стрелять, а Дорис Майлер — подносить патроны. Но не успел Делано отвер-

нуться, как Майлер со счастливым видом подско- чил к пулемету и дал длинную очередь. Никогда ранее не стрелявший из пулемета негр-вестовой мог стать опаснее японца. Но он так радовался, что лейтенант Делано удивился, увидев второй раз в жизни улыбку на лице черного гиганта. Первый раз это было, когда Майлер, выступая за команду «Вест-Вирджинии», стал чемпионом флота по боксу в тяжелом весе.

Внезапно все с криком бросились к борту, показывая на северный конец «линкорного ряда». В начале никто не мог понять, что происходит. «Невада»! Огромный линкор зашевелился, дал ход и двинулся к выходу из гавани, гордо разме- тая носом горящие плавающие обломки.

Это казалось невероятным.

Обычно линкору необходимы были два с половиной часа, чтобы поднять пары; четыре буксира, чтобы развернуть его в сторону канала и поставить на фарватер; а также командир, что- бы руководить всем этим сложнейшим делом. Каждый знал это. Тем не менее, «Невада», под- няв пары за сорок пять минут, дала ход, развер- нувшись без буксиров и без командира. Как же это удалось?

Линкору повезло: у него под парами оказа- лись два котла. Один работал с самого утра, обеспечивая корабль энергией. Лейтенант Тос- сидж, сдавая вахту, приказал разжечь второй котел, чтобы сменить уже работавший. Это было последнее распоряжение по линкору в мирное время. Теперь оно дало свои результаты, позво- лив; благодаря самоотверженной работе всей

машинной вахты, выиграть почти два часа.

Четыре буксира, необходимых для вывода линкора из гавани, мог частично компенсировать хороший рулевой. На «Неваде» был супер-рулевой — главстаршина Роберт Синдберри.

То же самое обстояло и с руководством. Командир линкора капитан 1 ранга Скенленд и его старпом находились на берегу. Командование линкором принял капитан 3 ранга Френсис Томас — пожилой резервист, оказавшийся старшим офицером на борту.

Старший боцман мичман Эдвин Хилл, спрыгнув на причал, отдал швартовы. Корабль сразу же стало относить течением от причальной тумбы. Хилл прыгнул в воду, чтобы вернуться на линкор. После двадцати лет службы на флоте он не хотел, чтобы корабль сделал свой первый боевой выход без него.

В рулевой рубке главстаршина Сидберри табанил «Неваду», пока линкор не коснулся дренажной трубы, идущей с острова Форд. Тогда машинами правого борта дали ход вперед, продолжая работать назад левой машиной, медленно разворачивая нос в сторону от пылающей «Аризоны». Затем всеми машинами дали ход вперед, положив руль вправо, отводя корму немного влево. Идя малым ходом, «Невада» прошла настолько близко от горящей «Аризоны», что капитан 3 ранга Томас считал, что мог бы прикурить от языков пламени, тянувшихся к мостику линкора.

Тысячи глаз с волнением смотрели над давший ход линейный корабль, медленно плывущий

через языки пламени и клубы дыма с огромным флагом США на корме. Многие вспомнили, что именно при подобных обстоятельствах Френсис Скотт Кей вдохновился на слова национального гимна:

«И видит враг наш звездный флаг под небом голубым!»

Враг действительно видел.

Казалось, что все японские самолеты, находящиеся над Перл-Харбором, ринулись на «Неваду», бросив заниматься другими целями. Вскоре линкор весь закрылся клубами дыма: от огня собственных орудий, от попаданий бомб, от пожаров, разгорающихся в носовой части корабля и на миделе.

Высокие столбы воды от близких разрывов бомб вздымались высоко в воздух, медленно оседая и придавая всей этой эпической картине какой-то мистический оттенок.

С мостика «Вест-Вирджинии» лейтенант Делано наблюдал страшный взрыв, грохнувший откуда-то из глубин корабля, поднявший выше мачт языки пламени и летящие обломки. Огромный корабль подбросило в воде и закачало с борта на борт, как мыльницу.

Еще одно попадание в палубу правого борта уничтожило весь расчет зенитного орудия, убив также четырех комендоров другого орудия, распложенного дальше к носу. Трое уцелевших продолжали вести огонь, работая за семерых.

Командир расчета старшина Роберт Линартц, получивший ранение, выполнял обязанности и установщика прицела, и наводчика, и заряжающего.

С нижних боевых постов матросы посылались наверх, чтобы заполнить убыль комендоров. Многие делали это охотно, предпочитая умереть под бомбами на верхней палубе, чем задохнуться от дыма и газов внизу. По виду других было заметно, что в любом случае они предпочитают иметь между собой и бомбами несколько боевых палуб. Но все подчинялись беспрекословно. Вся сложная система дисциплины, учений, знаков различия, ритуалов, суровых учебных будней была направлена именно на это — посылать на смерть и быть готовым умереть самому. Это была самая настоящая автократия, но иначе флот был бы не в состоянии действовать в боевой обстановке.

«Невада» сумела уже далеко отойти от линкорного ряда», когда на ее пути встала новая преграда. Добрая половина канала была блокирована трубопроводом, идущим с острова Форд на плавучий трубопровод «Турбина», стоящий чуть ли не в середине фарватера. Каким-то шестым чувством главстаршине Сидберри удалось провести линкор между рефулером и берегом.

Это было маленькое навигационное чудо — таково было мнение Огаста Пирсона — капитана рефулера. Командование всегда заставляло его при проходе линкоров частично демонтировать трубопровод, ссылаясь на недостаток пространства. Пирсон спорил, утверждая, что, если захотеть, то можно пройти, не демонтируя труб. Теперь он убедился, что был прав.

Японцы, очевидно, надеялись утопить «Неваду» прямо в канале и тем самым заблокировать

в гавани весь флот. Наблюдателям с берега казалось, что противник может преуспеть в этом деле.

На сигнальной мачте водокачки взвились флаги, приказывающие «Неваде» уйти с фарватера. Несмотря на то, что все на «Неваде» стремились вывести линкор в море, приказ есть приказ. Капитан 3 ранга Томас остановил машины и направил корабль к мысу Госпитальный на южном берегу. Ветер и течение подхватили корму линкора и посадили ее на грунт. Старший боцман Хилл, всего полчаса назад отдавший швартовы, побежал на нос, чтобы отдать якорь. В этот момент еще одна волна самолетов зашла на корабль и три бомбы взорвались вблизи носа «Невады». Капитан 3 ранга Томас видел с мостика, как в страшной вспышке взрыва исчез Хилл, хлопотавший у шпилей.

Было уже девять часов утра и настал час для кораблей в сухом доке № 1, который занимали линкор «Пенсильвания» и эсминцы «Кассин» с «Даунсом», стоявшие на кильблоках борт о борт. Несколько западнее их в плавдоке ремонтировался эсминец «Шоу».

Высокие стенки дома мешали наблюдателям на палубах, ограничивая обзор. Это сразу заметил Джордж Уолтерс — гражданский крановщик, чей кран ходил по рельсам, проложенным вдоль стенки дока. С почти двадцатиметровой высоты Уолтерс из своей кабины видел всю базу, как на ладони. Он наблюдал, как первые японские самолеты спикировали на остров Форд.

Подобно многим другим, Уолтерс сначала

подумал, что это учения, но, увидев пылающие и взрывающиеся «Каталины», понял все. Взглянув вниз на загорающих вдоль палубы матросов «Пенсильвании» и эсминцев, крановщик сообразил, что те еще ничего не знают. Он стал кричать им, но никто не обратил на него внимания. Тогда он бросил в них гаечным ключом, но это вызвало только злые крики в его адрес. Его поняли только тогда, когда все вокруг запылало от попадания бомб и торпед.

Когда японцы наконец решили заняться «Пенсильванией», Уолтерс изобрел уникальный способ противоздушной обороны. Водя свой башенный кран вдоль стоявшего в доке линкора, Уолтерс надеялся прикрыть корабль, подставляя свой кран под низко летящие пикировщики и заставляя их уходить с боевого курса. Это был, пожалуй, единственный случай в истории, когда башенный кран напал на пикирующие бомбардировщики.

Поначалу вступление в бой Уолтерса на своем кране приводило в ярость зенитчиков на «Пенсильвании». Он мешал им целиться. Но затем они поняли, что движения крана, по крайней мере, указывают им то направление, откуда нужно ожидать появления очередного самолета противника. Это позволяло им заранее навести орудия в нужном направлении. Взрыв бомбы вывел кран из строя, не дав Уолтерсу окончательно стать героем.

Впрочем, это уже не имело реального значение, самолеты пикировали на док со всех направлений. Бомбы сыпались дождем. Командир «Пен-

силывании» капитан 1 ранга Чарльз Кук стал беспокоиться о воротах дока. Если они будут разрушены прямым попаданием, то хлынувшая в док вода бросит линкор прямо на стоящие впереди эсминцы. Чтобы принять меры на этот случай, Кук приказал частично затопить док и послал капитана 3 ранга Джемса Крейга обтянуть швартовые концы. Крейг руководил этой работой с присущим старпому искусством, не обращая внимания на свистящие вокруг него пули. Казалось, что подобная обстановка ему даже нравится. Старпом вернулся со стенки дока на корабль в девять часов шесть минут и был тут же убит взрывом 250-килограммовой бомбы, попавшей в каземат правого борта, через который он шел.

Старшина Роберт Джонс ринулся помочь людям, пострадавшим от взрыва этой бомбы. Прошептав молитву, он накрыл одеялом одного матроса, совершенно явно выглядевшего мертвецом. Но тут матрос двумя руками стянул с себя одеяло и жалобным голосом спросил: «Я уже умер? Да?»

В разгар боя из какого-то помещения линкора доносилась музыка проигрывателя. В начале атаки кто-то поставил пластинку и забыл об этом. Теперь, когда над «Пенсильванией» буквально разверзлись небеса, над кораблем в бесконечном повторении снова и снова звучала мелодия Гленна Миллера из «Серенады Солнечной Долины».

Стоявшие впереди «Пенсильвании» эсминцы «Кассин» и «Даунс», казалось, получали все бом-

бы, которые не попадали в линкор. В один эсминец бомба угодила в 9.06, во второй — в 9.15.

Ко времени, когда док был затоплен, на обоих кораблях разгорелся сильный пожар. Взрывы рвали и гофрировали их палубы, а в 9.37 снап взлетевшего вверх огня, казалось, разорвал «Кассин» на части. Подкинутый на кильблоках эсминец, резко накренился на правый борт и с диким скрежетом ломающейся стали медленно повалился на «Даунс». Матрос Юджин Маккарти, опомнившись от ужаса при виде падающего на него корабля, бросился по сходне на стенку дока. В этот момент еще одна бомба взорвалась позади него, сбросив сходню на дно дока. Маккарти успел подхватить бегущего за ним товарища, но два других сорвались, исчезнув в кипящем и пылающем котле.

С «Пенсильвании» видели, как одинокий матрос на горящей со всех сторон палубе «Даунса» продолжал вести огонь из пулемета по самолетам противника. Никто не мог понять, как он еще может держаться в такой жаре. Наконец он упал на колени, и пламя полностью поглотило его.

Эсминцу «Шоу» в плавдоке пришлось еще хуже. В девять часов двенадцать минут бомба попала ему в полубак, взорвав погреба носовых орудий. Небывалый, фантастический взрыв поднялся над кораблем и над всей базой. В какой-то мере это напоминало фейерверк в честь Дня Независимости 4 июля, но было гораздо масштабнее. В небо поднялся огромный огненный шар. Пылающие и взрывающиеся обломки опи-

сывали в небе гигантские траектории, оставляя за собой следы белого дыма. Снова все отвлеклись от своих дел, не в силах оторвать глаза от этой картины.

Матрос Эд Вашкевич наблюдал взрыв с причала гидросамолетов на острове Форд, почти в полумиле от плавдока. Видя взметнувшиеся к небу снопы взрывающегося огня, Вашкевич радовался, что находится далеко от этого страшного места. Радовался, пока не взглянул в небо, где увидел, как один из пятидюймовых снарядов эсминца «Шоу», крутясь в воздухе, несется с огромной скоростью прямо на него. Он успел нырнуть под пожарную машину, когда снаряд ударил в бетонный причал всего в паре метров от него. К счастью, снаряд не взорвался, протанцевал, отскакивая от бетона, примерно сотню метров и с лязгом врезался в стену ангара.

Лейтенант Дэвид Кинг смотрел на этот «фейерверк» с кормового мостика крейсера «Хелена». Летящие по воздуху части орудий, матрасы и тела людей напомнили ему аттракцион из кукол и клоунов, которыми стреляют из огромной пушки в цирке. Только здесь не было страховочной сетки.

К этому времени бомбардировщики набросились на гидроавиатранспорт «Картис». Зенитчики корабли подбили один самолет, тот врезался в кран для подъема гидросамолетов на правом берегу, став, возможно, первым камикадзе в войне. На транспорте вспыхнул сильный пожар, а бомбы продолжали сыпаться вокруг него.

С мостика подбитого крейсера «Релей» капи-

тан 1 ранга Симонс отметил время, когда самолет противника врезался в «Картис». Было девять часов десять минут. Именно в этот момент на крейсер спикировал самолет, сбросив две бомбы. Первая прошла мимо, но вторая была нацелена точно. Она попала в корму между двух зенитных орудий, разбросав снаряды первых выстрелов, прошла через столярную мастерскую, через койку палубой ниже, сквозь топливную цистерну, через днище корабля и взорвалась на грунте.

«Релей» стоял с сильным креном на левый борт и в течение всего боя принимались экстренные меры для того, чтобы крейсер не опрокинулся. Для повышения устойчивости корабля, с палубы и верхних надстроек убрали все, что только можно. Самолеты были выпущены в разведывательный полет с приказом на крейсер не возвращаться. Затем на борт были выброшены катапульты, торпедные аппараты, торпеды, подъемные стрелы, шлюпбалки, шлюпки, катера, расклепаны якорь-цепи и т. п.

Назначенный командиром старшина тщательно записывал и зарисовывал, что куда выброшено, чтобы позднее отыскать и вернуть на корабль. Из Морского арсенала удалось добыть дополнительную помпу. Еще одну прислали с «Медузы». Забили пробковыми поясами пробойны. Подвели четыре понтона и пришвартовали с другого борта лихтер. Симонс нашел даже время послать своего плотника Теллина в помощь капитану 3 ранга Айсквиту расследовать, что за таинственные шумы доносятся из корпуса перевернувшейся «Юты». Плотник взял с собой

инструменты и ацетиленовую горелку.

На противоположной стороне бухты эсминец «Блю», разведя наконец пары, отдал швартовы и медленно пошел к выходу из гавани. Когда они проходили «линкорный ряд», машинист Чарльз Иттер бросил несколько спасательных концов все еще барахтавшимся в мазуте морякам. Некоторые быстро взбирались на борт, но другие, не имея сил этого сделать, повисали на концах и срывались снова в черноту мазута и масла. Не было времени остановиться и подобрать их всех.

Люди на горящих обломках кораблей тоже что-то кричали на «Блю» и другие эсминцы, но те один за другим проходили мимо. Подняв достаточно паров, эсминцы, не дожидаясь своих командиров, находящихся на берегу, начали уходить из гавани.

«Блю» шел под командованием младшего лейтенанта Натана Эшера. Весь офицерский состав корабля представляли три младших лейтенанта. Эсминцем «Олвин» управлял двадцатилетний младший лейтенант Стенли Каплан — резервист из Мичиганского университета.

На внешнем рейде, ожидая подкреплений, наблюдал за горизонтом старшина Френк Хандлер. Уже около сорока долгих минут «Хелм» и «Уорд» одни находились на подступах к Перл-Харбору. Все были готовые к тому, что на горизонте сейчас появится весь японский флот. Так когда же придет подмога?

Первым выскочившим на полном ходу из канала был эсминец «Монегхен», еще разгоряченный боем со сверхмалой подводной лодкой. Было

ровно девять часов утра. Затем появились «Дейл», «Блю», «Хинли», «Фелпс»... Не так много, конечно, чтобы начать сражение с японским флотом. Но ведь за ними последуют и другие.

С лязгом и треском специальный, отделанный красным деревом, трап адмирала Лири перелетел через борт крейсера «Гонолулу» и разломился пополам, ударившись о бетон стенки. Он стал первым предметом из тех, что выкинули с крейсера, когда пришел приказ приготовиться к бою и избавиться от всех ненужных вещей на борту.

Крейсера «Гонолулу» и «Сент-Луис» стояли, пришвартованные друг к другу, у одного из причалов Морского арсенала. Они начали отдавать швартовы, когда на них обрушились пикирующие бомбардировщики. Бомба попала в причал, отколошила от бетона и взорвалась, ударив в борт крейсера «Гонолулу», сделала вмятину в броневой плите и пробила топливную цистерну. В общем, ничего особенного. Но в суматохе кто-то из матросов отсоединил электрокабель, дающий ток с берега. «Гонолулу» же стоял без паров, не имея собственной энергии. Как только отсоединили кабель, на крейсере погас свет и вышло из строя все электрооборудование, необходимое для действия орудий.

То же самое произошло на крейсере «Новый Орлеан», стоявшем у соседнего пирса. Но там кабель перебило осколками. Погас свет, остановились элеваторы подачи снарядов. Обливаясь потом, в полной темноте матросы организовали живую цепь для подачи снарядов наверх. Капел-

лан крейсера пытался сделать все, чтобы подбодрить людей, раздавая им яблоки и апельсины, призывая «молиться Богу и таскать снаряды».

К счастью, никто не отсоединил силовой кабель от крейсера «Сент-Луис». Трап отрезали ацетиленом, отверстие от водяного шланга заварили, и девять часов тридцать одну минуту командир крейсера капитан 1 ранга Джордж Руд дал звонок в машинное отделение. Медленно, задним ходом корабль стал отходить от причала, став первым крейсером, давшим ход после нападения. Это заметили и японцы. Со всех сторон на корабль ринулись пикировщики. Захлебывались от огня зенитные орудия. Столбы воды от близких разрывов бомб обрушивались на корабль. По палубе и надстройкам хлестали крупнокалиберные очереди.

В этот момент капитан 1 ранга Руд вызвал с мостика кают-компанию и попросил принести ему стакан воды. Невзирая на обстрел и бомбежку, вестовой Говард Миерс, неся стакан на подносе, поднялся по открытому трапу на мостик и как положено обслужил командира. Матросы на «Сент-Луисе» готовы были сделать все что угодно для своего командира.

А между тем, захваченные налетом на берегу моряки делали все возможное, чтобы добраться до своих кораблей. Адмирал Андерсон мчался в Перл-Харбор на служебной автомашине, игнорируя все красные светофоры. Адмиралы Пай и Лири одолжили грузовичок у менеджера

отеля «Халекулани». Адмирал Пай, увидев в небе бомбардировщик Б-17, крикнул адмиралу Лири: «Смотрите! Они даже написали на своих самолетах «Армия США»!»

Лейтенант Малькольм с «Аризоны» вместе с приютившим его на ночь капитаном Эмерсоном неся в порт на машине старого доктора. Когда стрелка спидометра показала восемьдесят миль, старый капитан тронул лейтенанта за плечо: «Сбавь скорость, малыш. Совсем глупо погибнуть в автокатастрофе, не доехав до базы».

Все такси города и частные машины были наняты высыпающими из различных ночных заведений моряками и неслись сейчас по дороге к базе.

Никаких такси, конечно, не было на той пыльной проселочной дороге, куда выбрался лейтенант Кларенс Дикинсон, выбросившийся с парашютом из горящего самолета.

Случайно мимо него проезжал голубой седан с супругами Хайн, ехавшими на аэродром Эва позавтракать с друзьями, ничего не ведая о том, что произошло сегодня утром. Им потребовалось несколько минут, чтобы понять, что этот перемазанный грязью человек с дикими глазами и закопченным лицом не бродяга, а сбитый летчик. Сначала они хотели отделаться от него, уверяя, что у них нет времени, но, поняв в чем дело, не говоря ни слова, посадили пилота в машину и помчались в Перл-Харбор.

Когда они подъезжали к базе, очередь с самолета подождла машину впереди них. Отто Хайн, держа одну руку на руле, другой ласково

пригнул голову своей жены под ветровое стекло.

Сотни автомобилей забили дорогу, ведущую к Перл-Харбору, медленно продвигаясь буквально бампер к бамперу и поминутно останавливаясь. Машины двигались двумя колоннами, заняв и полосу встречного движения. В одной из колонн был зажат автомобиль капитана 2 ранга Джерри Вилтса — командира крейсера «Детройт». В машине рядом пробивался на свой корабль какой-то старшина-сверхсрочник с сидевшей рядом женой. Увидев, что колонна Вилтса начала движение, старшина выскочил из своей машины и прыгнул в машину капитана 2 ранга, провожаемый криком жены: «Ты забыл, что я не умею водить машину?»

Недалеко от главных ворот базы капитан 2 ранга Вилтс посадил к себе летчика, бегущего вдоль дороги. Это был лейтенант Дикинсон, который распрощался с голубым седаном Хайнов у аэродрома Хикэм, когда увидел, какая пробка машин образовалась на пути к базе. На причале Дикинсон нашел какую-то лодку, взявшуюся отвезти его на остров Форд. Пробка же на главной дороге становилась совершенно непреодолимой. Наконец капитан 1 ранга Эрл — командир 1-й флотилии эскадренных миноносцев — выскочил из машины и сказал полицейскому регулировщику, чтобы все машины, не имеющие пропусков в Перл-Харбор, были сброшены в кювет. К его удивлению, полицейский немедленно подчинился.

Годами между флотом и местной полицией существовали натянутые, если не враждебные,

отношения. Так что согласие полицейского осталось в памяти капитана 1 ранга единственным приятным воспоминанием от этого дня.

Добравшись наконец до Военно-морского арсенала, капитан 1 ранга Эрл аккуратно поставил машину на выделенную флотилии автостоянку, тщательно запер ее и пошел на пирс. Пирс был заполнен людьми, стремящимися добраться до своих кораблей, пытающимися узнать, где их корабли, а в некоторых случаях — силящимися осознать тот факт, что их кораблей больше не существует. Капитан 2 ранга Луис Пакетт с четырьмя другими офицерами «Аризоны» сидели на траве недалеко от причала, не зная, что им делать дальше.

Поток шлюпок, лодок и баркасов перевозил людей на корабли и остров Форд, не обращая внимание на постоянный обстрел с воздуха. Капитан 2 ранга Макисаак — командир эсминца «Макдонаф» — подбросил до линкора «Мэриленд» на своем катере адмирала Андерсона. Адмирал удивлялся мужеству и оптимизму моряков, заполнивших катер. Макисаак, в свою очередь, был поражен хладнокровием адмирала — тот даже нес с собой любимый саквояж, с которым всегда отправлялся на берег.

Не у всех была возможность проявить такое же хладнокровие. Пикирующий бомбардировщик пронесся на бреющем полете над шлюпкой Боса, предлагая всем выбор, либо броситься за борт, либо поисковать судьбу и остаться. Бос предпочел остаться, и пулеметная очередь прошла буквально в дюйме от него.

Осколки продырявили баркас, который матрос Джо Смит вел к эсминцу «Дейл». Моряки выбрались на старый угольный пирс, разыскали новую лодку и отправились на ней в море догнать свой эсминец. Но так и не нашли его.

Не смог этого сделать и командир эсминца «Олвин» капитан 3 ранга Роджерс, пытавшийся догнать младшего лейтенанта Каплана на моторном катере.

Все в порядке было только с их командиром флотилии капитаном 1 ранга Эрлом, который, добираясь до Перл-Харбора, мечтал только об одном, чтобы как можно больше его кораблей покинули гавань. Теперь, в девять часов тридцать минут утра, стоя на пирсе, он мог испытывать удовлетворение: в его распоряжении оставалось гораздо больше командиров, чем кораблей.

Повсюду возбужденные взрывами военнослужащие вскакивали, быстро одевались, залпом пили кофе, целовали жен и мчались к месту службы.

В своем доме старший сержант Артур Фарнер натягивал форму, спеша на аэродром Хикэм. Жена подала ему галстук.

«Началась война, — отвел ее руку Фарнер. — В военное время галстук не положен».

Аэродром Хикэм бомбили и обстреливали уже более полутора часов. Все искали укрытия от осколков и пуль.

В базовом госпитале медсестра Моника Контер лежала на полу вместе с другими сестрами, врачами и пациентами. В ужасе девушка натянула себе на голову новое оцинкованное ведро для мусора. Кто-то пытался сдернуть ведро с ее го-

ловы, но она не отпускала его, крепко вцепившись в дужку.

А на аэродром Уиллер неизвестно откуда внезапно приземлился еще один Б-17. Когда пилот выпрыгнул из кабины, полковник Уильям Флуд — командир базы — спокойно приказал ему снова взлететь и обнаружить японский флот.

— Вы знаете, полковник, — расстроенным голосом ответил летчик, — ведь мы уже прилетели аж из Калифорнии.

— Я знаю, — согласился полковник, — но началась война, сынок.

— О'кей, — вздохнул пилот, — если вы нам дадите по чашечке кофе, мы полетим.

Флуд махнул рукой и приказал пилоту идти отдыхать до завтра.

Сколько самолетов успело взлететь в этот день с аэродрома Уиллер, сказать очень трудно. Командующим армейской истребительной авиацией Гавайского округа генерал Говард Девидсон считает, что их было примерно четырнадцать.

Документы ВВС показывают, что среди самолетов не оказалось ни одного нового истребителя П-40, а только горстка устаревших П-36. Возможно, генерал считает Уэлча с Тейлором, которые три раза садились, пополняли боезапас и взлетали снова.

У этих двух летчиков день оказался очень насыщенным событиями. Проскочив на машине в Халейву, лейтенанты сразу же кинулись к своим истребителям. Некому было проводить предполетный осмотр, некому было их инструктировать. Командир эскадрильи майор Остин охотил-

ся на оленей, а оставшийся за него лейтенант Роджер был неизвестно где. Летчики просто сели в свои истребители и взлетели.

Сперва они направили свои машины к Барберс Пойнт, где у японцев, как им успел кто-то сообщить, было место randevу. Но там никого не оказалось. Вспомнив, что у них почти нет боезапаса, лейтенанты совершили посадку на аэродром Уиллер, чтобы его пополнить. К девяти часам утра они уже были готовы взлететь снова.

В этот момент со стороны аэродрома Хикэм появились семь японских самолетов с явным намерением начать штурмовку Уиллера. Воспользовавшись внезапностью своего появления, они врзались в японский строй и сразу сбили двоих. Одним из них был как раз тот японский самолет, который, ломая верхушки эвкалиптов, рухнул в поле вблизи аэродрома.

Затем они помчались к аэродрому Эва, где застали за работой летчиков японских пикирующих бомбардировщиков и устроили себе настоящий пикник. Лейтенанты сбили четыре бомбардировщика, потом Тейлор был вынужден пойти на посадку из-за ранения в руку. Уэлч остался в воздухе и сбил еще один самолет.

На аэродроме Беллоу местные летчики пытались взлететь тоже, но группа японских истребителей оставила им мало шансов добиться успеха. Лейтенант Джордж Уайтмен пытался взлететь первым, но шестерка «Зеро» мгновенно его уничтожила. Истребители лейтенантов Ганса Христиансена и Сэма Бишопа были сбиты прямо на взлете. Бишоп сумел совершить посадку на

воду и в конце концов добрался до берега.

Стоявший у причалов в Гонолулу голландский лайнер «Ягерсфонтейн», который утром пришел с западного побережья, также подвергся атаке японских бомбардировщиков. Столбы воды встали вокруг. Поскольку Голландия находилась в состоянии войны с Германией, лайнер был вооружен, и голландцы знали, что нужно делать. Быстро расчехлив орудия, они открыли огонь. Это были первые союзники, которые присоединились к Америке в войне на Тихом океане.

Многие жители Гонолулу и всего острова, слыша взрывы, пытались узнать новости по радио. В восемь часов четыре минуты радиостанция Кей-Джи-Эм-Би прервала музыкальную программу, передав приказ всем военнослужащим армии, флота и морской пехоты немедленно прибыть к месту службы. Приказ был передан еще дважды: в восемь пятнадцать и в восемь тридцать. К этому времени вышла в эфир радиостанция Кей-Джи-Ю, призвав явиться к месту работы всех вольнонаемных служащих воинских частей, в первую очередь, врачей и медсестер.

Первое объяснение происходящего передали по радио в восемь сорок: «На Оаху произведен спорадический воздушный налет... вражеские аэропланы сбиты... на их крыльях замечены знаки восходящего солнца». Многих слушателей это сообщение еще больше сбilo с толку, поскольку слово «спорадический» посчитали синонимом слова «имитационный». Но даже те, кто поняли

правильно значение слова «спорадический», тоже узнали из сообщения очень мало. Некоторые включили радио между сообщениями, услышав передачу воскресной проповеди или музыку. Успокоенные, они выключили радио. Наиболее настырные шарили по эфиру, но натыкались только на радиопостановку по роману Уэллса «Война миров». Взволнованный диктор говорил о вторжении марсиан, а слушатели ухмылялись.

Директор станции Кей-Джи-Эм-Би Вебли Эдвардс, прибыв на работу, не знал, что делать. Никакой информации у него не было, а люди звонили на станцию, требуя объяснить, что происходит? Эдвардс был в отчаянии, так как ему самому никто ничего не сообщал. А между тем, станция передавала ужасно нелепую, но популярную тогда песенку: «Три рыбки», которая началась словами:

«По зеленому лугу в ярких пижамах
Гуляли три рыбки, держась за маму...»

В этот момент на станцию позвонил один из ее попечителей Аллан Девис — крупный гавайский бизнесмен. Эдвардс спросил:

— Что происходит? Маневры?

— Нет, черт возьми! — проорал в трубку Девис. — Это война!

Самым заинтересованным слушателем радиостанции Кей-Джи-Эм-Би был в эти часы, пожалуй, капитан 2 ранга Шин-Ичи Симицу в радиорубке японского авианосца «Акаги». Он ждал, какова будет реакция американцев на нападение.

Вскоре диктор начал совершенно спокойным голосом передавать приказы военнослужащим прибыть в свои части. А затем снова заиграла легкая музыка. Симицу был взволнован гораздо сильнее американского диктора.

ГЛАВА 10

«МНЕ НУЖНЫ ТРИ ДОБРОВОЛЬЦА: ТЫ, ТЫ И ТЫ!»

Высоко в небе над Перл-Харбором последние японские самолеты, заложив над базой широкий круг, уходили в западном направлении, исчезая столь же таинственно, как и появились.

На «Неваде» капитан 3 ранга Томас, дав задний ход, снял линкор с илистого грунта у мыса Госпитальный и с помощью подошедшего буксира перешел задним ходом на другую сторону канала, посадив корабль на твердое песчаное дно у полуострова Вайпио. Был дан отбой боевой тревоги. Музыкант Гриффин стал выбираться наверх с третьей палубы. Когда он вышел на верхнюю палубу, щурясь от яркого света, то машинально взглянул на часы: было ровно десять часов утра.

Напряжение полуторачасового боя еще давило на всех. Когда старшина Хендон подбежал к одному из своих друзей — комендору пятидюймового орудия, тот был так возбужден, что никого не узнавал. Он смотрел куда-то в пространство, видя там только самолеты противника.

Комендоры одного зенитного орудия пустили по кругу сигарету, пропустив, как обычно,

одного матроса, который не курил и не пил (даже кофе). Все были поражены, когда тот сказал: «Дайте мне затянуться».

Лейтенант Джон Ландрет вышел с зенитно-дальномерного поста в каком-то непонятном состоянии. Ему не верилось, что все кошмары только что свершились в реальности. Казалось, это был бред во сне. Он даже ущипнул себя, чтобы проснуться и убедиться, что ничего страшного в действительности не произошло.

Но не у всех было время предаваться подобным философским изысканиям. Многим еще приходилось думать очень быстро, чтобы остаться живыми на горящих и тонущих кораблях.

Когда в десять часов утра минный заградитель «Оглала» упал на левый борт, адмирал Фурлонг продемонстрировал сноровку профессионального акробата, перебежав по правому борту и спрыгнув на причал.

Официально было заявлено, что на «Оглале» разошлись швы корпуса от взрыва торпеды, поразившей «Хелену», но многие из его экипажа считают, что старый минзаг «утонул от страха».

В это же время экипаж оставлял севшую на грунт «Вест-Вирджинию». В районе боевой рубки пожар окончательно вышел из-под контроля. Пламя гудело, охватывая всю надстройку и подбираясь к мостику, где оказались отрезанными капитан-лейтенант Рикеттс, лейтенант Делано и смертельно изуродованный командир корабля, а также еще несколько офицеров и матросов. Жара становилась нестерпимой и один из матросов поливал всех на мостике из шланга. Лейтенант

Хенк Грэхем привязал к поручням конец, и многим удалось спуститься по нему на палубу. Отрезанный от остальных лейтенант Делано воспользовался своего рода гигантской лестницей: с мостика перепрыгнул на прожекторную площадку, оттуда — на башню главного калибра № 2, затем — на башню № 1 и наконец на палубу. Достигнув палубы, Делано бросился за борт и поплыл к острову Форд, стараясь держаться в стороне от горящего на поверхности воды мазута.

«Помогите! Помогите! Я не могу больше плыть!» — услышал лейтенант знакомый голос откуда-то из-за своей спины.

Это был пожилой старшина-сверхсрочник, известный на корабле как очень плохой пловец. Но сам Делано уже настолько ослаб, что не мог никому помочь, разве что подбодрить словом. Он обернулся и увидел, что старшина, энергично работая руками и ногами, продвигается вперед, продолжая кричать, что не в силах больше плыть. Он добрался до берега на пять минут раньше самого Делано.

Лейтенант Джакоби добрался до полубака «Вест-Вирджинии», все еще одетый по полной форме и даже в фуражке. Он нырнул под горящий мазут и, вынырнув на чистую поверхность, поплыл к находящейся неподалеку шлюпке. Но намокшая одежда тянула его вниз, а горящая нефть настигала сзади. Какой-то матрос из шлюпки прыгнул в воду, чтобы помочь ему, забыв, очевидно, что сам не умеет плавать. Они наверняка утопили бы друг друга, если бы кто-то не бросил им со шлюпки импровизированный ста-

сательный конец из связанных между собой простыней. И вытащили удачно. Когда они плюхнулись в шлюпку, ее нос уже начал гореть.

Лейтенант Венс Фаулер — казначей с «Вест-Вирджинии» — добрался до берега более безопасным способом. Он забрался на плот и, используя кассовую расходную книгу в качестве весла, медленно поплыл к острову Форд.

А на перевернувшейся «Оклахоме» матрос Джордж Марфи продолжал бороться за жизнь. Он и еще примерно тридцать человек оказались в замкнутой пирамиде, где беспомощно барахтались на поверхности воздушной подушки: вода не дошла около метра до странного потолка, выложенного кафелем. У одного матроса оказался фонарь, и они тщательно проверили каждый уголок, пытаясь понять, где находятся. Никто не мог сообразить, что линкор перевернулся и что выложенный кафелем потолок — это палуба. Около часа никто даже не пытался как-то выбраться из этого помещения. Уцепившись за комингс, вделанный в кафель, что позволяло им время от времени отдыхать, они надеялись на помощь извне, не понимая, что находятся глубоко под поверхностью воды бухты Перл-Харбора.

Время шло, никто на помощь не приходил и они понимали, что нужно что-нибудь предпринять самим. Под водой кто-то обнаружил люк, и несколько матросов нырнули, чтобы проверить, куда он ведет. Все боялись нырять в люк, не узнав его назначения. Многие люки на линкоре вели в продольные отсеки противоминной защи-

ты, откуда вообще было не выбраться.

Прошло еще немного времени и они поняли, что выбора нет. Воздух уходил из отсека, вода неумолимо приближалась к кафелю. Нужно было выбраться. При более тщательной проверке, выяснилось, что люк был обычным иллюминатором, но его крышка оказалась не снизу, а сверху, и все время падала, закрывая отверстие. (Так они впервые поняли, что корабль лежит вверх килем). Нырять пришлось по двое: один держал крышку, а второй протискивался в иллюминатор. Не всем удалось это сделать. Один оказался просто слишком большим для 14-дюймового отверстия. Он вынырнул обратно, заплакал и стал громко читать молитву.

Марфи с большим трудом удалось спастись. Три раза он пытался пролезть в иллюминатор, пока наконец ему это не удалось. Оттолкнувшись от корабля, матрос вынырнул на поверхность и был подобран шлюпкой с эсминца «Доббин». Его больше поразило не столько собственное спасение, сколько вид гавани. Ведь они там, внизу, предполагали, что «Оклахома» была единственным поврежденным кораблем.

Выбраться с севшей на грунт «Калифорнии» было гораздо легче. Когда целое море горячей нефти, подгоняемое ветром и течением, охватило корму сидящего на грунте линкора, капитан 1 ранга Банкли отдал приказ оставить корабль.

Было десять часов две минуты. Люди стали перебираться на берег. Но тут ветер переменялся, горящее море мазута ушло в сторону, и Банкли стал собирать своих людей обратно на борт.

Чтобы воодушевить их, главстаршина Коннер догадался закрепить на корме флаг, который так и не подняли из-за прерванной торпедами и пулеметным огнем официальной церемонии в восемь утра.

А на днище перевернувшейся «Юты» хлопотал неутомимый капитан 3 ранга Айсквит. Он услышал какие-то звуки, доносящиеся из корпуса старого линкора, и стремился помочь людям, оказавшимся в смертельной ловушке. Вместе с тремя мотористами, знавшими толк в сварке и газорезке, они готовились вскрыть днище корабля. Обстрел с воздуха очень мешал работе, но постепенно все стихло, на подмогу прибыли газорезчики с крейсера «Релей» и транспорта «Медуза». Проработав час, они вырезали полуметровое отверстие в днище: примерно в районе нахождения корабельных динамомашин, откуда подавались сигналы. Они стали кричать в темноту, где не было никого. Неожиданно во втором дне линкора отлетела крышка горловины и из нее появился машинист Джон Вайссен, до последнего момента обеспечивавший подачу освещения на погибшем корабле.

В отличие от моряков «Оклахомы», Вайссен хорошо знал, что корабль перевернулся. Он стал пробираться к днищу с фонарем в одной руке и большим гаечным ключом в другой. Гаечный ключ он захватил, чтобы стучать по корпусу и попытаться привлечь к себе внимание. Когда он добрался до второго дна, путь в междудонное пространство ему преградила горловина, крышка которой была завинчена двадцатью болтами.

И тут ему невероятно повезло, как всегда везет отважным в момент опасности — взятый им с собой гаечный ключ точно подошел к этим болтам.

В помещении центрального поста линкора «Невада» лейтенант Мердайнжер не был отрезан от верхней палубы, но его воображение рисовало именно эту картину. Помещение находилось на пятой палубе, свет погас, а на потолке едва зеленели слабые лампочки аварийного освещения. Вентиляция не работала, и чтобы не задохнуться, люди легли на палубу, сняв наушники. Некоторые были голыми по пояс, кое-кто в одежде.

В тусклом зеленом освещении пот на их лицах и спинах повернул мысли офицера в очень странном направлении: он подумал, что на такой натуре можно было снять отличный фильм о людях, терпящих бедствие в подводной лодке. Вообще его мысли в течение налета прошли через несколько фаз, которые можно было бы назвать молчаливыми молитвами. Сначала он молился, чтобы его не ранило. Потом, чтобы в случае ранения, он не остался инвалидом-калекой на всю жизнь. Затем он обнаружил в себе полную готовность умереть. Он молился только, чтобы ему суждено было умереть (понимая, что это клише достойно его, как офицера и джентльмена), вдохновив своей смертью подчиненных.

К сожалению, вдохновляться было совершенно нечем. Центральный пост был местом обработки всей поступающей на корабль информации, а вся поступающая информация была либо плохой, либо очень плохой. Сначала стало известно, что «Оклахома» и «Невада» начали крениться,

затем — что взорвалась «Аризона», а на «Неваде» вспыхнул пожар, подбирающийся к боевым погребам. А сейчас с мостика затребовали кого-нибудь, кто умеет говорить по-японски, что навело мысли на еще более неприятное развитие событий. Наверху лейтенант Джон Лендрет услышал переданное по радио сообщение, что японцы начали высадку у Бриллиантовой горы. Радист с авиатранспорта «Свен» поймал еще одно безрадостное сообщение: японцы уже захватили плацдарм на пляже Уайкики.

Слухи молнией облетали все корабли: сорок японских транспортов с десантом стоят у Барбер Пойнт. Они уже высаживаются на пляже Вайана. Захвачено уже все северное побережье острова. В течение ближайших тридцати минут будет нанесен удар по Шофилдским казармам и форту. Затем пришел слух, что Шофилд уже захвачен.

И как будто десанта с моря было мало, пошли слухи и о воздушном десанте. Японские парашютисты дождем падают с неба на пляж Нанакули на северо-западе острова и на поля сахарного тростника юго-западнее острова Форд. Их можно опознать по знакам восходящего солнца на их рукавах и спинах. Но в любом случае они все одеты в синие комбинезоны.

Люди, не потерявшие голову от слухов, пытались обработать поступающую информацию. Официальная армейская радиосеть передала на базу Канэохе сообщение о том, что с сампанов высаживаются японские войска у складов боепитания флота. Группа японских транспортов держится севернее. В семидесяти милях от берега

обнаружены восемь японских линкоров.

Радиосеть флота была не менее активна. На плавмастерской «Вестал» радист Джон Марфи занес в журнал сообщение о высадке японских войск у Барберс Пойнт, о воздушном десанте, выброшенном в долину Нуана, об отравлении диверсантами системы водоснабжения Гонолулу.

Тон сообщений становился все мрачнее: подняли восстание местные японцы, начала действовать «пятая колонна». Они отравляют воду, минируют дороги и мосты, нападают на военнослужащих, забивают каналы радиосвязи с помощью специальных передатчиков, которые им сбросили во время налета с самолетов в банках из-под консервированных бобов.

Страх перед «пятой колонной» и шпионские страсти охватили на острове почти всех без исключения. Но в этих страстях как-то совершенно забыли о японском генеральном консуле Кита.

Вскоре после начала налета репортер газеты «Стар-Бюллетень» Лауренс Накацука отправился в консульство и попросил мистера Кита прокомментировать события. Генконсул ответил ему просто: он не верит, что на американцев кто-то напал. Накацука вернулся в редакцию, дождался выпуска экстренного номера газеты и побежал обратно в консульство, надеясь, что, если экстренный выпуск не послужит консулу доказательством, то, по крайней мере, станет предметом для разговора.

Между тем, корреспондент агентства «Ассошиэтед пресс» Юджин Барнс позвонил в полицию: может быть, имеет смысл обыскать консуль-

ство? Шеф местного отделения ФБР Роберт Шиверс склонялся к тому же, и где-то около одиннадцати часов лейтенант Иошио Хасигава — офицер местной полиции японского происхождения — поехал в консульство, взяв с собой дюжину полицейских. Когда они прибыли, Кита на заднем дворе консульства нервно отмахивался от Накацука, упорно пытавшегося взять у него интервью.

Оставив людей у входа, Хасегава с консулом вошли в помещение. Из дверей одной комнаты валил дым. Кто-то спросил: не пожар ли?

«Нет, — не очень внятно сказал Кита. — Это кое-что другое».

Полицейские открыли дверь и обнаружили двух мужчин, жгущих бумаги в стоявшем в углу тазу. Полицейские затоптали огонь и захватили толстый манильский конверт, набитый документами. За другой дверью нашли еще четырех работников консульства, готовых сжечь пять холщовых мешков, заполненных бумагами.

Лейтенант Хасегава установил охрану, запер всех сотрудников консульства в одной комнате и приказал подготовить захваченные документы к передаче ФБР и представителям флота. Он также задал генеральному консулу и его сотрудникам вопрос, на который безуспешно искал ответ репортер Накацука: знали ли они о нападении японской авиации?

«Нет, — скорбно ответили все, — мы ничего не знали».

Наконец наступило время и для выполнения некоторых формальностей, вызванных внезапным

открытием военных действий. В одиннадцать часов пятнадцать минут утра семидесятидвухлетний губернатор островов Джозеф Пойндекстер, выступая по каналу радиостанции Кей-Джи-Ю, зачитал указ о введении на островах чрезвычайного положения. Голос старого губернатора дрожал, на что были свои веские причины.

Зенитчики с кораблей в Перл-Харборе на очень заботились о направлении стрельбы, и зенитные снаряды дождем падали на Гонолулу. Один из них разорвался на дорожке губернаторского сада, а второй влетел прямо в кабинет, уничтожив дорогую мебель. Кроме того, в момент самого выступления пришло предупреждение по армейским каналам о неизбежности еще одного налета. Помощники губернатора, едва он кончил читать указ, схватили старика под руки и потащили к автомобилю. Перепуганный губернатор решил, что сказал по радио что-то не то и за это был арестован по приказу военного командования.

В одиннадцать сорок две всем радиостанциям островов военные власти приказали не выходить в эфир до особого распоряжения. Это было сделано для предотвращения использования станций самолетами противника в качестве радиомаяков — весьма правильная и своевременная мера, если вспомнить, насколько успешно использовал гавайскую станцию капитан 2 ранга Футида. Но молчание радиостанций только способствовало распространению новых, еще более диких слухов о японцах, планирующих захватить Гавайские острова.

У японцев, проживающих на Гавайских островах, были свои, не менее зловещие прорицатели. Еще падали бомбы, когда среди них распространился слух, что американцы приняли решение вырезать их всех до единого человека. Потом слух несколько изменился: убить решено только мужчин, а женщин и детей — уморить голодом.

Некоторые признаки существования подобного решения уже имели место. Пять японских жителей острова на одной из проселочных дорог повстречали грузовик с боеприпасами, направляющийся в Перл-Харбор. В грузовике находились несколько матросов. Один из них — Джордж Кичон — попросил остановить машину и, схватив автомат, заявил, что намерен прикончить всех пятерых.

Вначале никто не возражал, но, когда Кичон поднял автомат, кто-то из матросов сказал:

«Что мы, звери какие-нибудь? Какое отношение эти люди имеют к тому, что произошло?»

Все одобрительно загудели. Кичон положил автомат и грузовик поехал дальше. Никто из японцев при этом не проронил ни слова.

В такой атмосфере юный японец Тадао Фучиками, одетый в униформу цвета хаки, подъезжал в одиннадцать сорок пять на мотоцикле к форту Шафтер. Фучиками работал посыльным телеграфной компании и в это утро выполнял свою обычную работу. Придя на почту в семь тридцать, он посмотрел на целую пачку телеграмм, подлежащих доставке, и по их адресам составил план своего маршрута. Некоторые те-

леграммы находились в конвертах, одна была адресована на форт Шафтер. Фучиками решил отвезти ее в последнюю очередь. На конверте ничего не было сказано о срочности послания, а было просто написано: «Командующему округом».

Когда он выехал развозить телеграммы, то уже знал о начале войны. Телеграфист рассказал ему о воздушном бое над Гонолулу, да и сам он мог видеть разрывы зенитных снарядов над Перл-Харбором. Он также знал, что это были японцы. Но война или не война — он должен выполнять свои обязанности.

По пути на форт его остановил патруль национальной гвардии. Ему посоветовали вернуться домой, сказав, что чуть не приняли его за японского парашютиста. Фучиками так и не понял, как это форма служащего почтовой компании может напоминать форму японского парашютиста, но принял предупреждение к сведению.

Затем его задержала полиция. Пропускали только работающих в воинских частях. Фучиками подвел свой мотоцикл к барьеру и показал полицейским телеграмму, адресованную командующему округом. Посоветовавшись, полицейские разрешили ему проехать дальше. Удивительно, но на самом форту никаких трудностей у него не возникло: Не останавливая его, часовой взмахом руки показал, что он может проезжать. Фучиками поехал прямо на узел связи, где и сдал телеграмму под расписку.

Телеграмма была расшифрована и в четырнадцать пятьдесят восемь передана адъютанту генерала Шорта. Тот сразу же бросился к коман-

дующему округом, а тот, едва ознакомившись с ней, приказал направить копию адмиралу Киммелу. Телеграмма была от генерала Маршалла из Вашингтона, принятая Центром связи армии США и переданная по линии компании «Вестерн-Юнион» в двенадцать часов одну минуту (шесть тридцать одну по Гавайскому времени).

Телеграмма была получена в Гонолулу в семь тридцать три — за двадцать две минуты до начала атаки. В телеграмме говорилось, что японцы собираются предъявить Соединенным Штатам ультиматум в тринадцать часов по Восточному Стандартному времени (семь тридцать по Гавайскому времени). Далее разъяснялось: «Что именно может произойти в назначенный час, нам неизвестно, однако будьте в соответствующей готовности...» Прочтя телеграмму, адмирал Киммел бросил ее в мусорную корзину, сказав доставившему ее армейскому курьеру, что это сообщение уже не имеет никакого значения.

Адмирал ждал другого сообщения, которое указало бы, где сейчас находится японский флот.

Инстинктивно Киммел склонялся к мысли, что японцы пришли с севера. Он сам всегда считал, что Перл-Харбор гораздо легче атаковать с севера, чем с юга. В девять часов сорок две минуты он даже радировал адмиралу Хелси на «Энтерпрайз» о «некоторых данных», указывающих, что японское соединение находится на северо-западе.

Но вскоре вся поступающая из разных мест информация стала говорить обратное. В девять пятьдесят командующий крейсерскими силами

доложил о двух авианосцах противника в тридцати милях к юго-западу от Барберс Пойнт.

Уже находящийся в этом районе тяжелый крейсер «Миннеаполис», зная, что это не так, пытался внести ясность, дав радио: **«НЕ ВИЖУ АВИАНОСЦЕВ»**.

Пройдя через шифровальщиков и штабные инстанции, эта радиограмма приняла следующий вид: **«ВИЖУ ДВА АВИАНОСЦА»**.

В двенадцать часов пятьдесят восемь минут четыре японских транспорта были обнаружены на юго-западе. В тринадцать часов пришло сообщение о корабле противника в четырех милях от Барберс Пойнт.

Радиопеленг на японский авианосец, нарушивший радиомолчание, мог быть прочитан, как пришедший прямо с севера или прямо с юга. Пеленгаторщик бросил монету и доложил, что пеленг показывает прямо на юг.

Вспомнив, что два японских авианосца были замечены недавно у атолла Кваджелейн, и на основании поступающей информации, адмирал Хелси начал концентрировать поиск противника на юге и юго-западе.

Корабли, выходящие из Перл-Харбора, также включались в поиск японцев. Когда пришло сообщение об обнаружении противника у Барберс Пойнт, адмирал Дремел поднял сигнал: **«Построиться и атаковать!»**

Строй получился не очень впечатляющим: крейсера «Сент-Луис», «Детройт» и «Феникс» с дюжиной эсминцев, но они отважно ринулись вперед. Естественно, никого не обнаружив, крей-

сера и эсминцы пошли на соединение с «Энтерпрайзом» и сами были опознаны как корабли противника разведывательным самолетом с авианосца. Это породило еще кучу сообщений, указывающих на юго-запад. Некоторые из этих сообщений были ретранслированы адмиралу Дремелу, и его корабли, не понимая этого, стали вести поиск самих себя.

Не лучше дело обстояло и с воздушной разведкой.

Единственными самолетами, способными взлететь, оказались старые, не вооруженные летающие лодки, уцелевшие на острове Форд. Все они входили в состав 1-й вспомогательной эскадрильи, которая занималась массой полезных вещей: возила почту, буксировала цели, фотографировала учения. Теперь их решили использовать в качестве боевых разведчиков, выдав экипажам для бодрости винтовки.

Однако, лететь на них ни у кого желания не возникло.

«Мне нужны три добровольца: ты, ты и ты», — объявил главстаршина Джакобс трем радистам, назначая их в полет.

Конечно, и они ничего не обнаружили, но подтвердили информацию, что противника нет около острова Оаху. Это мало помогло. Слухи продолжали множиться.

Тех же, кто мог дать информацию об отходе японских самолетов на север, никто не слушал.

Радиолокационная станция на горе Опана, которая засекала подход самолетов, видела и их отход на север. Но когда армию запросили: име-

ются ли у них какие-либо данные об отходе японцев, никто ничего не знал.

Все это имело уже мало значения для капитана 2 ранга Футида. Он даже и не пытался хоть как-то замаскировать пути возвращения своих самолетов на авианосцы. У них оставалось слишком мало горючего, чтобы вводить противника в заблуждение какими-нибудь ложными направлениями. Когда бомбардировщики закончили свою работу, они пошли на рандеву с истребителями в двадцати милях северо-западнее мыса Каена. Истребители не имели приводных станций и их возвращение на авианосцы зависело от бомбардировщиков.

Сам Футида еще некоторое время продолжал кружиться над Перл-Харбором, оценивая уровень нанесенного ущерба. Дым от пожаров мешал наблюдению, но ему удалось сделать несколько хороших снимков гавани. Можно было с уверенностью сказать, что четыре линкора были потоплены, а три других — тяжело повреждены. Об уроне, нанесенном авиации противника, сказать было трудно. Но в воздухе не находилось ни одного американского самолета. Это и было ответом на вопрос.

Около одиннадцати часов утра Футида направился к авианосцам. Со всех сторон на него неожиданно кинулись истребители, качая крыльями. Секунда напряжения — и вздох облегчения при виде красных кругов на крыльях.

Летчики заблудились и были рады появле-

нию своего командира, чтобы вернуться вместе с ним на авианосцы.

С мостика «Акаги» адмирал Кусака пытался помочь, чем мог, возвращающимся самолетам. Он приказал авианосцам подойти к Перл-Харбору на сто девяносто миль. План операции не предусматривал подхода ближе, чем на двести миль, но адмирал знал, насколько важны эти несколько миль для летчиков, у которых кончается горючее или чьи самолеты повреждены противником.

Стоя на мостике флагманского авианосца, адмирал Кусака напряженно водил биноклем вдоль южного горизонта. Вскоре после десяти часов утра далеко в небе появились блеклые черточки. Многие самолеты возвращались группами, парами, некоторые — в одиночку.

Стрелки указателей расхода горючего дрожали около нулевой отметки, нервы были напряжены до предела — полетное время заканчивалось. При таких обстоятельствах все уставные правила посадки были отброшены. Как только самолет садился, его тут же откатывали в сторону, чтобы освободить место для посадки следующего. Несколько самолетов сели на воду, не дотянув до кораблей. На «Сеаку» один истребитель скапотировал, когда авианосец внезапно клюнул носом. Но летчик не пострадал.

Некоторые не вернулись вообще. Двадцатисемилетний Иппей Гото, который сегодня утром впервые одел офицерскую форму младшего лейтенанта, не вернулся на авианосец «Кага». Помешанный на бейсболе лейтенант Фусата Иида не

вернулся на «Сорю». Артистичный лейтенант Мимори Судзуки не вернулся на «Акаги». Это он врезался в авиатранспорт «Картис».

Всего не вернулись двадцать девять самолетов и пятьдесят пять летчиков, штурманов и стрелков. Но триста двадцать четыре самолета были приняты благополучно на палубы авианосцев. Летчиков встречали криками восторга, засыпали вопросами. Некоторые пилоты сокрушались, что их торпеды и бомбы «чуть-чуть не попали», надеясь, что командование прикажет нанести еще один удар по Перл-Харбору.

Командир палубного дивизиона на «Хирю» капитан 2 ранга Амагаи, пытаясь подбодрить их, уверял, что близкие разрывы часто наносят гораздо более серьезные повреждения, чем прямые попадания. Чтобы пилоты не унывали, он некоторым сообщал по секрету собственную выдумку: «Мы не вернемся домой. Теперь мы нанесем такой же удар по Сан-Франциско».

Во всяком случае, все вернувшиеся исправные самолеты заправлялись горючим, перевооружались и выстраивались для взлета. Пилоты жадно ловили слухи, страстно желая нанести еще один удар по противнику. В тринадцать часов колеса последнего самолета ударились о палубу «Акаги». На авианосец вернулся Футида.

Он поднялся на мостик в разгар оживленной дискуссии: наносить еще один удар или нет.

Дискуссию прервали, чтобы выслушать мнение руководителя операции. Когда Футида закончил свой рапорт, адмирал Нагумо как-то неуверенно заявил: «Можно прийти к выводу,

что все желаемые результаты достигнуты».

Это заявление хорошо продемонстрировало, в каком направлении работали мысли адмирала Нагумо. Он всегда был против этой операции, но командование, не посчитавшись с его мнением, настояло на ее проведении. Подчинившись, он выполнил приказ, сделав все, что от него хотели. И больше не хотел искушать судьбу.

Напрасно капитан 2 ранга Футида приводил свои доводы: в Перл-Харборе еще много очень хороших целей, а обороны уже практически нет никакой. Если нанести еще один удар, то есть шанс поймать в гавани вернувшиеся авианосцы. Затем, если отходить не на север, а в сторону Маршалловых островов, то удастся перехватить американские авианосцы в открытом море.

Кто-то заметил, что это невозможно — танкеры отправлены на север в точку встречи с соединением и их не удастся вовремя переориентировать в южном направлении.

«Хорошо, — согласился Футида, — но в любом случае нужно нанести еще один удар по Перл-Харбору!»

Тревожно посматривавший в небо адмирал Кусака неожиданно прервал дискуссию, повернувшись к адмиралу Нагумо:

— Разрешите считать атаку оконченной и ложиться на обратный курс?

— Разрешаю! — ответил командующий соединением. Было тринадцать часов тридцать минут.

На военно-морской базе в Куре адмирал Ямамото чувствовал, что должно произойти.

Окруженный гудящими от возбуждения штабными, главком невозмутимо сидел в рубке флагманской связи линейного корабля «Нагато». После такого успеха первой атаки все считали, что необходима вторая.

Адмирал Ямамото молчал. Он слишком хорошо знал адмирала Нагумо. Не обращая ни к кому конкретно, Ямамото почти прошептал:

«Адмирал Нагумо начнет отход».

Через несколько минут радио принесло сообщение, подтверждавшее предсказание адмирала Ямамото.

Далеко на просторах Тихого океана сигнальные флаги, взлетевшие на мачте «Акаги», приказали всему соединению изменить курс. В тринадцать тридцать пять огромное соединение развернулось и направилось к родным берегам через свинцовые воды северной части Тихого океана.

А южнее Оаху младший лейтенант Сакамаки все еще пытался выполнить свою задачу. Несмотря на все усилия, «малютке» так и не удалось подойти к входному каналу. В итоге они налетели на коралловый риф и разбили один торпедный аппарат. Около полудня они снова налетели на риф и разбили второй торпедный аппарат. Им удалось снова сняться с рифа, но у них уже не осталось никакого оружия.

— Что будем делать, командир? — спросил матрос Инагаки.

— Мы тараним какой-нибудь из вражеских кораблей. Желательно, «Пенсильванию», — ответил Сакамаки. — Мы врежемся в него и, если

останемся живы, то уьем столько американцев, сколько сможем!

Инагаки заорал: «Полный вперед!», и весь остаток дня они предпринимали новые попытки, приносящие одни разочарования. Лодка не управлялась, давление воздуха в системах падало, дышать в рубке становилось невозможно от паров хлора и соляной кислоты.

Они всплыли. Сакамаки высунул голову на свежий воздух. Глаза его плохо видели и слезились. Он был в каком-то полубессознательном состоянии. Время от времени из темноты доносился плач Инагаки. Он заметил, что и сам плачет тоже.

ГЛАВА 11

«ЭТОТ МЕЧ Я ПОЛУЧИЛ ОТ СВОИХ РОДИТЕЛЕЙ»

Что бы ни происходило в других местах, в Перл-Харборе были уверены, что еще одна атака неизбежна.

Мощные 14-дюймовые орудия стоявшей в доке «Пенсильвании» были направлены на входной канал, готовые встретить любую неожиданность. Матросы и гражданские рабочие грузили боезапас, монтировали новые зенитные установки, ремонтировали старые.

На линейном корабле «Мэриленд» гремела музыка корабельного оркестра. Расчеты зенитных орудий и пулеметов внимательно вглядывались в небо, готовые встретить огнем новую волну самолетов противника.

Линкор «Теннесси» также был готов к бою, но остальной «линкорный ряд» был окончательно выбит из игры.

Полузатонувшая, искореженная «Аризона» продолжала гореть. Лейтенант Мастерсон, подойдя на катере к ее корме, взобрался на борт и спустил разодранный осколками и перепачканный мазутом флаг, все еще развевавшийся на корме погибшего линкора. Офицер решил, что флаг заслуживает того, чтобы его сохранили как память о первом дне войны.

Старшина Эдвард Весера на «Вест-Вирджинии» заменил изодранный и полуобгоревший флаг новым, одолженным с другого корабля. Он спросил одного из офицеров, что делать с остатками старого флага? Офицер ответил, что вообще-то все отслужившие флаги направляют в Аннаполис, где их демонстрируют в специальных витринах. Но этот, конечно, лучше бы сжечь. Весера так и поступил.

На «Вест-Вирджинии» еще несколько наиболее самоотверженных офицеров продолжали бороться с огнем, бушующим по всему кораблю. Капитан 3 ранга Доир Джонсон, глядя на расплавленные стекла иллюминаторов вспомнил расплавленные часы на картине Сальвадора Дали.

Огонь продолжал буйствовать, жара становилась нестерпимой, и около семнадцати часов последние офицеры покинули корабль.

Но на линкоре еще оставались люди. Глубоко внизу трое матросов оказались безнадежно отрезанными в насосном отделении. Они боро-

лись за жизнь до самого сочельника.

А на днище перевернувшейся «Оклахомы» суетились люди. Они слышали сигналы оказавшихся в западне моряков и стучали в ответ по днищу, чтобы их подбодрить. Целые команды, присланные с линкора «Мэриленд» и разных спасательных судов, начали вскрывать днище по всей длине огромного корпуса.

Работа была очень сложной. Она не ограничивалась тем, чтобы просто сделать отверстие и вытащить кого-нибудь наружу. Крики и сигналы погибающих отражались от пустот под килем линкора, и никто не мог сказать точно, откуда в действительности приходили призывы о помощи.

В проделанные отверстия опускались спасатели, пытавшиеся в прозрачном перевернутом мире отыскать точное расположение несчастных, чтобы вырезать новое отверстие прямо над ними.

Первые два человека, обнаруженные спасателями, были мертвыми. Они задохнулись, поскольку ацетиленовая горелка съела весь кислород в их помещении. От горелок пришлось отказаться и перейти на пневматические резаки. Они не были такими быстрыми, как горелки, но зато менее опасными.

Но возникло новое осложнение. Из-за медленности работы воздух из помещений корабля уходил быстрее, чем удавалось сделать отверстие. По мере выхода воздуха, поднималась вода, и люди могли утонуть прежде, чем их смогли бы вытащить. В прорезаемые отверстия подавали хлеб и воду.

Внутри «Оклахомы» моряки ждали решения

своей судьбы. Восемь человек, добравшихся до помещения рулевых машин, устроили своего рода демократическое правление. Каждое решение о дальнейших действиях принималось путем голосования. Сперва они набрали в помещении тряпок и матрасов, чтобы заткнуть вентиляционную трубу, через которую хлестала вода. Затем они пытались разведать, есть ли из этого помещения куда-нибудь путь. Но пути не было. Отовсюду была вода. Тогда они проголосовали сидеть здесь и ждать. У них было несколько гаечных ключей, которыми они время от времени били по переборкам. Но большую часть времени просто сидели и ждали.

Оставалось только медитировать, как заметил семнадцатилетний матрос Виллард Бол.

Чуть ближе к носу корабля, в коридоре, ведущем из боевого погреба башни главного калибра № 4, сидели и ждали еще тридцать человек. Они сидели в одних трусах, перемазанные мазутом, имея на всех один фонарик. Единственной надеждой для них казался люк, который вел на палубу выше. Естественно, сейчас эта палуба находилась под ними. Теоретически можно было, набрав воздуха, нырнуть на десять метров, пролезть в люк, пересечь палубу и вынырнуть в порту рядом с кораблем. Но такой нырок был людям на под силу. Некоторые пытались, но вернулись назад, не способные преодолеть десятиметровую толщу воды. Удалось это сделать только одному — не умеющему плавать хилому пареньку из Бруклина по фамилии Вейсман. Его вытащили на днище и он указал спасате-

лям точное место, где надо резать обшивку.

Оставшиеся в проходе ничего не знали. об этом, уверенные, что Вейсман утонул.

Воздух портился, вода прибывала. Некоторые куда-то ушли и не вернулись. В итоге, в коридоре осталось десять человек. Матрос Стефен Янг предложил своему другу матросу Вилберу Хинсбергеру пари на доллар: они сначала задохнутся, а потом утонут. Вилбер принял пари. Оба достали по мокрому доллару.

Они потеряли всякую надежду и лежали, ожидая конца.

Шли часы. Внезапно — невероятно — они услышали грохот отбойных молотков и кувалд прямо над головой. Схватив гаечный ключ, Янг отстучал по днищу «S.O.S.». Скрежет пневматических перфораторов, первое отверстие, через которое пробился дневной свет, и крики спасателей: продержатся ли они, пока удастся высверлить достаточно большую дыру? Они хором закричали «да», хотя далеко не были в этом уверены. Воздух со свистом уходил, вода столь же стремительно прибывала. Наконец лист обшивки отогнулся. Матросы и гражданские рабочие, крича от радости и волнения, вытащили их одного за другим на днище «Оклахомы», на холодный, свежий воздух солнечного воскресного дня.

Спасатели сразу раздали всем апельсины и сигареты, а через несколько минут подбежал Джесси Кинворти — старший помощник командира «Оклахомы». Он руководил спасательными работами, начав их организацию, когда на кораб-

ли еще падали бомбы. Он еще находился на корпусе корабля, когда в половине шестого утра в понедельник на днище вытащили Вилларда Бола и его «демократов» из помещения рулевых машин. Офицер не уходил с корабля, пока последний из тридцати двух спасенных не был вытасчен из недр «Оклахомы» — через тридцать шесть часов после того, как линкор опрокинулся.

На «Неваде», плотно сидевшей на грунте, среди обломков каюты командира на разбитом бюро лежал обгоревший и погнутый офицерский палаш. Позднее, когда капитан 1 ранга Скенленд нашел его, он схватил палаш двумя руками и сказал главстаршине Джеку Хели, который случайно оказался вблизи:

«Старшина, этот палаш я получил от своих родителей много лет назад, когда кончил военно-морское училище».

Хели мог понять эмоции и горе командира, которого не было на «Неваде» во время нападения. Он мог его понять лучше других. Для него самого «Невада» была первым и последним кораблем, который в течение двенадцати лет служил ему домом. Теперь старшина не мог сдерживать слез.

Внизу, в центральном посту «Невады» лейтенант Мердинжер упрямо отказывался покинуть свое место по боевому расписанию. Вода, которая просачивалась сверху, давала лейтенанту знать, что палуба над ним затоплена. По молчавшим телефонам он понял, что внизу осталось очень мало людей. Не было уже никакой необходимости в боевом информационном центре. Но

лейтенант оставался на посту. Около пятнадцати часов поток воды, прорвавшийся через водонепроницаемую дверь, не оставил ему выбора. Они отключили все телефоны и стали выбираться. Все быстро вскарабкались по скобтрапу в боевую рубку. Даже те, у кого это никогда не получалось.

Солнце уже садилось, когда лейтенант Эд Джакоби добрался до берега, проиграв бой с огнем на «Вест-Вирджинии». Он направился в столовую острова Форд, чтобы съесть хотя бы сэндвич, когда услышал звук горна, объявляющий о спуске флага. Он очнулся, встал смирно, вспомнив, что его страна еще жива, а сам он уцелел под первым ударом и готов воевать дальше.

Многие еще не понимали, что началась настоящая война и они находятся на передовой.

Стемнело. Языки пламени еще плясали над «Аризоной». Сверкали ацетиленовые горелки на днище «Оклахомы». А вся остальная гавань погрузилась в полную темноту.

На затемненных кораблях люди получили первую возможность за день немножко отдохнуть. Мысли почти у всех моряков работали в одном направлении: увидят ли они снова своих родных? Удастся ли еще когда-нибудь посмотреть футбол, любить девушку, попить пива или покататься с друзьями на автомобиле?

С темнотой поползли новые слухи. На форту Шафтер стало известно, что японский адмирал поклялся в следующее воскресенье дать обед

в Королевском Гавайском отеле. Главстаршина Хондлер на эсминце «Хелм» слышал, что все соединение во главе с авианосцем «Энтерпрайз» было потоплено. На «Танжере» старшина Уилльям Ленд получил сообщение, что авианосец «Лексингтон» также погиб. Сигнальщик Уолтер Грабанский с «Калифорнии» узнал, что погиб не только «Лексингтон», но и «Саратога».

Поговаривали от том, что никакой помощи с материка не будет. Старшине Джеку Хели с «Невады» кто-то поведал, что Панамский канал разбомблен и блокирован. Это значит, что Атлантический флот отрезан от Тихоокеанского. На «Хелене» передавали друг другу новость о бомбардировке Сан-Франциско. На «Теннесси» слышали, что японцы высадились на Западном побережье США. На «Пенсильвании» говорили, что японцы захватили Лонг-Бич и наступают в сторону Лос-Анджелеса.

В потоке панических слухов было и несколько бодрящих. На «Калифорнии» матросы узнали, что русские уже бомбят Токио, а среди матросов «Вест-Вирджинии» пошел слух, что японцы наполняют некоторые свои бомбы устричными раковинами из-за нехватки стали. Лучшая новость гуляла среди спасенных с «Оклахомы»: всем уцелевшим дадут тридцать суток отпуска.

На линкоре «Мэриленд» по корабельной трансляции объявили о потоплении двух японских авианосцев. Более дикая версия этой истории распространилась по военно-морскому госпиталю: «Пенсильвания» захватила два японских авианосца и прибуксировала их в Перл-Харбор. Все

верили, хотя каждый знал, что «Пенсильвания» находится в сухом доке.

На «Неваде» каждый верил сообщению, что японцы высадились на острове, но армия сбросила их обратно в море.

Нервы у всех были напряжены до предела и стрельба возникала по любому поводу. На авиабазе Эва часовой, увидев вспышку зажженной спички, чуть не пристрелил своего командира части подполковника Ларкина, который, вопреки собственному приказу, решил прикурить сигарету.

Старый рыбак японец Сутемацу Кида, его сын Киичи и двое других рыбаков были убиты пулеметной очередью с патрульного самолета, когда их сампан, возвращаясь с лова, проходил мимо Барберс Пойнт. Они вышли в море еще до нападения и вероятно ничего не знали о начале войны.

В самом Перл-Харборе во время одной из многочисленных ложных тревог пулеметной очередью с «Калифорнии» были убиты двое спасенных с «Юты», стоявшие на палубе «Аргонны».

Лейтенант Фритц Хебел чувствовал, что то же самое может произойти и с ним, когда около девятнадцати тридцати он вел шестерку истребителей с «Энтерпрайза» на аэродром острова Форд. Весь день они пытались обнаружить японские авианосцы, а когда прибыли обратно на «Энтерпрайз», было уже слишком темно, чтобы совершить посадку на авианосце, и им приказали лететь на Оаху.

Хебел запросил разрешение на посадку. С

КДП ответили, чтобы он зажег посадочные огни, сделал круг над аэродромом и сел. По всем кораблям был передан приказ: «Не стрелять — самолеты свои». Но стоило им появиться над базой, как все, что могло стрелять, открыло огонь. Разноцветные трассы со всех сторон потянулись к самолетам.

Напрасно с КДП острова Форд пытались дозвониться до штаба флота. Огонь продолжался. В воздухе лейтенант Хебел крикнул по радио: «Боже мой! Что случилось?» Лейтенант Джемс Даниэлс с включенными фарами спикировал на зенитчиков, ослепил их, а затем, сделав круг, совершил посадку. Но так везло не всем. Лейтенант Херб Межес потерял управление и упал прямо на город, врезавшись в таверну Палм Инн. Лейтенант Эрик Аллен выбросился с парашютом из горящего самолета, но был убит в воздухе. А самолет упал на город. Лейтенант Хебел пытался посадить свою поврежденную машину на аэродроме Уиллер, скапотировал на полосе и погиб. Лейтенант Флин выкинулся на парашюте над морем и был подобран на следующий день.

Зенитчики на кораблях ревели от восторга и возбуждения. Вид самолетов, горящих в ночном небе, был просто великолепен. Наконец-то они отомстили японцам! Они до сих пор не верят, что самолеты были своими. Но никакими другими они быть не могли.

Соединение адмирала Нагумо находилось уже в пятистах милях севернее Гавайских островов, направляясь к родным островам через океанский шторм. Эмоции приутихли. Наступила

разрядка. Механики капитана 2 ранга Тенбо даже отказались от праздничной чашки саке.

Радость от малых побед всегда уступает место депрессии, когда одерживается крупная победа. Капитан 2 ранга Тенбо это понимал.

Японские подводные лодки, развернутые южнее острова Оаху, тоже не представляли уже никакой угрозы. Большинство из них взяли на себя пассивную роль наблюдателей.

Капитан 2 ранга Катсуи Ватанабе время от времени рассматривал Перл-Харбор в бинокль с рубки «Джи-69», находящейся в нескольких милях от побережья. Он видел пламя, все еще бушующее над «Аризонай», и в девять часов одну минуту отметил сильный взрыв на ее борту.

Это был хороший отдых для командира подводной лодки, за которой весь день охотились эсминцы. Вероятно, они даже думали, что утопили его. Но Ватанабе был мастером в деле обмана противника. Он приказал выпустить из лодки специальное устройство, разливающее солянку по поверхности, чтобы на эсминцах решили, что он уничтожен, и успокоились.

Лейтенант Хасимото на рубке «Джи-24», рассматривая побережье, отметил произошедшие изменения. Яркие, разноцветные огни, которые он наблюдал накануне, исчезли. Остров Оаху лежал в полной темноте.

Развернув «Джи-24» на восток, Хасимото поспешил на randevу с «малюткой» младшего лейтенанта Сакамаки. Все сверхмалые лодки до-

лжные были собраться в заранее условленном месте в семи милях юго-западнее мыса Ланай, где намечалась встреча с заранее прибывшими океанскими лодками-носителями. Океанские лодки ждали всю ночь, ходя невычисленными курсами взад и вперед через океанскую зыбь на расстоянии визуальной видимости друг от друга. Ни одна малютка не появилась.

На «Джи-24» поняли, что младший лейтенант Сакамаки уже не вернется. Его личные вещи были аккуратно упакованы. Его прощальное письмо родным с локоном волос и кусочком ногтя с пальца было готово к отправке по почте. Сакамаки подробно написал, куда нужно отправить это письмо, оставив и несколько иен на почтовые расходы.

Но младший лейтенант Сакамаки не погиб. После наступления темноты его лодка, подгоняемая ветром и течением, дрейфовала в восточном направлении. Сакамаки открыл рубочный люк и в призрачном лунном свете жадно глотал свежий ночной воздух.

Матрос Инагаки проснулся и тоже вылез подышать воздухом. Но он еще не очухался от отравления парами хлора и снова улегся спать. Сакамаки остался бодрствовать, время от времени прикладываясь к бутылке с вином и предоставив лодке плыть по воле волн.

Волны были небольшими, но иногда захлестывали рубку, окатывая голову Сакамаки. Через плывущие над головой облака сверкали звезды и лунный свет танцевал по воде. Сакамаки начали одолевать мысли, очень опасные для человека,

добровольно согласившегося стать смертником. Он начал думать о том, что неплохо бы остаться живым.

На рассвете Сакамаки слева от себя увидел небольшой островок. Он решил, что это был Ланай — великолепное подтверждение веры в способность подводной лодки без всякого управления самой находить дорогу. В действительности «малютка» очень далеко ушла с курса, обогнув восточную оконечность Оаху и направляясь на северо-запад вдоль наветренной стороны острова.

Растолкав Инагаки, Сакамаки показал ему на островок. Это Ланай — значит, еще можно успеть на randevу с большими лодками. Они сделали отчаянную попытку запустить двигатель. Тот кашлял, чихал, как будто уже начинал работать, но снова останавливался. Батареи сели окончательно. Но они пытались его запустить снова и снова. Наконец двигатель заработал, бросив лодку вперед. В то же мгновение раздался скрежет, и сильный удар остановил «малютку». Они снова застряли на рифе.

Застряли крепко, сняться не удалось. Им не оставалось ничего иного, как уничтожить лодку и попытаться добраться до берега. Такой случай был предусмотрен и на лодке имелись подрывные заряды. Сакамаки вставил в них детонаторы и зажег бикфордов шнур. Несколько секунд оба смотрели на огонек, чтобы убедиться, что он не погаснет. Затем выбрались через рубочный люк на сигарообразный корпус малютки. Оба были в спасательных жилетах и плавках. Луна уже блек-

ла на западе, в восточном небе пробивались лучи нового дня. Впереди, примерно в двухстах метрах, темнел берег. У Сакамаки мелькнула мысль: а не должен ли он остаться на лодке, как надлежит командиру любого корабля? Но он отогнал эту мысль. В конце концов, он был не торпедой, а человеком.

Он попрощался с лодкой, как будто она тоже была человеческим существом: «Мы уходим — взрывайся со славой».

Сакамаки прыгнул в воду примерно в шесть сорок — его часы, которые всегда лояльно шли по Токийскому времени, остановились в два часа десять минут.

Вода оказалась холоднее, чем он ожидал, а волны гораздо выше, чем выглядели с борта лодки. Волны подхватили его, закрутили, как беспомощного младенца, и выбросили на берег. Инагаки прыгнул вслед за ним, но его нигде не было видно. Сакамаки стал кричать и услышал из волн голос: «Командир, я здесь!» Ему показалось, что он видит голову своего матроса, прыгающую вверх и вниз в волнах прибоя. Он крикнул ему несколько слов, чтобы подбодрить, но не был уверен, слышал ли тот его. Мертвое тело захлебнувшегося Инагаки было позднее выброшено волнами на берег.

Когда Сакамаки, пробившись через жестокий прибой, выбрался на берег, он понял, что подрывные заряды, которые должны были уничтожить его «малютку», не сработали.

Прошло пять... десять минут, но никаких признаков взрыва не было. Ему хотелось выть от

досады — даже в этом не было удачи!

Сакамаки хотел было плыть обратно, но понял, что это невозможно. Не то что плыть, но даже идти у него не было сил. Он упал ничком на песок, кашляя и выблевывая соленую воду. Затем потерял сознание.

Капитан не знал, что его выбросило на берег около аэродрома Беллоу в патрулируемую зону побережья.

Когда Сакамаки очнулся, то увидел стоящего над ним американского солдата, на лице которого читалось скорее удивление, чем злость.

Это был сержант Дэвид Акуи-старший прибрежного патруля. Война, которая только началась для миллионов людей, закончилась для военнопленного Кацуо Сакамаки.

В этот момент в столице Соединенных Штатов Вашингтоне было двенадцать часов двадцать минут дня 8 декабря 1941 года.

Кортеж сверкающих лаком и никелем огромных лимузинов подъехал к величественному зданию Капитолия. Эти огромные машины знала вся Америка, дав им прозвища: «Левиафан», «Куин Мэри» и «Нормандия». Эти лимузины принадлежали президенту Соединенных Штатов Америки, который приехал в Капитолий просить Конгресс объявить войну Японии.

Лимузины остановились у южного входа в Капитолий. Из одной машины вышел президент Франклин Рузвельт. Из других высыпала охрана, окружив президента. Рузвельт был в знакомой

всем флотской фуражке. Он опирался на руку сына Джимми, одетого в форму капитана морской пехоты. Вокруг, за кордоном конной полиции собралась огромная толпа народа. Стрекотали видеокамеры.

При виде президента, толпа разразилась бурной овацией. Все знали, почему Рузвельт приехал в конгресс. Президент остановился, улыбнулся и помахал в ответ рукой. Это не был его обычный жест, знакомый всем по предвыборным кампаниям. Это был скорее жест, призывающий к оптимизму.

Известие о нападении на Перл-Харбор, которое разнесли по Америке экстренные выпуски газет и радиопередач, всколыхнули все население огромной страны. Вчерашние изоляционисты, которые протестовали даже против захода американских торговых судов в порты Англии и России, звонили в Белый Дом, гарантируя свою полную поддержку президенту в его ответе Японии.

Над залом Капитолия висел дух решимости и единства. Лидеры правящей партии и оппозиции, собравшись вместе, обменивались рукопожатиями, готовые во всем поддержать президента. Лидер демократов Албен Беркли со слезами на глазах обнялся со своим многолетним противником — старым изоляционистом сенатором Хирамом Джонсоном из Калифорнии.

Полным составом в своих черных мантиях в зале появились члены Верховного Суда, за ними — члены кабинета и представители высшего командования вооруженными силами: генерал Маршалл и адмирал Старк. На галерее показалась,

одетая в черное, жена президента Элеонора. Недалеко от нее, как невидимая связь с прошлым, сидела вдова президента Вильсона.

В двенадцать часов двадцать девять минут в зале появился президент. Короткое представление спикера Сэма Райборна — и Рузвельт занял трибуну.

Конгресс стоя приветствовал президента бурной овацией, в которой впервые за девять лет приняли участие и республиканцы. И Рузвельт, почувствовав электроразряд гнева, пронзившего всю страну, начал свою речь:

«Вчера, 7 декабря 1941 года — в день, который останется в истории как День позора — Соединенные Штаты Америки были внезапно и преднамеренно атакованы военно-морскими и военно-воздушными силами Японской империи...»

Речь президента продолжалась шесть минут и в течение часа конгресс проголосовал за объявление войны. Но все, что нужно было сказать, было сказано президентом в первые десять секунд. Это было слово «позор». Это слово потрясло всю страну и сплотило ее, дав возможность победить в этой страшной войне.

До самой среды медсестра Моника Контер ничего не знала о судьбе лейтенанта Беннинга, разыскивая его повсюду. Уже потеряв всякую надежду найти своего жениха, она как-то поднималась пешком на третий этаж госпиталя аэродрома Хикэм. В этот момент открылись двери

лифта, и на лестничную площадку вышел сам лейтенант Беннинг в полной боевой униформе, выглядевший таким несчастным, усталым и измазанным, как ни один из тех солдат, которых ей приходилось видеть в кино.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

1. Сколько кораблей находилось в Перл-Харборе?

Скорее всего, — 96, хотя большинство схем показывают 90, опуская «Онтарио», «Кондор», «Кросбилл», «Кокату», «Пиро» и старый «Балтимор».

2. Каковы были силы американской авиации?

По данным следственной комиссии Конгресса — 394 машины. Многие были безнадежно устаревшими или находились в ремонте.

В готовности имелось

у Армии: 93 истребителя, 35 бомбардировщиков, 11 разведчиков;

у Флота: 15 истребителей, 61 «летающая лодка», 36 бомбардировщиков-разведчиков, 45 машин разного назначения.

3. Каков был состав японского ударного соединения?

31 корабль: 6 авианосцев, 2 линкора, 2 тяжелых крейсера, 1 легкий крейсер, 9 эсминцев, 3 подводные лодки и 8 танкеров.

Воздушные силы составляли 432 самолета, которые были использованы следующим образом: 39 — для боевого воздушного патруля, 40 — в резерве, 353 — для нападения.

4. Каковы силы передового соединения япон-

ских подводных лодок?

Видимо, 28 подводных лодок — 11 с небольшими гидросамолетами на борту, а 5 — со сверхмалыми лодками. (Комиссия Конгресса дает цифру 20, но она явно занижена, если сверять ее с японскими источниками).

5. Каковы были потери в людях у американцев?

Флот — 2008 убитых, 710 раненых.

Морская пехота — 109 убитых, 69 раненых.

Армия — 218 убитых, 364 раненых.

Гражданских лиц — 68 убитых, 35 раненых.

Из 2403 убитых почти половина приходится на погибших при взрыве «Аризоны».

6. Каковы были материальные потери?

В Перл-Харборе 18 кораблей были потоплены или серьезно повреждены.

Погибли: линейные корабли «Аризона» и «Оклахома», корабль-цель «Юта», эсминцы «Кассин» и «Даунс».

Сели на грунт, но позднее подняты и возвращены в строй: линейные корабли «Вест-Вирджиния», «Калифорния» и «Невада»; минный заградитель «Оглала».

Повреждены: линейные корабли «Теннесси», «Мэриленд» и «Пенсильвания»; крейсера «Хелена», «Гонолулу» и «Релей»; эсминец «Шоу»; гидроавиатранспорт «Картис», плавмастерская «Вестал».

На аэродромах уничтожено 188 самолетов: 96 армейских и 92 морских. Кроме того, 128 армейских и 31 флотский самолет были повреждены. Наиболее сильный удар был нанесен по авиабазам Канэохе и Эва. Из 82 находившихся там

самолетов только один был способен взлететь после окончания налета.

Во время налета произошло примерно 40 разрывов снарядов в городе Гонолулу. Все они, кроме одного, были взрывами зенитных снарядов, прилетевших с кораблей и береговых батарей Перл-Харбора. Нанесенный ими ущерб оценивается в 500 тысяч долларов.

7. Каковы были потери японцев?

Все источники сходятся на том, что при налете было потеряно всего 29 самолетов: 9 истребителей, 15 пикирующих бомбардировщиков и 5 торпедоносцев. Кроме того, погибла одна океанская подводная лодка и все пять «малюток». Людские потери: 55 летчиков, 9 подводников с «малюток» плюс неизвестное число подводников с океанской лодки.